

МАША БРОДСКИЙ

ОСИЯ, СЫН МАША -

МАЖУСТА ИМЕЕМ БОЖЬИМ

Исход евреев из Египта — что это было?
Самая жестокая и кровавая история Торы.
Самый первый, Самый древний,
Самый крутой детектив во все времена

Миша Бродский

**Осия, сын Нава — мангуста именем Божьим
(Дорога сквозь мёртвую и живую кровь — 1)**

*Время подвиги эти не стерло:
Оторвать от него верхний пласт
Или взять его крепче за горло -
И оно свои тайны отдаст.*

Владимир Высоцкий.

Введение. Эссе о Торе и Евреях

*Не зря ли знаньем бесполезным
свой дух дремотный мы тревожим?
В тех, кто заглядывает в бездну
она заглядывает тоже.*

Игорь Губерман.

Загадка: На кровати валяется, на «б» называется?

Ответ: Башмак.

Вопрос: Почему башмак на кровати валяется?

Ответ: Мой башмак, где хочу, там валяется.

Народное (может быть и еврейское) творчество.

Постоянное занятие евреев — изучать и толковать Тору. Во все времена еврей, прослышав, что где-то есть учёный мудрец, который хорошо знает Книгу, мог бросить всё и поехать (или пойти) чёрт знает в какую даль, чтобы поговорить с умным человеком. Тема одна: как кто понимает те или иные события и сообщения Торы.

И неважно, что встреча обычно заканчивалась тасканием друг друга за пейсы. Дело того стоило. Мало еврею просто изучать Книгу. Обязательно нужно, чтобы при этом его таскали за пейсы.

Итак, тайная причина написания этой книги — найти еврея, которому захочется потаскать меня за пейсы.

Давайте только договоримся, кто у нас будет евреем, и можно двигаться дальше. Евреем у нас будет человек, которому позарез надо знать, что это было: *Исход евреев из Египта*? Кто такой загадочный Корей и чего он не поделил с Моисеем? Что означает таинственная фраза «*Не варите козлёнка в молоке его матери*»? И вообще всё в Торе и всё о Торе.

В таком виде еврей это не национальность, не религия, не раса и не язык. Форма носа, цвет кожи, запись в паспорте, церковь, синагога или мечеть роли не играют. Важно одно — почтение перед Торой и признание её Книгой всех книг.

И сразу становится ясно, почему мы, евреи, народ избранный. Потому, что нас избрала Книга. Мы её удел.

Интуитивно для меня «еврей» всегда значило именно это. Но сформулировать чётко свои ощущения я смог только после знакомства с удивительной книгой Сергея Баймухаметова «*Ложь и правда Русской Истории*».

Я всегда знал, что я еврей и я русский. Еврей я по определению. Моему определению. Я не претендую на истину. Вы считайте, как хотите. Мне важно, чтобы Вы понимали, о чём идет речь.

А русский я потому, что мне жизненно важно знать: Что это было — Куликовская битва? Кто такой Рюрик и откуда его новгородцы притащили на княженье? Кто и зачем пустил эту сплетню про татаро-монгольское иго? Как это всё там переплеталось, развивалось, двигалось? Весь этот роскошный детектив — Русская История.

Спасибо Баймухаметову. Одно дело — что-то там внутри себя чувствовать, и совсем

другое дело — уметь это отчетливо формулировать.

Еврейская история, русская история — всё это было так давно. Понятно, что мы никогда не узнаем «Что и как это было?» на самом деле.

Так ведь это как раз и неважно. Важно само желание всё про это знать. Желание знать не на уровне головного мозга, а гораздо глубже. Там, где в человеке живёт Бог (если он, конечно, есть).

Чтобы окончательно добить обсуждаемую формулировку, замечу, что я не француз. Мне безразлично, был у Людовика 14 брат близнец или нет? Подменяли Людовика на его брата Филиппа или это просто сплетня? Хотя я с удовольствием читаю боевик про Железную Маску великого француза Александра Дюма.

Точно также я не американец, хотя и имею американский паспорт. Одно дело «Унесённые ветром». Очень приятно читать. А другое дело — война Севера и Юга, или высадка пилигримов, или все эти президенты. Мне по большому счёту неважно, как это было на самом деле. Как-то было, ну и ладно.

На этом месте я делаю развилку. Может показаться, что я пишу книгу только для евреев — евреев в моем понимании этого слова. Это не так.

Если Вам неинтересно, что это такое Тора, если Вам по большому счёту безразлично, как и что это было — Исход евреев из Египта, это совсем не значит, что эта книга не для Вас.

Любите крутые боевики? Как насчёт политических детективов, замешанных на психологии? Я обожаю такого рода литературу. Если Вы тоже, то эта книга всё-таки для Вас.

Есть в моей книге разделы, написанные для людей, которые знают Тору или хотят её узнать. Книга написана так, что эти разделы можно опустить. Я Вам подскажу в тексте, когда это можно сделать. И тогда останется лихо закрученный боевик-детектив. Читайте — не пожалеете. В основе ведь всё равно лежит Тора.

А ещё есть у меня тайная надежда, что прочитав эту книгу как боевик-детектив, Вы сделаете только первый шаг. Вы заинтересуетесь историей евреев и перечитаете мою книгу ещё раз. Уже не пропуская ничего. А потом Вам захочется почитать Тору. И финал, плачевный: мне оторвут мои пейсы. Но что тут поделаешь?

Если же не случится так, то тоже хорошо. Пейсы будут целы.

Даю первую подсказку. Это эссе и есть первый раздел моей книги, который Вы можете пропустить. Хотите детектив? Первая часть, страница 15 — там его начало. Вам туда.

* * *

Вы ещё здесь? Тогда продолжим — о Торе и Евреях.

Так какое отношение имеет Баймухаметов и его книга к Торе? Совсем никакого. Просто он продемонстрировал мне, как можно, имея жгучее желание знать и умение логически мыслить, на основании принципиально необъективного материала нарисовать очень убедительную картину «Что и как это было?» и развернуть её в захватывающий детектив.

Нам, евреям, как всегда везёт. Мы тащимся от Торы, а Тора содержит неизмеримо больше этого самого принципиально необъективного материала. Такое не получишь ни из каких других источников.

И это хорошо. В смысле, нам, евреям, хорошо. Есть где развернуться. У нас есть

удивительный текст невозможной и необъяснимой информационной ёмкости.

Как можно в 40 небольших страниц вложить всю предысторию евреев, начиная от похода Авраама в Ханаан и кончая исходом израильтян из Египта?

Как можно буквально несколькими эпизодами нарисовать очень живых людей Авраама, Исаака, Иакова? Притом это цветные, трёхмерные, очень детальные картины со многими оттенками.

Как можно несколькими словами изобразить внезапную и удивительную любовь Иакова к Рахили?

Это невозможно. Тем не менее всё это есть в Торе, и всё это и есть Тора.

Поэтому Тора и имеет право избирать свой народ.

Поэтому три мировые религии со всеми своими разновидностями черпают свои идеи, свою историю и свою философию из этого океана информации — океана неисчерпаемого.

Религии получают потом. Сначала есть евреи, которые пьют из этого источника и рожают в муках удивительные проекты.

Нам неважно, что мудрецы, писавшие Талмуд, были евреи и по паспорту тоже. Или что еврей Магомет был арабом, а в строительстве Христианства принимали участие евреи самых разных национальностей. Для нас все они евреи.

Попробую и я испить этой удивительной водицы. Имею право. Перед Книгой мы все равны. Все мы намного меньше её. Все мы приблизительно одинаковые по сравнению с ней. Каждый имеет право пить из этого источника.

Что нужно еврею, чтобы написать историю? Еврею нужна Тора и нужен другой еврей, с которым он будет принципиально не согласен. Сгодится любой еврей, но хорошо бы, чтобы был поумнее.

В религиях искать таких не будем. Очень уж монументальные конструкции. Родившись от Торы и еврея, религия **всегда** попадает в другие руки и становится политикой — уделом неевреев. А политика — это **всегда** грязь. **Нам туда не надо.**

Опять же религия — понятие принципиально коллективное, а еврей **всегда** существо одиночное.

Но самое страшное слово — это *Вера*. Фундамент любой религии. То, на чём религии стоят. Верующему не нужны логика и археология, факты и доказательства. Или ты веришь тому, что тебе говорят, или надо тебе голову оторвать, живот взрезать или ребёнка, обвешанного взрывчаткой, на тебя послать.

Мечты еврея о таскании за пейсы на этом уровне выглядят несерьёзно и нереально.

Да и не нужны нам религии. Проблем с выбором подходящих евреев у нас нет. Умные евреи с умными книгами о Торе это не проблема, это нормально. Тем более, что говорим мы о евреях очень специального вида.

И я легко подобрал себе в оппоненты трех евреев, книги которых я люблю и с которыми я бы с удовольствием поспорил, будь такая возможность.

Это еврей Томас Манн и его очень добрый роман «Иосиф и его братья», еврей Зенон Косидовский с прекрасной книгой-исследованием «Библейские сказания» и еврей Дэвид Рол, автор Новой хронологии событий библейской эпохи и популярной книги «Утраченный Завет», чрезвычайно информативной и захватывающе интересной.

Повторюсь ещё раз. Официальная национальность этих евреев нам без разницы. Так, Томас Манн, наверное, немец, Зенон Косидовский — поляк, Дэвид Рол — англичанин. Нам это неважно. Для нас они евреи.

Зачем мне Томас Манн и его «Иосиф»? Зато, что его роман хорошо иллюстрирует мой тезис о поразительной информационной плотности Торы.

Лауреат Нобелевской премии, замечательный писатель Томас Манн четырьмя или пятью томами своего романа даже близко не смог перекрыть 40 маленьких библейских страничек.

Персонажи Торы намного ярче и выпуклей, а сами истории в Торе намного естественней и достоверней. И намного интересней.

Вот пример. Иаков, убегая от брата Исава, приходит к источнику воды и встречается Рахиль — будущую жену. Там камень. Чтобы откатить его, надо не меньше десяти местных жителей. Тут появляется Бог (у Томаса Манна, не в Торе) и помогает Иакову откатить этот камень.

Зачем Томасу Манну Бог в этом эпизоде? А как же иначе? Ведь Иаков и по Торе, и по интриге его романа маменькин сынок, «человек гладкий» и панически боится своего брата Исава, папенькиного сынка и «человека косматого».

Да, действительно, по Торе силён и свиреп Исава. Панически боится его Иаков. Но ведь боится только его. По той же Торе больше никого. Ни тестя своего с сыновьями, ни даже Бога самого. Может бороться с Богом целую ночь. Да и победить Бог сумел только нечестным приёмом, повредив Иакову бедро.

Силён был человек Иаков. Сам откатил тот камень. Выпендривался перед юной красавицей и откатил. Не было там Бога. Ни в Торе, ни на самом деле. Не нужен был Бог Иакову в таком мелком деле. Не обращались древние евреи эпохи патриархов к Богу за помощью. Сами справлялись со своими проблемами.

Это только с Моисея началось. Моисей приспособился использовать Бога для решения своих мелких и не очень мелких проблем.

До него, если и была помощь божья, то обычно её Бог сам еврею навязывал и нельзя сказать, что евреи всегда этому так уж радовались.

Теперь — почему Зенон Косидовский? Еврейскую женщину как-то спросили, зачем она сделала обрезание своим сыновьям? Она ответила: «Во первых, это красиво».

Так всё-таки, почему Косидовский? Во-первых, мне очень нравится его книга. Это красиво. Во-вторых, мне нравится его позиция. Априори он принимает: то, что написано в Торе — было. И только потом пытается найти красивые конструкции, объясняющие как это могло быть. Тут уж он использует археологию, логику и вообще всё, что можно привлечь из самых разных источников.

Всё, что сказано о Косидовском, справедливо и для книги Дэвида Рола «Утраченный завет». Только у него ещё есть новая хронология. И эта хронология по ряду причин для нас очень важна.

Традиционно достоверность библейских событий определяется следующим образом. Есть последовательность событий Торы и есть хронология этих событий (следуя Ролу, будем называть её традиционной хронологией или ТХ), то есть привязка событий Торы к определённым временным точкам или интервалам.

Эта привязка была разработана несколькими поколениями учёных историков (сплошь умные ребята — евреи в нашем понимании).

В качестве примера возьмем захват и разрушение Иерихона. По ТХ это произошло в 1200 году до нашей эры. Но по археологическим данным Иерихон был разрушен около 1400 года до нашей эры.

С археологией не поспоришь, и традиционные историки делают очень интересный и для меня неожиданный вывод: всё это миф, придумано. Не захватывал Иисус Навин Иерихон. И вообще большой вопрос, был ли этот Иисус на самом деле.

Никакие доводы о том, что очень уж убедительно, со всевозможными деталями описано в Торе это событие (сказки так не пишутся), в расчёт не принимаются. Естественный вывод, что это несовпадение говорит об ошибках в традиционной хронологии, почему-то даже не рассматривается.

Новая Хронология Рола — это и есть попытка привязать события Торы к временным точкам в соответствии с последними археологическими изысканиями.

Дэвид Рол, как и Косидовский, априори считает, что события Торы были. Вопрос только, когда именно.

Иерихон был разрушен евреями во главе с Иисусом Навином — **факт из Торы**. Время, когда был разрушен — около 1400 года старой эры — **археологический факт**.

По таким **непреложным фактам** и строится Дэвидом Ролом Новая Хронология, увязывающая все события в непрерывную временную цепь и предоставляющая уточнённую дату захвата Иерихона — 1407 год до нашей эры.

Но Тора — это не только история, это ещё и сборник мифов и литературных произведений. Например, история Самсона — увлекательный героический боевик.

А личность Моисея просто-таки упакована в целый букет различных мифов и легенд. История о том, как, кем и зачем этот букет составлялся, является одной из основных интриг предлагаемого детектива.

Но как отличить исторические события Торы от мифических? Так видно же! Читать надо внимательно. В Торе всё для этого есть. Априори мы принимаем решение — это было. А если не было, то должно смотреться очень уж, что не было.

И опять — спасибо Баймухаметову. Научил, не как видеть (это уж дано или не дано), а как аргументировать. Аргументировать надо нагло: видно и всё.

Ведь видно же, что разрушили евреи Иерихон. Это как надо было любить традиционную хронологию, чтобы в этом сомневаться. Лазутчики, жильё в городской стене, бежали в другую сторону, три дня отсиживались и т. д. Зачем всё это в сказке? Какой смысл? А вот если это было на самом деле, то да, смысл есть.

Но вот рождение Моисея — это чистый миф. Опять же видно. Всякие там детали: корзиночка с ребёнком в реке, египетская принцесса тут же крутится, и сестрёнка с мамой-кормилицей — тут как тут. Очень обычная на востоке сказка. Со времён Саргона Великого, а может и ещё раньше.

И зачем всё это, тоже понятно. Надо было мадианитянина Моисея в евреи записать. Зачем надо? Это ещё одна из интриг нашего детектива. Читайте дальше — будете знать.

Так всё-таки — что общего между Томасом Манном и мной? Наглость. Правильное изложение Торы — вслух читать. Пересказывать её своими словами — это наглость. На что надеемся? Написать лучше, чем в Торе?

А что общего между мной, Зеноном Косидовским и Дэвидом Ролом? Опять наглость. Правильное изучение Торы — тщательно и бережно рассматривать лингвистические особенности перевода каждой отдельной фразы и в конце книги дать свои робкие комментарии. А лазить по тексту Торы и искать, где что не сходится и как это должно было бы выглядеть на самом деле, — это наглость.

Ну и наконец, чем я отличаюсь от этих авторов? Нескромно так говорить, но, знаете ли,

я наглее. Читайте дальше и сами убедитесь.

Так что же всё-таки послужило стимулом для написания этого, надеюсь, очень странного детектива? Чего я такого начитался в Торе? Что мне из неё слышится?... А слышится мне из Торы следующее:

Тезис 1. Еврейский бог — это абстрактная идея. Нет Бога вне человека.

В Торе еврейский Бог — Бог Авраама и Иакова — не имеет ни имени, ни голоса, ни физической сущности. БОГ это нечто внутри человека. Для общения с Богом еврею не нужны посредники. Достаточно обратиться внутрь себя.

Каждый может общаться с Богом, но не каждый умеет это делать. Необходим высокий уровень абстрактного мышления.

Общение с еврейским Богом по сути своей и есть акт высочайшего абстрагирования. Есть в Торе некие физические сущности где-то рядом с Богом. Ангелы, херувимы и тому подобное. Использует их Бог для определённых физических действий. В основном для проведения экспериментов. Ну там проверить человека на праведность, как в случае с Лотом. Причем в этом случае Бог заранее знает ответ. И вся кутерьма затеяна, чтобы доказать упёртому Аврааму, что он не прав.

Но сам Бог — это абстрактная идея. Такой Бог не годится для большинства народов с конкретным типом мышления и без еврейской навязчивой тяги к мышлению абстрактному.

И, конечно же, этот дикий неуправляемый Бог неприемлем для любой власти или политического деятеля, рвущегося к власти.

Идея абстрактного Бога есть основная причина постоянной конфронтации власти и евреев.

Дорвавшись до власти, политические деятели всегда стремятся подменить еврейского Бога на более цивилизованного, ручного. Бога с задаваемыми атрибутами.

И в первую очередь следует убить саму идею общения людей с Богом без посредников. Такое общение недопустимо для любой власти.

Естественный пример в нашем случае — это мадианитянин Моисей. Получив власть, он первым делом узурпировал право общаться с Богом. С лютой жестокостью подавлялись попытки евреев поставить под сомнение право Моисея говорить от имени Бога, право быть единственным посредником между Богом и людьми.

Тезис 2. Древние евреи всегда были намного выше по культуре и интеллектуальному уровню, чем те народы, среди которых они жили.

Этот мой тезис полностью противоречит как традиционной точке зрения, так и мнению выбранных мною спарринг-партнеров (для того и выбирал).

Традиционно евреи тех времен описываются как дикий примитивный народ, интеллектуальный уровень которого не идет ни в какое сравнение с уровнем тех же египтян. Откуда всё это берётся, для меня загадка. В Торе же всё не так.

Посудите сами. Еврейский паренёк Иосиф попадает в рабство к одному из самых влиятельных и богатых египетских чиновников. И тот почти сразу ставит этого юношу

управляющим всего своего очень немаленького хозяйства.

Ну хорошо, у мальчика еврейская голова, но этого же недостаточно для такой должности. Этот мальчик обязательно должен был быть очень грамотным. Должен уметь читать, писать. Должен очень хорошо знать арифметику.

А ещё Иосиф мог интерпретировать сны. Тут уж никак не обойтись без хорошего литературно-мистического образования, конструктивного и логического мышления.

Откуда он всё это мог взять в своем диком примитивном племени? Ой, не дикое то племя было. И не примитивное. А можно было в нём получить такое образование, что египтянам и не снилось.

Справедливости ради надо заметить, что Иосиф и среди своих братьев выделялся интеллектом. Поэтому они пасли овец, а он проводил время в шатрах за учёными занятиями.

А его знаменитые разноцветные одежды свидетельствуют, что предметом родительской гордости среди евреев и в то очень давнее время были умные образованные дети.

И опять. Мои основные претензии — не я это выдумал. Это всё есть в Торе. Я не выдумывал — я всё это там подсмотрел.

Тезис 3. Никогда евреи не были рабами.

А были евреи строителями среди египтян. И были они учёными, инженерами, алхимиками, врачами, философами и поэтами. Были ювелирами и художниками, музыкантами, певцами и поварами. Были моряками и купцами, чиновниками и военными. Были, наконец, жрецами. Были бандитами и грабителями.

Но никогда евреи не были рабами. Египтяне были рабами Фараона. А евреи нет. Так уж повелось. Ещё со времен Иосифа.

Про еврейских строителей каждый знает. Те самые знаменитые кирпичи из глины с соломой, которые лепили тёмные еврей-рабы. А ведь не рабский труд это был. Не простое дело эти кирпичи.

Остатки сооружений из них находят в раскопках до сих пор — через 3–4 тысячи лет. Были это дворцы, храмы и погребальные пирамиды. Дух захватывает: какой квалификации требует такое строительство.

И сейчас ещё в Узбекистане и других среднеазиатских государствах строят дома из таких кирпичей. Сам видел. Это невысокие строения каркасного типа и соорудить даже простой кирпичный забор, чтобы он не осел под собственной тяжестью и не размок от дождя и снега, очень надо знать, что и как делать.

Тем более непросто то, что понастроили евреи в Египте.

И про врачей в Торе сказано. Вспомните знаменитых еврейских акушеров. Жили эти акушерки в Египте очень богато. Об этом в Торе сказано прямо.

С ювелирами всё ясно. Не было проблем с ювелирами у Моисея, когда он задумал сделать Ковчег Завета. Не надо было ему обращаться к высокоразвитым египтянам за помощью.

А вот Фараону, если чего посложней надо соорудить, уверен, без евреев было не обойтись. Не зря с уходом евреев из Египта закончился в этом самом Египте золотой век.

На ряд еврейских профессий-каст есть не прямые указания в различных местах Торы. Много можно почерпнуть из предсмертного благославения Иакова.

Завулон «при берегу морском будет жить и у пристани корабельной». Моряки, кораблестроители и путешественники — дети Завулона.

Для Асира — «слишком тучен хлеб его, и он будет доставлять царские явства». Повара и кулинары — дети Асира.

«Неффалим — серна стройная; он говорит прекрасные изречения». Артисты, поэты, певцы, комедианты — дети Неффалима.

О каком рабстве вообще может идти речь? По Торе жили евреи в Египте очень неплохо. Даже богато. Ели мясо, рыбу, овощи. Хорошо питались. Думаю, намного лучше остального египетского народа. И дома у них были, и золото-серебро, и скотина всякая.

Долго ещё после Исхода евреи с тоской вспоминали свою египетскую жизнь и не раз порывались повернуть назад.

Нет уж. Кем угодно были евреи в Египте, но только не рабами.

Тезис 4. Главный Бог Египта Амон — это еврейский Бог.

В Торе про это вроде бы ничего не сказано. Но из других источников мы знаем о существовании в Египте культа бога Амона, поразительно похожего на Бога евреев.

Тот же принцип персонального общения с Богом без посредников. То же отсутствие всякой религиозной атрибутики. То же требование личного благочестия от людей.

Амон — бог вездесущный, вечный, незримо пребывающий в любом естестве. Бог-творец, создатель земли и неба, богов и людей, растений и животных, всего живого и неживого в этом мире.

Это не мои слова. Это я цитирую древние египетские папирусы, книгу мёртвых Египта и надписи с древних египетских статуй и храмов.

Если Вы после этих цитат не распознали в боге Амоне еврейского Яхве, то могу только грустить вместе с Вами.

И ещё: бог Амон в Египте возникает буквально из ниоткуда. До 12 династии Среднего Царства (то есть всё Древнее Царство и династии первого переходного периода) его нет вообще, а начиная с первого фараона 12 династии это уже главный бог всего Египта. Причём резко и сразу, без предыстории.

А теперь совсем смешно. Используя замечательные достижения Новой Хронологии Дэвида Рола я могу показать, что фараон Иосифа это первый фараон 12 династии Среднего Царства Аменхет I (не путать с Амонхотепами из 18 династии). То есть переселение евреев в Египет совпадает по времени с появлением в Египте бога Амона. С появлением и с одновременным вознесением его на вершину иерархии — над всеми остальными богами.

Я не только могу это показать, но и покажу — позднее, в послесловии ко второй части детектива. Но сначала мне нужно бережно и аккуратно подготовить Вас к некоторым неожиданным теориям и парадоксальным интерпретациям известных фактов. Я этим займусь в первой и второй частях этой книги.

Есть ещё ряд не таких скандальных, но зато общепринятых фактов, подтверждающих этот мой тезис.

Например: почти единогласно специалисты по древней истории Ближнего Востока и Египта (филологи и историки) считают, что само слово «Амон» семитического происхождения (могу сослаться на Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А.

Ефрона). Означает оно сокровенный, невидимый. Типичные характеристики Яхве, древнего Бога евреев.

Можно ещё вспомнить, что первоначально (очень недолго) бог Амон ассоциировался с богом Монте, древним египетским богом войны. Так ведь и Яхве это бог войны, только не египетский, а еврейский. Понятная ассоциация.

Или такой факт. Священное животное бога Амона это баран. Теперь вспомним, что евреи это пастухи-овцеводы. Баран — их животное. Основа их жизни. Совпадение? Может быть, но это вряд ли. И вообще: я пишу детектив. Священный лозунг этого жанра: «Мы не верим в совпадения!»

Жрецы Амона были очень влиятельны и со времён Иосифа сказочно богаты (а это уже из Торы). Но что интересно: при несомненной лояльности жрецов Амона к фараону и к его власти культ этот вызывал постоянное раздражение у сильных мира того и желание этих сильных заменить не столько бога Амона, сколько существующую практику общения с ним.

Не могли допустить фараоны общения подданных с Богом без их посредничества. Хотели они быть единственными представителями Бога, а ещё лучше его живыми воплощениями.

Один из примеров — это фараон Эхнатон с его попыткой замены культа Амона на культ Атона, опирающегося на символику в виде жёлтого диска с лучами-руками и на определение фараона как живого воплощения Бога на земле.

Провалилась эта попытка. Хотя и народ был за: куда понятней, когда видишь того, с кем говоришь. Опять же фараон, праздничные шествия и всё такое красочное. И Эхнатон был при полной власти, с твёрдым характером, силён и очень агрессивен.

Но не получилось. Была у жрецов Амона и реальная сила, и реальная опора на определённые слои египетского общества.

Так вот, если это были еврейские жрецы и опирались они на еврейские общины, то можно понять, почему революция Эхнатона провалилась. Не бывает революций без евреев.

Тезис 5. Исход евреев из Египта был задуман и осуществлен группой еврейских мыслителей. Моисей изначально был только подставной фигурой. В процессе подготовки и осуществления Исхода ему удалось узурпировать власть и физически уничтожить настоящих творцов Исхода.

Один из самых важных для меня вопросов к Торе: «Были ли среди евреев в Египте вообще и среди участвующих в Исходе в частности учёные, инженеры, химики, философы?»

Вообще в Египте среди учёного люда евреи, конечно, были. Это из общих соображений. Где Вы видели учёный мир без евреев?

Но почему в Торе нет прямых указаний на участие евреев-учёных в Исходе?

Да потому, что весь проект Исхода был изначально задуман, спроектирован и осуществлён группой мыслителей во главе с Кореем, самой интригующей личностью Торы.

Потом уже власть перехватил Моисей и постарался сделать всё, чтобы память об оригинальных инициаторах Исхода стёрлась навсегда. А это не так уже и трудно, если иметь абсолютную власть. В ближайшей истории мы можем найти тому множество примеров.

Но откуда я Корея вытащил? Ведь практически только в одном месте в Торе на

пространстве меньше двух страниц упоминается этот персонаж.

Так на то она и Тора. Книга всех книг. Я же говорю: информационная ёмкость невообразимая. Торе достаточно одной-двух страниц, чтобы сообщить нам многое.

Из этих двух страниц следует, например, то, что Корей был самым главным и страшным врагом Моисея. Никого другого не боялся так Моисей, как его.

О масштабе личности Корея можно судить и по другим источникам. Когда в Коране Аллах проклинает врагов Моисея, он ставит Корея первым в списке, перед Фараоном. Вот такой масштаб.

Удалось Моисею уничтожить Корея с Божьей помощью. В Торе это убийство подаётся как чудо великое. Только чудом (или подлостью) можно было его победить.

Из этих же двух страничек можно видеть, как уважали евреи Корея. Двести пятьдесят человек, самые именитые и уважаемые люди, люди собрания из всех еврейских племён, были с ним. И погибли вместе с ним. И ещё 14 тысяч евреев были уничтожены в последовавшем за гибелью Корея восстании.

Моисей Корея боялся, а Корей его нет. Не боялся и не уважал. И об этом тоже написано в Торе. В тех же двух страницах. Это и смелость, это и сознание своей силы, но это и поразительная политическая близорукость.

До самого конца не принимал в расчёт мелкого фокусника Моисея высокомерный Корей. Даже и в мыслях не было, что посмеет поднять на него руку этот жалкий, косноязычный и недалёкий человек.

Побойтся Моисей остаться без удивительного оружия, обеспечивающего безопасность и гарантирующего евреям победу в любом бою. Побойтся посягнуть на авторитет Корея.

Да только не побоялся Моисей. Посмел поднять руку и на Корея, и на других знатных и учёных людей. На всё пошёл, чтобы сохранить власть.

Кстати об оружии. В Торе упоминаются различные виды уникального оружия, входившего в арсенал еврейского войска. «Огненные шершни», поражающие врагов тысячами. «Божий огонь», прожигающий человека насквозь. «Огненный и облачный столпы», идущие впереди евреев, освещающие дорогу ночью и пугающие врагов днём. Химические препараты, превращающие горькую воду в сладкую, хорошую для питья. Взрывчатые вещества, разрушающие стены городов и обрушивающие скалы на головы врагов.

Всё это было у евреев, пока были живы Корей и его товарищи. Остатки этого арсенала использовал Иисус Навин в войнах в земле обетованной через много лет после смерти Корея.

И это всё, что мы знаем об этих удивительных вещах. Что это было? Как работало? Как смотрелось? Мы уже никогда не узнаем. Похоронены эти знания и секреты вместе с Кореем и его людьми. Вот такая история.

А то, что нигде в Торе больше нет упоминания имени Корея, так вычистили всё, что было связано с ним, поздние редакторы. Причём иногда до смешного неаккуратно. Чисто технически, без обдумывания.

Есть в последующих книгах Торы упоминания об этом восстании левитов против Моисея. Есть там имена двух сподвижников Корея: Дафана и Авирона. А вот его имени нет. Убрали во время чисток. Заметим, что оба эти сподвижники не левиты. Это знатные люди из племени Рувима.

Вот так: восстание левитов, а вожди не левиты. А Корея вроде как и не было. Даже

имени Корея боялись Моисей и его поздние почитатели.

Тезис 6. Почему евреи ушли из Египта?

И всё-таки, почему евреи ушли из Египта? Так ведь евреи же! Это как раз понятно.

На религию еврейскую от фараонов наезды постоянные были? Были.

На государственном уровне Фараон обстановку нагнетал? Нагнетал. Прямо говорил, что сильнее евреи египтян и расплодились слишком. И вообще — шпионы и предатели. В случае войны вполне могут перейти на сторону врага.

Антисемитизм бытовой был? Был. Жили евреи намного лучше и богаче, чем неевреи. Кто же такое потерпит?

Экономические проблемы опять же. Та же солома знаменитая. Договаривались, что заказчик её поставляет. И вдруг, нате вам, пусть и солону евреи собирают. А ведь сбор соломы — работа неквалифицированная. Обидная для евреев, специалистов-строителей высочайшей квалификации.

Но главная причина Исхода — это стандартная сионистская идея во все века: уйти на землю предков и построить свое еврейское государство.

Потому что только в своем государстве еврей может не бояться услышать за спиной или даже в глаза *«жид пархатый»*.

Смешно сказать, но, за исключением *«жиды пархатого»*, всё это написано в Торе. Я её просто своими словами пересказываю. Да и отсутствие в Торе термина *«жид»* — тоже вопрос, если вспомнить фразу *«мерзость для египтян — пастухи овец»*.

Тезис 7. Евреи времён Моисея и Иисуса Навина воевали как взбесившиеся звери.

Жестокость, с которой евреи покоряли народы Земли Обетованной, поражает воображение. Есть несколько различных комментариев по данному поводу.

Косидовский застенчиво замечает, что время тогда было такое: все были зверями.

Дэвид Рол делает другое предположение: это составители библии позднее специально сгустили краски, а на самом деле всё было намного мягче. По-моему, он и сам в это не верит.

К сожалению, не могу согласиться ни с одним из них. К сожалению, это было. Воевали евреи, как взбесившиеся звери. Да и звери так себя не ведут. И не было это принято в те времена у тех народов.

Было это. Потому как уж очень убедительно изложено в Торе: с такими подробностями, которые невозможно выдумать.

Да и зачем составителям это надо — выдумывать на себя такое? Я думаю, что во все времена и для всех евреев было шоком — такое читать про свой народ и про свою историю. Для всех, кто хоть раз об этом задумался.

Так как же это получилось с народом, глубоко религиозным, со столь высокой культурой, с очень строгими правилами поведения и повышенными требованиями к морали?

А чего тут странного? Вспомним немцев времен гитлеровской Германии. Вспомним гетто в Польше и остальной Восточной Европе, Вспомним Освенцим и Дахау. А ведь один

из самых культурных народов XIX–XX столетий.

Или как насчёт русского народа времен сталинских репрессий и раскулачивания? Русского народа с его великой гуманистической литературой?

Если посмотреть на всю историю евреев, то никогда до Моисея и Иисуса Навина и никогда после них не было этой звериной тотальной жестокости.

Отдельные эпизоды, конечно, были. Всё-таки живая история. И важно не то, что эти эпизоды были немногочисленны, а важна реакция евреев на такую жестокость. Важна общая позиция Торы.

Ни в какое сравнение с войнами Иисуса не идет эпизод резни, устроенной Симеоном и Левием за сестру Дину. Был у них повод («разве можно поступать с нашей сестрой как с блудницей?»), и убили они только мужчин.

Но эта жестокость вызвала искренний гнев Иакова. Он не только лишил Симеона и Левия права на первородство, но и фактически проклял их в своем завещании. Вслушайтесь в слова Иакова: «Проклят гнев их, ибо жесток; и ярость их, ибо свирепа; разделю их в Иакове, и рассею их в Израиле». Это позиция Торы.

Но всё-таки, что же случилось с евреями периода Моисея — Иисус Навина? Да то же самое, что случилось с немцами гитлеровского периода или с русскими периода Ленина-Сталина или с французами времён Робеспьера и Марата.

Поведение народа определяется характером и психическим состоянием его вождей. Во время исхода и скитаний в пустыне этими вождями были Моисей и Иисус Навин.

Моисей. Жестокий и свирепый, с очень примитивным, но необыкновенно изощрённым умом и патологической тягой к власти. Бешеная энергия и умение просчитывать события на несколько шагов вперёд. Быстрая реакция на события. Умение использовать любую ситуацию в свою пользу. Никаких принципов. Никаких моральных ограничений. Власть, власть, власть! Ради власти Моисей готов на всё.

Масса комплексов, связанных с физическими недостатками: косноязычие, маленький рост. Неустойчивая психика. Склонность к панике в критических ситуациях.

Иисус Навин. Полководец, отчаянный воин. Знаток и любитель всяких ловушек и военных хитростей. Партизанская война его стихия. При этом садист, палач и убийца. Любил лично и прилюдно казнить захваченных в плен вражеских вождей. Отрезал им головы.

В войнах ценил одно: дикость и свирепость. Предпочитал тех, кто лакали воду из реки как собаки, не выпуская оружие из рук даже вне боя.

Опять же, по мнению моих оппонентов, время было такое.

Не было то время таким. Выделялся своей лютостью Иисус Навин. Через много лет повторил эти его подвиги другой герой еврейской истории — судья Гидеон. Лично и прилюдно отрезал голову побеждённому врагу. И это было событие для евреев. Отдельно написано в Торе, что брал пример Гидеон с Иисуса Навина.

Ничто не интересовало Иисуса в жизни. Только война и убийства. Идеальный соратник для Моисея. И идеальный исполнитель его безумных идей. Идей тотального геноцида народов, лежащих на пути евреев.

Моисей и Иисус Навин — эти два человека отвечают за безумие того еврейского

Предисловие к первой части

Иисус Навин (Иисус сын Навин, ивр.???????????????????????????? Иехошуа бин-Нун; в исламе Йуша бин Нун или Юша ибн Нун) — библейский персонаж, согласно Ветхому Завету (Танаху), предводитель еврейского народа в период завоевания Ханаана, преемник Моисея. Его деятельность подробно изложена в Книге Иисуса Навина.

Существование Иисуса Навина, а также достоверность его жизнеописания в Библии является предметом споров среди библеистов и историков.

Так что же это было, *Исход евреев из Египта*? А был это самый древний и самый крутой детектив во все времена. Самая жестокая и кровавая история в Торе, да и во всей мировой литературе.

Кстати, а почему это детектив? Ну а как же? Произошло убийство, и не одно. Умерли Моисей, Аарон, Корей. И это насильственные смерти. Ведь не зря в Торе специально отмечается, что были Моисей и Аарон здоровы и сильны перед тем, как умереть. Про Корея и говорить нечего.

Знаем мы мотивы убийств и имена убийц. Что же тогда непонятно? А непонятно, почему эти люди дали себя убить так, как это описано в Торе.

Почему Моисей перед смертью передаёт свою власть убийцам? Что такого мог сказать ему Иисус Навин, чтобы Моисей так безропотно пошёл на казнь?

Можно понять похожую смерть Аарона. Боялся Аарон за семью свою, за сыновей и внуков. Было чем прижать старого левита.

Но Моисей? Не тот это был человек, чтобы бояться за кого-то другого. И обмануть его было вряд ли возможно. А ведь шёл на явную смерть.

Как погиб Корей? Из Торы ясно, кто заказал его смерть. Конечно, Моисей. Но кто исполнил этот заказ? Кто взорвал склады с взрывчаткой в его шатрах и в шатрах его друзей?

Чтобы ответить на эти и ещё многие другие вопросы, мы должны начать с незаметного и незначительного события, произошедшего за некоторое время до исхода израильтян из Египта. Вот это событие:

«В таверне при постоялом дворе, что расположен неподалеку от знаменитой солдатской школы Иуды, сидел невысокий худощавый юноша по имени Осия. Ждал, когда ему подадут его еду».

Глава 01. Ор. Постоялый двор

*Мой разум честно сердцу служит,
всегда шепча, что повезло,
что всё могло намного хуже,
ещё херовей быть могло.*

Игорь Губерман.

Прошло четыре дня, как я живу у Ора, владельца таверны и постоялого двора, что расположен неподалёку от знаменитой солдатской школы Иуды. Жду, когда появится Корей, брат моего учителя Захри.

Таверна эта ближайшая к поместьям Корей. Отсюда до его владений полдня пути. Это если не торопясь, пешком. Если бегом, то можно добраться в три-четыре раза быстрее.

Делать мне совершенно нечего. Может, это и неплохо. Есть возможность силы восстановить. Встаю, как всегда, до восхода солнца. Обязательное утреннее омовение. Мою ступни и между пальцами ног. Потом под коленями. Потом пах, задний проход, пупок, подмышками. Прочищаю уши, глаза. Полощу рот и нос. Поливаю голову и шею водой из ковша.

Здесь хорошо — много воды. В пустыне приходится делать большую часть ритуала очищения песком или пылью.

Долго бегу вдоль канала, подальше от людей. Забираюсь на крутой холм. Сначала медитация. Пока солнце не пройдёт половину пути до зенита. Потом упражнения: на гибкость и на скорость. Ищу змей. Играюсь с ними. Ловлю и отпускаю. Снова расслабление, как учат древние рукописи. Спускаюсь к каналу, стираю одежду и лезу в воду, пока одежда сохнет.

В канале водятся крокодилы. Здесь эти безмозглые животные пугливые. Сказывается близость солдатской школы. Тут и без меня есть удалыцы, любящие игры с этими не очень-то опасными тварями.

Снова упражнения и короткий сон. Пора возвращаться в таверну. Перед возвращением повторяю полный обряд омовения и медитацию.

В таверне меня ждёт Ор. Я у него сейчас единственный постоялец. Последнее время всё у меня складывается неудачно. Я к этому даже как-то привык. Вот и теперь я прибыл к Корейю как раз тогда, когда он ушёл на праздник, посвящённый рождению сына Фараона. В программу праздника входят спортивные и военные игры, в которых участвуют все солдатские школы, включая, естественно, и школу Иуды.

Ор говорит, что обычно в таверне полно народу. Здесь останавливаются посетители, направляющиеся к Корейю лично или в знаменитую учёную академию Иосифа, руководимую Кореем. Часто это левиты — жрецы Амона. Ведь Корей — главный жрец этого бога. Останавливаются родственники студентов, обучающихся в Академии или в военной школе, учёные из израильских и неизраильских племён и много ещё другого народа с разными, иногда довольно необычными делами.

По вечерам в таверне веселье особое. Заходят ученики из солдатской школы. Молодые, здоровые парни, любят и умеют хорошо поесть и хорошо выпить.

В таверне к их услугам любые израильские и многие неизраильские кушанья. А уж сладкое вино и более крепкие напитки льются просто рекой.

Два повара с четырьмя помощниками и пять подавальщиков обслуживают посетителей. Да и Ор крутится как белка в колесе.

Так выглядит таверна в нормальное время, но когда четыре дня назад я зашёл в неё, то там был только Ор и один подавальщик. Военная школа и Академия Иосифа в полном составе уехали вместе с Кореем. Исчезли и остальные обычные клиенты таверны.

Я поздоровался, огляделся и прошёл в дальний угол. Сел на пол, скрестив ноги, за низкий длинный стол.

Хозяин, сильно прихрамывая, вышел в соседнюю комнату и вернулся с лепёшкой и кувшином воды. Подошёл ко мне, поставил хлеб и кувшин на стол и сел рядом на циновку.

— Мир тебе, парень. Можешь звать меня дядя Ор. Какими судьбами в наших краях?

— Мир и Вам, дядя Ор. Осия меня зовут. Осия сын Нава Ефремлянин.

Я поднял глаза и посмотрел на Ора.

Почти год прошёл с тех пор, как умер учитель Захри. И почти год я живу среди людей. Живу, и уже привык к реакции людей на мои глаза. Всегда испуг и отвращение. Не могу сказать, чтобы это так уж мне не нравилось, но жизнь осложняло сильно.

Реакция Ора отличалась от обычной. Насчёт испуга, как я понял потом, вряд ли есть на этом свете что-либо, что может испугать старого солдата. Отвращения не было тоже. Ор смотрел на меня внимательно. Внимательно и спокойно. Я отвёл взгляд и снова опустил глаза.

— Можешь не отвечать на мой вопрос, — Ор позвал подавальщика и приказал принести сыр, кувшин молока и овощи. — Ешь, вижу, идёшь издалека и давно еда у тебя кончилась. Мясо и вино тебе не предлагаю. Или я ошибся?

— Да нет дядя Ор. Всё правильно.

— Ешь, я сам попробую угадать кто ты, куда и зачем идёшь. Время у меня сейчас есть, да и у тебя его много. Если что не так скажу, поправишь.

Так кто ты? По глазам ясно — одна из школ убийц. Знаю я, что умер Захри. Знаю, остался один ученик у него. Так что ты это. Знаю также, что убил ты троих в солдатской школе Ефрема.

— Дядя Ор, они сами напали на меня. Не задирали я их. Памятью учителя клянусь.

— Знаю. Потому только выгнали тебя. Не убили. А ведь были ребятки из знатных семей. Нашли с кем шутить, дурни.

Теперь: куда идёшь? Может, просто так идёшь — никуда. Это возможно, но неинтересно. В солдатскую школу вроде ни к чему тебе. Ростом ты в солдаты Иуды не вышел, да и не берут они из другого племени. Не говоря уже про твои глаза.

В Академию Иосифа тоже вряд ли. Не похоже, чтобы тебя науки интересовали. Значит, идёшь ты к Корею. Есть письмо от брата Кореева?

— Есть. Могу показать.

— Это ни к чему. Чужие письма не читаю и тебе не советую. Письмо есть — это хорошо. Ну, а зачем идёшь, понятно. Некуда тебе больше идти, если решил к Корею податься. Что, совсем жизнь замордовала?

— Есть немного. Да Вы не волнуйтесь, дядя Ор. Я перекусил, отдохну и уйду. Отсюда до Корея уже недалеко. Еду только продайте мне и воды я бы взял в запас. Большое Вам спасибо. Я уже не помню, когда со мной так говорили.

— Идти тебе сейчас некуда. Корей будет дома через неделю, а то и через две. Кто знает, когда его Фараон отпустит.

И попасть тебе к нему будет непросто. Думаю, много у него дел накопилось. Многим к нему надо будет. Ко мне он на обратном пути заглянёт обязательно. Любит у меня поесть-попить-поговорить.

Тут он ни с кем кроме меня не общается, но тебя примет. Попрошу за тебя — мне не откажет. Считай, повезло тебе. Должен я одному такому, как ты. Жизнь должен. Хоть немного, но рассчитаюсь через тебя.

Так что живи у меня до возвращения Корея. Учти только: проблемы мне ни к чему. Обещай, что у меня их с тобой не будет. Обещай и живи.

— Не могу я обещать Вам. Не от меня это зависит, дядя Ор. Думаете, я хотел тех парней убивать? Накатывает на меня. Собой не управляю.

Я лучше пойду. Подожду Корея возле его дома. Не впервые мне под открытым небом ночевать.

— Сказал живи, значит живи. Я старый, и я солдат. Обещай и оставайся. Разных людей я знал, и таких, как ты, тоже. Не много, но видел. Ты свое слово не предашь. Сказал, сдержишь.

Так что будем считать, ты пообещал. Платить будешь по монете в день. Выдержит твой кошель?

— За еду и за жильё одна монета — не мало ли будет?

— Не торгуйся — не на базаре. Плохо тебя Захри воспитал. Манеру взяли — старшим перечить.

Так вот и получилось: четвёртый день пошёл, как я живу у Ора. Ближе к закату вернулся в таверну. Ор куда-то вышел. В таверне сидел только мальчишка-подавальщик. Поздоровался я с ним и прошёл в дальний угол, на свое обычное место. Подавальщик принёс и поставил на стол миску с похлёбкой, сыр, хлеб и кувшин с водой.

Так хорошо я, по-моему, никогда не жил. По крайней мере, весь последний год было мне намного хуже. Да и дальше всё виделось в чёрном свете.

Ну что ж, надо ловить момент. Как говорил Захри, сейчас хорошо, и какая разница, что будет потом. Живи сейчас.

Во дворе раздался весёлый гогот, и в таверну ввалилась компания парней. Все как на подбор, высокого роста, крепкие, как молодые бычки.

Среди них особенно выделялся один. Выше остальных, мощный, немного полноватый. В общем, уже не бычок, а настоящий бык или, точнее, лев — тотем племени Иуды.

У всех на рукавах вышиты шестиконечные звезды — знак Иуды. Кончились праздничные игры, и, судя по радостным лицам, не одну победу одержали ученики этой военной школы.

От компании отделились двое и подошли ко мне.

— Послушай, парень. Пересядь куда-нибудь. Тут ты нам будешь мешать. Мы здесь всегда сидим. И давай побыстрее, проголодались. Будешь медлить, мы тебя вообще вынесем во двор, там доешь свою еду.

Компания сзади снова радостно загоготала.

Я перестал есть и поднял глаза. Парни растерянно отпрянули чуть назад. Будь они только вдвоём, на этом бы всё и кончилось. Но за спиной у них всю веселились приятели.

— Ты что не только тупой, но ещё и глухой? Не слышишь, что тебе сказали? — вставил

второй парень.

Сладкий туман поплыл у меня перед глазами. Все стали двигаться медленно-медленно. Я как будто сверху видел всю картину предстоящего избиения. Всю толпу вместе и каждую фигуру в отдельности. Я точно знал, кто и когда начнёт действовать и кто и куда будет двигаться. Двигаться они будут очень медленно. Предвкушение крови переполнило меня. Во рту стала бурно выделяться слюна.

В этот момент я увидел искаженное лицо Ора. Он мне что-то пытался сказать. Сквозь туман я различил смешные тягучие слова:

П-ааа-р — еее — н — ь т — ыыы ооо — б — еее — щ — ааа — л.

Тут до меня дошло, что говорит Ор. Я тяжело сглотнул слюну и прикрыл глаза. Всё стало на свои места. Открыл глаза.

Два парня с испуганными лицами, притихшая компания, в дверях встревоженный, мокрый от пота Ор.

— Где же тебя носило, дядя Ор? — сказал я и попробовал улыбнуться.

Моя улыбка ещё больше испугала парней. Не сговариваясь, они попятились назад. Я окинул взглядом толпу позади них. На лицах знакомый животный страх и отвращение...

И тут я наткнулся на спокойный, внимательный взгляд высокого парня. Он раздвинул остальных и вышел вперёд.

— Никто не может сказать, что Халеф отказался от хорошей драки, — сказал парень, глядя мне в глаза. Я как-то сразу и окончательно успокоился. Хорошо он смотрел: без отвращения и без страха.

— Я драться не люблю, но если тебе этого так хочется и разрешит дядя Ор, то давай. Чтобы никто не сказал, что ты отказался от честной драки.

— Не здесь, не в таверне. И помни, ты мне обещал, — вмешался Ор.

— Не будет никаких проблем, дядя Ор. Я помню: я обещал.

Я встал из-за стола, прошёл мимо парня и направился к двери. Остановился перед Ором. Он молча вышел во двор — я за ним. В дверях я обернулся: парень шёл за мной. Все остальные держались хорошо сзади.

Мы вышли из постоянного двора. Перед ним была хорошо утоптанная и довольно большая площадка. Почти ровная.

— Здесь тебя устроит? — спросил я.

Парень криво усмехнулся: — Тебе выбирать. Меня всё устроит.

А ведь дрейфит. Пустячок, а приятно. Смотри, как я люблю, когда меня боятся.

Мы разошлись в разные стороны и стали лицом к лицу на расстоянии трёх шагов друг от друга.

Парень стоял, широко расставив ноги и выдвинув громадные кулаки на одной линии, направленной в мою сторону. Левый кулак чуть впереди, правый — сразу за ним. Локти прижаты к туловищу и защищают живот и печень.

Хорошая стойка. Мне специальная стойка не нужна. Я стал ровно, руки скрестил на груди.

— Начнёте по моей команде, — сказал Ор. — Ну что, готовы? Давай!

Парень сделал плавный широкий шаг левой ногой вперёд и вышел на правильную дистанцию для удара левой рукой. Бить не стал. Ждал, что я отскочу или назад или в сторону.

Я продолжал стоять в той же позе. Тогда он не выдержал и резко ударил правой рукой

мне в голову. В последний момент я мягко бросил мою левую руку навстречу его кулаку, скользя по его руке от кисти к локтю, совсем незначительно изменив направление его удара. Ровно настолько, чтобы его кулак прошёл рядом с моим лицом. Ещё я сделал скользящий шаг левой ногой чуть влево и вперёд и оказался в мёртвой зоне слева и немного сзади его туловища, так что он потерял меня из виду. Правую руку я мягко опустил на его локоть.

У парня оказалась удивительная реакция для обычного человека. Хорошо их учат в военной школе. Потеряв меня из виду, он тут же попытался наугад нанести мне удар локтем правой руки. Но я-то его видел хорошо и чувствовал правой рукой всё, что он делает. Слегка крутнувшись на левой ноге, я легко ушёл от его слепой атаки, и он снова провалился в пустое пространство.

До сих пор это был бой обычных людей. Разве что, отличающихся школой. Он сильнее, потому что больше меня и тяжелее. Я быстрее, потому что умею лучше расслабляться и использовать силу противника.

А ещё я быстрее потому, что я меньше. Большие, длинные руки и ноги, мышечная масса — всё это хорошо для группового боя. В бою один на один Халеф в принципе не может дать такую же скорость движений, как и я. Просто потому, что он большой.

Я могу проиграть, только если начну меряться с ним силой. Но я же не дурак. И так видно, что он сильнее. Я беру его на скорость. Просто разная техника боя, и только.

Но не это главное отличие учеников Захри от обычных бойцов. Главное — это мои глаза. Не зря их так боятся люди. Я видел сквозь ткань халата и кожу внутренние органы Халефа. Видел все болевые точки на его теле.

Я могу одним ударом пальца убить любого человека. Для некоторых точек мне даже не надо удара или прикосновения к коже. Достаточно просто поднести палец точно к этой точке.

Для меня убить или искалечить такого, как Халеф, — это просто. Победить и не забрать здоровье — задача из более трудных категорий.

Но не зря я был лучшим учеником Захри. Не зря Захри заставлял меня долго играть с приговорёнными к смерти преступниками, обездвиживая их на время и снова заставляя драться или в этот день, или на следующий.

Не было страшнее наказания, чем попасть в руки палачей школы мангусты. Нам заказывали или медленную и мучительную смерть, или смерть как бы без причины. Жил человек и вдруг умер. Почему, отчего, никто не знает. Просто смерть Захри не заказывали. Палачей, убивающих легко, было много и без нас.

Не хотел я убивать или калечить Халефа. И не только потому, что обещал Ору. Неожиданно для себя я почувствовал, что нравится мне этот парень.

Короткий жёсткий удар пальцем в точку между правым плечом и грудной мышцей — и правая рука Халефа повисла как плеть. Мягкий чистый уход от попытки захвата левой рукой и несильный удар — прикосновение в точку подмышкой левой руки. И опять жёсткий удар пальцами в мышцу левого бедра. Как укусы мангусты.

Всё. Можно возвращаться и доедать свой ужин. Я подошёл к Ору, и мы вернулись в таверну.

— Что будет с Халефом? — спросил Ор.

— Похромает денёк и придёт в норму, — ответил я равнодушно.

— Я в тебе не сомневался. С меня причитается.

— Да нет. Я думаю, это с меня причитается. Спасли Вы меня сегодня, дядя Ор. Я теперь про себя много нового знаю.

— Ну и ладно, надо поесть, что-то я проголодался.

Сели за стол и хорошо поели, не отвлекаясь на разговоры. Appetit у нас был просто зверский.

Через два дня под вечер в таверну зашёл Халеф. Мы с Ором сидели как всегда в углу и неторопливо ужинали. Халеф подошёл к нам и поздоровался. Ор предложил ему сесть с нами. Тот не стал отказываться и сел на циновку рядом со мной. Я взял лепёшку и положил её перед ним. Халеф разломал лепёшку на две части и вернул мне половину.

Во все времена у всех потомков Авраама преломить хлеб означало одно: за столом сидят друзья. Ор взял мою половину и отломил от неё кусок. То же он сделал с половиной Халефа. Подавальщик принес кувшин вина для Ора и Халефа и кувшин молока для меня, и мы, не торопясь, съели хлеб.

— А хорошо сидим, — сказал Ор.

Халеф улыбнулся. Хорошая у него улыбка. И я вдруг почувствовал, что улыбаюсь тоже. Только не думаю, что у меня это получилось так же хорошо.

Но я, может быть впервые в жизни, сидел с людьми, с которыми мне не надо было следить за своим лицом. Как получилось, так и хорошо. Удивительное чувство. Даже с Захри я не мог это себе позволить.

— Быстро ты меня заделал. Даже обидно. Спасибо, что не убил, — сказал Халеф.

— Да уж, повезло тебе. Попал на лучшего. Другой бы, точно, если и не убил бы, то покалечил наверняка.

Ор и Халеф рассмеялись.

— Со скромностью у тебя проблем нет. Вот уж чего не думал, — проговорил Халеф сквозь смех.

Я тоже улыбнулся.

— Это тебе, большому и сильному, можно ждать, когда похвалят. Мне приходится обходиться своими силами. Иначе не дождёшься.

Тут уж они окончательно завеселились.

Отсмеявшись, Халеф попросил:

— Ты бы показал мне свои приёмы. Очень уж здорово у тебя это получилось третьего дня.

— Тебе это надо? Ты дерёшься, чтобы жить. А я живу, чтобы убивать.

И снова эти два придурка покатались со смеху. Что я такого смешного сказал? Ума не приложу. Но вдруг поймал себя на каком-то идиотском подхихикивании. Ещё немного, и мы уже втроём катались от смеха. Посмотрел бы на меня сейчас учитель Захри...

В таверне было уже довольно много народу и все стали поглядывать в наш угол. Поднялся высокий, бородатый мужчина и подошёл к нам.

— Мир вам евреи. Я Салех сын Авиуда из племени Симеона. Уважаемые, я тут один. Разрешите присоединиться к вам?

— Садись Брат. Места на всех хватит. Меня ты, наверное, знаешь. А это Халеф сын Иефонии Иудей и Осия сын Нава Ефремлянин, — представил нас Ор.

Салех подозвал подавальщика, приказал принести вина и чего-нибудь покрепче. Следуя его примеру, к нам стали подсаживаться и остальные посетители. Каждый заказывал новые напитки. Наша команда тоже не отставала.

Салех рассказал историю о том, как Иосиф взялся за десять лет научить разговаривать осла Фараона. Когда Иосифа спросили, как он это собирается сделать, он ответил:

— За десять лет или я умру, или Фараон умрет, или осел умрет. Что-то обязательно случится.

Теперь уже грохотала вся таверна.

Старый левит, одним из последних присоединившийся к нашей компании, рассказал историю о египетском чиновнике.

Чиновник весь день решал важные государственные дела. Пришёл домой усталый и сказал жене: «Если кто меня будет спрашивать, всем говори, что меня нет дома».

Тут раздался стук в дверь, и мужской голос спросил, дома ли чиновник. Жена ответила, что да, муж дома. Взбешенный египтянин заорал на нее: «Я же тебе сказал всем отвечать, что меня дома нет». — «Успокойтесь. Это не к Вам приходили. Это ко мне», — ответила жена.

Купец измаилтянин рассказал историю про купца мадианитянина. Того спросили: «Сколько будет, если сложить два и два?» Мадианитянин ответил вопросом: «А мы покупаем или мы продаем?».

Каждая новая хохма вызывала новый приступ смеха у всей компании и новые заказы подавальщикам.

Салех обратился ко мне:

— Осия, ты чего там пьёшь? Неужели молоко?

Я ответил:

— Дядя Салех. Мне для дури вина не надо. Я от рождения натурально дурной. Трезвый пьяную компанию не порчу.

Снова все покатались от смеха. Что-то я попал в записные шутники. Что ни скажу, получается, как будто схохмил. Все держатся за животы. Видел бы это Захри...

Разошлись далеко за полночь. Некоторых пришлось разводить по комнатам. Только Ор был ни в одном глазу. Как будто и не пил. Да я, поскольку пил только воду и молоко. Халеф ушёл на своих ногах, правда, шатало его сильно.

С небольшими изменениями и почти в том же составе всё это повторялось ещё три дня. К нам присоединились два парня из военной школы, и уехал купец измаилтянин. Его место занял купец мадианитянин.

И когда мадианитянин стал рассказывать историю, про то, как купца измаилтянина спросили, сколько будет два прибавить два, со всей честной компанией случилась настоящая истерика. Мадианитянин ничего не понял: хохма, безусловно, хорошая, но ведь он не успел её рассказать до конца...

Да, так хорошо я никогда не жил.

На восьмой день всё изменилось. Уехал Салех. Тихо исчезли левиты. Ребята из школы тоже не пришли.

Забежал только Халеф. Поел с нами на скорую руку, сообщил долгожданную весть о том, что завтра в солдатской школе ждут Корея, и побежал дальше.

— В общем так, — сказал Ор, — завтра ты отмени свой обычный утренний поход. Должен всё время быть поблизости. А когда придёт Корей, должен сидеть и ждать в общем зале.

Я Корею накрою в задней комнате. Ты же всё время будь под рукой. Очень плохо будет, если ты его здесь прозеваешь. Думаю, это твой единственный шанс.

Протекцию я тебе составлю. Только не любит Корей вашего брата палача. Боится, видно, что сам рано или поздно в руки к таким попадет. Да и брата своего Захри не любил и на порог не пускал.

Ну да ничего, не дрейфь. Обломаем как миленького. Захри он остался должен? Вот пусть теперь с тобой за долг брату и рассчитывается.

— Хорошенькое напутствие Вы мне даёте перед важной встречей, дядя Ор. Ничего не скажешь, умеете ободрить человека.

— Тьфу на тебя, поганец. Даже в такой ситуации не можешь без своих хохм обойтись.

Ничего себе хохмы. Я-то был серьёзен, дальше некуда. Видно не избавиться мне теперь от клейма хохмача никогда. Профессия — палач, призвание — хохмач... Хорошее сочетание.

Обхохочешься.

Глава 02. Захри. Школа убийц мангуст

Чтобы боль не умерла раньше человека, у человека должна оставаться надежда. Тогда он будет умирать долго и плохо.

Древний кодекс Палача.

... лев прыгнул на меня. Он схватил меня за плечо, и мы вместе покатались вниз.

Свирепо рыча над моим ухом, он встряхнул меня, как терьер встряхивает крысу.

Я впал в полное оцепенение. Это было какое-то полусонное состояние.

Не было ни чувства боли, ни ощущения страха, хотя я и отдавал себе полный отчёт в происходящем. Я слышал, как хрустят кости и рвутся мышцы.

Нечто подобное рассказывают о действии хлороформа больные, которые видят всю операцию, но не чувствуют ножа.

Вероятно, это особенное состояние переживают все животные, убиваемые хищником.

Давид Ливингстон. Путешествия и исследования в Южной Африке.

Следующее утро получилось тихим и скучным. Встал, как всегда, до восхода солнца. Пробежался до канала. Не с утра же быть Корею? Искупался и вернулся назад в таверну. Сел на свое место в углу и попробовал медитировать. Не получалось. Лезли а голову какие-то то ли мысли, то ли воспоминания...

Дом Захри. Мой первый день в этом доме. Мы шли с Захри пять дней от ефремовских шатров до дома в горах. Для девятилетнего пацана это было нелёгкое путешествие. Шли почти без перерывов. Из еды — хлеб, сыр и вода два раза в день.

Вставали задолго до рассвета. Временами Захри шёл так быстро, что мне приходилось за ним буквально бежать. Ну и бежал, стиснув зубы. Боялся отстать в этих диких местах.

Первую остановку делали, когда солнце поднималось уже совсем высоко. Еда, короткий сон, и снова в путь. До заката. Опять еда и сон. И снова шагать далеко за полночь.

Ночью было особенно страшно. Места там совершенно дикие. За нами увязывались стаи гиен. Слышен был рык львов. Но близко к нам эти твари не подходили. Явно не хотели связываться с Захри.

Я давно понял, что животные умнее людей. Знают что к чему. Хотя, надо заметить, и люди смертельно боялись Захри.

Шли налегке. Ни оружия, ни дополнительной одежды. Спали на голой земле, подложив камень под голову. Только котомка с хлебом и сыром у меня за спиной. Весь наш багаж.

Наконец вот он, дом. Я не хотел ни есть, ни пить. Только спать. Свалился как мёртвый.

Проснулся поздно. Солнце уже стояло высоко. Проснулся и увидел его. Небольшой зверек внимательно и спокойно рассматривал меня. Это был мангуста.

Я не сразу понял, что меня так поразило в нём. Понял, только когда стал значительно старше.

У мангусты и у Захри были одинаковые глаза. Чуть желтоватые с абсолютно чёрным, бездонным, очень подвижным зрачком. Зрачок то сжимался почти в точку, то расширялся на весь глаз. Глаза убийцы.

Позже я понял ещё одну вещь. И у меня были точно такие же глаза. Глаза убийцы.

Родился я поздним ребенком. У отца уже были другие дети от наложниц, но он хотел настоящего наследника от законной жены. Мама у меня была из очень знатного и богатого рода, а отец нет. Но был он силён и красив. И очень нравился маме. А ещё отец был храбрым и умелым воином.

Поэтому, когда он захотел взять маму в жёны, её семья не возражала. Несмотря на то, что этот брак никак нельзя было назвать равным.

За маму дали большое приданное и жили отец с матерью очень хорошо. Только детей долго не было. И когда, наконец, мама забеременела, отец был счастлив.

Рожался я плохо. Мать умерла при родах. Акушерка сказала, что и я не жилец. Но я выжил. Отец назвал меня Осия — «Бог спас».

Нанятые кормилицы выдерживали от силы день, два. Потом наотрез отказывались меня кормить. Ни за какие деньги. Так что я рано перешёл на коровье молоко и хлеб.

Только одна очень старая женщина согласилась ухаживать за мной. Её я помню и почитаю, как свою мать. Звали её Милка. Она и рассказала мне историю моей семьи и моего рождения.

Травмы при рождении плохо сказались на моём здоровье. Я не был таким как все. Сильно отставал в росте от сверстников. Рос худым и болезненным.

Но самое страшное — это приступы. При любой агрессии по отношению ко мне (а иногда и без видимой причины) я впадал в панику. Тяжёлый туман наплывал на меня. Пена шла изо рта и... дальше я уже ничего не помнил.

И ещё. Любые физические страдания даже близких мне людей: отца и Милки — оставляли меня совершенно равнодушным. Я абсолютно не умел сочувствовать другим людям. Да и к своему телу тоже был равнодушен. Например, практически не чувствовал боли.

Милка была из левитов и, говорят, была в молодости очень красивая. Взял её в жёны знатный ефремский воин. Сыграл свадьбу и ушёл на войну. И погиб, во славу Фараону.

Многие хотели бы взять за себя Милку. Но как-то так случилось, что осталась она жить одна в шатре мужа. Ухаживала за чужими детьми. Могла при случае посоветовать, чем лечиться, могла перевязать и зашить рану, могла принять роды. Как все левиты, хорошо умела читать и писать. Знала много.

Я не общался с другими детьми. Не любили они меня. И дети, и взрослые пугались, когда я смотрел на них. Мне это даже нравилось. Нравилось, когда остальные вздрагивали, заметив, что я внимательно за ними наблюдаю.

Так и получилось, что с маленького возраста ходил я за Милкой, как хвостик. И так получилось, что научила она меня многим вещам.

В восемь лет я уже умел читать и писать. Знал много сказок, знал историю народа Израиля. По многу раз мог слушать одни и те же рассказы про подвиги предков. Знал шумерский, аккадский и египетский языки. Умел читать клинопись и понимал священные египетские иероглифы.

Когда умерла Милка, многие люди плакали. Мой отец стоял у могилы совершенно потухший. Я же не чувствовал ничего. Умерла и умерла. Хотя, безусловно, я любил её и, как уже говорил, считал своей матерью.

Многим я был обязан Милке и, наверное, мог бы умереть, защищая её. Ухаживал за ней, когда она болела. А вот, когда умерла, принял её смерть без эмоций.

Теперь-то я понимаю, почему невысокий, худой мужчина, проходя мимо меня какой-то особенной лёгкой походкой, почувствовав мой взгляд, остановился и тоже внимательно посмотрел на меня. Так мы и смотрели некоторое время друг на друга.

Потом он подошёл ко мне и сказал:

— Я Захри сын Цугара Левит. А ты кто?

— Осия сын Нава Ефремлянин. А Вы меня не боитесь, дядя Захри?

Как я понял потом, это, наверное, был первый случай в жизни учителя, когда он по-настоящему развеселился.

— Да знаешь, как-то нет. А ты меня?

— Я вообще никогда и никого не боюсь.

Захри ещё раз внимательно, но уже по-другому, оценивающе, посмотрел на меня.

— Ну-ка, проводи меня к своему отцу.

И мы пошли. Подошли к шатру. Я вошёл и сказал отцу, что какой-то левит хочет его видеть. Отец вышел, я за ним следом.

Захри спокойно и лениво смотрел на отца. Я тоже посмотрел на него и вдруг понял: что-то не так. Отец побелел. На лбу выступили капли пота. Ужас и обречённость я увидел в его глазах. А ведь это был смелый, отчаянный воин.

— Не надо при сыне, прошу тебя.

— Мир тебе Нав. Я Захри сын Цугара. Ты не так понял. Я в этих краях не из-за тебя. Я гость тебе. Разреши зайти в твой шатёр.

— Заходи, если гость. Гость еврею всегда в радость.

Мы зашли в шатёр. Захри сел за стол на циновки. Отец вышел и принес хлеб, сыр, овощи, молоко и вино. Сел рядом с гостем. Взял лепёшку и положил перед Захри. Захри разломал лепёшку пополам и вернул половину отцу.

Только теперь отца отпустило. На лице появились какие-то краски.

— Осия! Иди погуляй, — сказал мне отец.

— Только не уходи далеко, — добавил Захри.

А я и не собирался далеко уходить. Более того, зашёл за шатёр и сел так, чтобы слышать, о чем они будут говорить.

Сначала, как положено, вопросы-ответы о здоровье, о делах. Потом поговорили немного о Фараоне и о последней войне с южными соседями.

Наконец Захри приступил к делу.

— Хороший у тебя сын. Только вижу я, что болен он. Роды у матери, по всему видать, были тяжёлые.

— Умерла жена при родах. А у сына, ты прав, проблемы. Накатывает на него. Знахарь говорит, что может он умереть во время любого приступа.

— Странно, что ещё жив. И жениться ему нельзя. Нельзя ему с женщиной дело иметь. Обязательно приступ будет. Или сам умрёт, или её убьёт.

— И это мне знахарь сказал. Но что я могу сделать? Так Бог решил.

— Да нет. Приступы эти — дар божий. А благо это или наказание, нам, людям, решать.

Отдай мне сына в ученики, Нав, если любишь его. Обещаю: жить будет, и хорошо ему будет. Всё равно не жить ему среди людей. Ведь не зря ему этот дар дан. Не иди против Бога... Место ему у меня.

— В палачи, в убийцы сына отдать, чтобы от него все шарахались, как от прокажённого?

— Да.

Долгое молчание. И снова Захри.

— Это его жизнь. Хочешь ты этого или не хочешь. Его уже и так люди боятся. И так они шарахаются от него. Сейчас ты ему защита. А вырастет — убьют его. Или сам помрёт от припадка. А я, видишь, живу. И хотели бы меня убить, да кто же посмеет.

Да ты и сам его боишься, как и меня. Нет у тебя выбора, Нав. Отдай мне сына. Для его же блага. Вижу, любишь ты его. Другому бы деньги предложил, а тебе говорю: отдай.

— Хорошо, что не предложил деньги. Хоть и знаю я, кто ты, а этого и от тебя бы не стерпел.

— Как рассчитаться с тобой, не знаю, но, если закажут убить тебя, убью легко, без мучений, даже не почувствуешь. Что бы мне не заказали. Даю слово.

— Да понимаю я: прав ты. Нет у меня выбора. Мне и Осии ты подарок от Бога. Опять его Бог спасает. Когда пойдёте?

— Сегодня, ближе к вечеру и пойдём. Сразу после заката.

— Что вам дать с собой? Одежду, еду?

— Одежды той, что на нём, хватит. Дай хлеба — 10 лепёшек, сыра и бурдюк с водой. Это всё.

И вот теперь я проснулся в доме и на меня смотрит удивительный зверёк. Я стал подниматься очень медленно и осторожно, боясь его испугать.

Тогда ещё я не знал: мало чего есть на свете, что может испугать мангусту. Зверёк внимательно следил за моими выкрутасами, и тут я понял, что ему это всё должно быть очень смешно.

Вдруг мангуста резко подпрыгнул, в воздухе развернулся, застрекотал и, как стрела, выбежал из комнаты. Я вскочил и бросился за ним.

Отодвинув входной завес, в дом вошёл Захри. В руках у него был холщовый мешок, в котором билось что-то живое и очень большое. Мангуста возбуждённо прыгал вокруг Захри, пытаясь вцепиться зубами в мешок.

— Ты как, Осия, очень голоден или потерпишь? Если потерпишь, то можем начать ученье.

— Потерплю, дядя Захри.

Я чувствовал, что сейчас начнётся что-то очень интересное.

Захри развязал мешок и вытряхнул на пол огромную кобру. Кобра немедленно встала на хвост и раздула капюшон. В таком положении её голова качалась почти на уровне моего лица.

— Не боишься? — спросил учитель.

— Я же Вам говорил. Я ничего не боюсь, — обиделся я.

Действительно: сильное возбуждение, сердце забило в груди и ничего больше — никакого страха. Я только испугался, что может начаться приступ, и Захри решит, что это от испуга.

Мангуста же застыл как каменный. Сначала я решил, что от страха. Но почти сразу

понял — это был восторг при виде роскошного противника. Восторг и предвкушение битвы. Я сам это чувствовал потом много раз.

Мангуста прижался к земле и плавно заскользил в сторону змеи. Кобра внимательно наблюдала за его движением.

Мы перестали для неё существовать. Она видела врага и не сомневалась в исходе драки. Очень уж большая разница в размерах.

И это я видел потом не раз. Враги всегда были намного больше меня и всегда не сомневались в исходе сражения. А когда понимали, что творится, то уже всегда было поздно.

Змея сделала резкий выпад в сторону мангусты. Как удар плётки. Выпад пришёлся в пустоту. В последний момент мангуста неуловимым движением сдвинулся в сторону и, не останавливаясь, куснул чудовище за голову.

Противники вернулись в исходную позицию. Ещё один бросок кобры — и снова укус мангусты. Так продолжалось довольно долго.

Иногда змея застывала как будто в растерянности и переставала нападать на зверька. Тогда мангуста сам прыгал на неё и впивался ей в шею. Но как только змея начинала активный бой, он тут же отскакивал и занимал прежнюю позицию.

Два раза кобра пыталась убежать. Но каждый раз следовала немедленная атака мангусты, и оба противника возвращались в исходную позицию.

Я как замороженный следил за этим зрелищем. Змея двигалась всё медленнее и медленнее.

И, наконец, ещё живая кобра растянулась во весь рост на полу. Мангуста вцепился ей в хвост, прокусил его и стал жадно лакать вытекающую из раны кровь.

— Всё, — сказал Захри. — Пора и нам что-нибудь съесть. Возьми кувшин и набери воды из колодца. Перед дверью лежит мешок. Захвати его тоже.

Я сбегал за водой и принёс мешок, лежащий на пороге. Захри достал скатерть из деревянного ящика и расстелил на столе. Поставил кувшин с водой на стол, достал из мешка и разложил на скатерти свежий хлеб, сыр, горькие травы, чеснок и маслины.

Мы сели за стол, скрестив ноги. Захри положил ладони на колени и закрыл глаза. Знал я, что разговаривает сейчас Захри со своим Богом. Нельзя этому разговору мешать.

Очень хотелось есть. Слюна переполняла мой рот. Но ещё сильнее переполняла мою голову тьма вопросов. А тут приходилось ждать.

Наконец Захри открыл глаза, взял лепёшку и переломил её пополам. Половину протянул мне.

— Дядя Захри, если кобра укусит мангусту, он умрет?

— Поедим сначала, вопросы потом, — вместо ответа сказал Захри.

— Слышал я, как вы, палачи, людей пытаете. Но что бы так жестоко..., — пробурчал я себе под нос. Захри опешил — и развеселился. На моей памяти во второй раз. А может быть, во второй раз и за всю свою жизнь.

— Ну, пацан, ты даёшь. Не зря тебя отец не хотел отдавать. Кстати, любит он тебя по-настоящему.

И вот тебе первое правило школы Захри. Всё можешь забыть, только отца и мать не забывай. Если спросят тебя, как зовут, всегда говори, чей ты сын. Свое имя забыть можешь, но не имя отца.

А сейчас ешь. То, что ты видел, это было не развлечение — это был первый урок. После еды мы его разберём по косточкам.

Мы поели. И начался мой первый урок в школе Захри.

— Если змея укусит мангусту, он умрет. Нет у мангуст защиты от яда, — сказал Захри.

— Так как же он тогда не боится змеи? Ведь стоит один раз чуть промедлить, и он мёртв, — снова спросил я.

— На то он и мангуста. Когда идёт бой, он ничего не боится и не думает о смерти. Чем больше и страшнее противник и чем он лучше вооружён, тем мангусте интересней. Смертельный бой и кровь врага — главное в его жизни. Не нужны ему ни сила, ни яд, ни огромные клыки. Бесстрашие, пренебрежение к опасности, быстрота и ловкость — это его оружие.

Потому мы и называем себя мангустами. Мы, как и мангустаны, живём, чтобы убивать. Смерть и кровь — высшая радость для нас. Не для еды дерётся мангуста с огромной, вооружённой ядом змеёй. Легко мог бы он найти добычу полегче.

Так и мы: убиваем не потому, что нам за это платят. Хотя, конечно, и мангуста сейчас пожирает своего противника, и мы от платы не отказываемся. Но это нам дополнительная награда. Главное — это убивать и видеть кровь.

— Дядя Захри, Вы сказали отцу, что мои припадки — это дар божий. Что от меня зависит — благо это или наказание. Неужели я могу превратить это во благо?

— Подслушивал, поганец! Ну да ладно, я в этом не сомневался. Эти припадки и есть та причина, почему я тебя взял в ученики.

Не редкость среди израильтян пацаны, которых можно научить бесстрашию. Почти всегда не трудно научить ребёнка расслабляться и мягко двигаться, как это делает мангуста во время боя со змеёй. Можно научить драться и убивать ударами пальцев. Можно научить видеть на теле врага точки, удар в которые смертелен.

Но для того, что бы научить ребенка входить в амок, когда окружающие для тебя двигаются медленно, а твои движения для них становятся почти невидимыми, надо брать ребёнка сразу после того, как он перестаёт сосать грудь.

И никогда не знаешь, научится он или нет. Это уже как Бог даст.

Ты же случай редчайший. Это уже есть в тебе. Ты уже можешь это делать. Дар Божий это тебе. И глаза у тебя от природы — глаза мангусты. У других такими они становятся только после многих вхождений в амок.

Многому ещё тебе предстоит научиться. Надо уметь не только вводить себя в амок, но и уметь выходить из него. И управлять собой в нём. Уметь не забыть, зачем ты в него вошёл.

Ты пока этого не можешь. Надеюсь, научишься. Но главное в тебе уже есть. Остальное рано или поздно доберёшь. Остальному я тебя научу.

— Откуда взялся мешок с продуктами?

— Здесь недалеко живут люди. Они каждый день приносят мне продукты. Я бы мог стать для них Богом. Но мне это не нужно. Я им плачу. Мог бы не платить. Но так лучше.

— Ещё Вы говорили отцу, что нельзя мне жениться.

— Да. Обычная жизнь людей нам не доступна. Я уже сказал, что для нас высшее наслаждение — убивать, видеть ужас в глазах людей и видеть живую кровь.

Но всё-таки мы не мангустаны. У мангуст дети есть. Тебе же всё остальное будет мешать. У нас не может быть семьи и у нас не бывает детей.

Мы не пьём вина. Мы не едим мясо. Никаких сильных ощущений. Только Амок, священное безумие.

Амок ревнив. Или он или всё остальное. Амок и кровь заменят тебе всё. Важно то, что и

тебе это уже есть.

Ты пока ещё не мангуста. Пока ещё ты не умеешь красиво убивать. Но ты будешь мангустой. Потому что в тебе есть Амок и нет в тебе жалости. Ты родился убийцей.

Прошли годы. Я учился каждый день. Редко что-то объяснял мне учитель. Каждый день я как тень следовал за Захри. Делал то же, что и он. Повторял каждое его движение. Старался угадать и выполнить каждое его задание. Самым страшным наказанием для меня было увидеть, что он чем-то недоволен. Самой большой наградой — одобрительный взгляд учителя.

Захри ловил муху на лету двумя пальцами одной руки. Ловил и отпускал. Муха летела дальше. Он её снова ловил, уже другими пальцами той же руки и снова отпускал. И снова ловил и снова отпускал. Всеми комбинациями из двух пальцев, сначала одной руки, потом другой. Одну и ту же муху.

Часами я сидел и старался это повторить. Не трудно поймать муху. Очень трудно поймать двумя пальцами и не повредить. Ещё труднее поймать её много раз разными комбинациями пальцев и не повредить ни разу. Поймал — отпустил, поймал — отпустил, и так много-много раз. Бесперывно. Проблема в том, что надо ловить одну и ту же муху. Каждый раз она должна оставаться невредимой.

Захри учил меня убивать животных быстро и убивать животных долго. Убивать легко, так что животное даже не поняло, что это смерть; и убивать плохо, когда оно знает, что умирает, и знает, что умрет не скоро. Так убивать, чтобы оно мучилось всё время, пока хоть капля жизни есть в нём.

Весь фокус в том, что живые существа перестают чувствовать боль, когда их тело поняло, что смерть неизбежна.

Когда львица душит буйвола за горло, а остальные рвут его на куски, выпуская кишки и лакая кровь, буйвол не чувствует боли. Он знает, что он уже умер.

Когда стая гиен рвёт на куски старого льва, торопясь и плотая его внутренности и отрывая куски мяса с ещё живого одряхлевшего царя зверей, он уже не чувствует боли. Ему уже не нужна боль. Ему нужна была боль, когда он дрался и у него была надежда.

Не надежда умирает последней. После надежды умирает боль. И только потом умирает человек. Или зверь.

Природа милосердна. По-настоящему жесток только человек. Только он может захотеть, чтобы боль другого была бесконечной. И тогда ему нужен Захри.

Потому что Захри знает секрет: чтобы боль не умерла раньше человека, у человека должна оставаться надежда. Тогда он будет умирать долго и плохо.

Некоторые вещи даже мне неприятно вспоминать. Я получал задание поймать крысу. И давил её, взяв в одну руку. Убивать её надо было очень долго. Надо было сломать ей все кости, выдавить глаза, порвать внутренности. Всё это одной рукой, не останавливаясь, следя, чтобы она не умерла раньше времени. По руке текли моча и дерьмо, смешанные с кровью. Было очень противно. Но я делал всё не колеблясь. Я хотел быть, как Захри.

Потом были люди. Время от времени рядом с мешком я находил на пороге дома папирус и кошель с деньгами. Прочитав письмо, Захри уходил на несколько дней и иногда возвращался не один. Чаще всего с ним приходили взрослые мужчины. Но были и женщины. А один раз он привёл мальчика, чуть старше меня.

По разному держались эти люди. Кто-то валялся в ногах и умолял не убивать, кто-то смотрел с ненавистью и презрением. Были и такие, кто в последний момент бросались в

отчаянную драку. Но все они через какое-то время просили об одном: дать им умереть.

Это были мои уроки. На них Захри обучал меня тонкостям ремесла. Он давал мне задание с двумя параметрами: как долго человек должен оставаться живым и как он должен умереть. И я убивал. Убивал или быстро, или медленно — как заказывали.

Когда Захри не было дома, я изучал рукописи. У Захри было много манускриптов. Очень древних и не очень. Все рукописи были связаны с его профессией. Много было медицинских манускриптов. Были книги по боевым искусствам. Были книги со схемами расположения особых точек на теле и с пояснениями, как каждая из этих точек связана с разными органами человеческого тела. В этих книгах описывалось, как надо воздействовать на эти точки, чтобы вызвать смерть, или боль, или долгую болезнь.

Я научился вызывать амок. Я мог войти и выйти из него по своему желанию. Когда я в амоке, все остальные люди двигаются для меня очень медленно. Я могу поймать стрелу или камень, пущенный из пращи, могу уклониться от них.

Ещё важнее: в амоке я могу видеть ближайшее будущее. Я знаю, что каждый участник схватки сделает в следующий момент. Так ведёт бой против змеи мангуста. Так ведут бой в сложных ситуациях люди-мангусты. Более того, я научился видеть так и не входя в амок.

И вот мне пятнадцать. Утром появился Захри и приказал следовать за ним. Мы направились в сторону тростниковых болот. Пришли на место после полудня.

Захри дал мне задание поймать антилопу. Я нашёл место водопоя и спрятался в воде. Дышал через полый стебель тростника и ждал, когда появятся животные.

На закате на водопой подошло небольшое стадо антилоп. Животные начали осторожно пить, пугливо оглядываясь. Я сильно оттолкнулся от дна и вылетел из воды.левой рукой схватил молодого самца за рог, правой оглушил антилопу несильным ударом в основание черепа.

Появился Захри. Связал антилопе ноги. Я положил антилопу на плечи, и мы пошли в саванну, в направлении одиноко стоящего огромного дерева.

Полная луна стояла уже довольно высоко, когда Захри сделал мне знак остановиться. Я положил животное на землю. Захри одним ударом открытой ладони вспорол ему живот и вытащил наружу кишки. Самец забился и истошно закричал.

— Убьешь его утром, после восхода солнца, — сказал Захри, повернулся и пошёл назад, к реке.

Саванна жила своей жизнью. Хохот гиен, истеричный лай шакалов и рычание льва раздавались со всех сторон. Кричал от боли раненый самец антилопы.

Первую тень не пришлось долго ждать. Это была гиена. Не обращая на меня внимания, она осторожно направилась к антилопе. Я двинулся ей наперерез. Трусливая тварь отскочила назад и стала кружиться вокруг, то пытаясь схватить антилопу, то отпрыгивая назад в ответ на мои движения. Появилась ещё одна гиена, потом ещё и ещё.

И тут я понял: пора. Знакомый сладкий туман наконец-то заполнил мою голову. Гиены стали двигаться всё медленнее. На их телах загорелись разным цветом: от коричневого и желтого до ярко красного — точки-цели, по которым наносятся удары... И всё! Очнулся я утром после восхода солнца. Кругом валялись трупы гиен. Их я насчитал семь. Плюс один труп львицы. Шакалов я даже считать не стал.

Самец антилопы был ещё жив, но уже не кричал. Я ударил двумя пальцами между ребер и пробил ему сердце. Сел на камень и стал ждать.

Пришёл Захри. Внимательно осмотрел все трупы. Потом сказал:

— С сегодняшнего дня ты мангуста. Пошли.

С тех пор почти всегда Захри брал меня с собой. Мы убивали людей как в Египте, так и в подвластных Фараону племенах за пределами страны.

Иногда мы их убивали во сне. Иногда на глазах у всех. Но чаще мы забирали их с собой. Тогда они умирали плохо. Долго и мучительно. Так, как нам заказали.

Нам редко заказывали лёгкую смерть. Ведь были и другие школы убийц. Убить легко может каждый. Захри же был нужен для особой смерти. Не было ему равных в этом искусстве. Потому и услуги наши стоили намного дороже.

Одно было плохо со мной. Ошибся Захри: амок и мои приступы — это было не одно и то же. Похоже, но не то. Амок я вызывал по своему желанию. Когда надо было для дела. Приступы начинались независимо от меня. И я собой во время приступов не управлял. Они начинались и заканчивались помимо моего желания.

То, что во время приступа я действовал в соответствии со своей квалификацией, только усугубляло положение. Палач-убийца должен управлять собой при любых ситуациях. Иначе это уже не амок, а простое бешенство. Никто не захочет иметь дело с неуправляемым убийцей.

Поэтому я так обрадовался, когда сумел остановить приступ во время ссоры в таверне. Я нашёл рычаги, как можно управлять собой. Или я их нашёл, или они появились, когда я познакомился с Ором. Но это уже не важно. Главное, я почувствовал: такие рычаги у меня есть. Я могу жить среди людей. Только сейчас я понял, какой груз давил на меня весь этот год после смерти учителя.

Тут ленивый ход моих мыслей прервался. В таверну зашёл отряд из десяти левитов с командиром. Командир внимательно осмотрел залу. Особое внимание у него вызвала моя скромная персона. Из задней комнаты вышел Ор, подошёл к командиру, и они тихо о чем-то поговорили.

Командир ещё раз бросил быстрый взгляд в мою сторону и коротко дал команду. Пять левитов вышли из таверны. Двое устроились ближе к выходу. Командир и трое оставшихся сели так, чтобы можно было контролировать вход в заднюю комнату.

Через таверну к выходу проковылял Ор. В дверях остановился, обернулся и окинул взглядом общую комнату. Задержал взгляд на мне и вышел.

Началось. В таверну вошёл небольшого роста, чуть полноватый левит в простом халате. За ним шли двое очень похожих молодых парней. По всему видать, братья. Левит чем-то неуловимо напомнил мне Захри.

Я понял: это и есть Корей. Корей, не оглядываясь, стремительно прошёл в заднюю комнату. Братья за ним. Замыкал шествие Ор.

Вот так мимо меня прошла моя судьба.

Глава 03. Корей и Моисей. Комната для особых гостей

Смотрели вслед Моисею люди, склонные к клеветничеству, и пальцем на него показывали.

— Взгляни, — говорил один, — что за затылок, что за плечи откормил он себе на народном хлебе!

Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей.

Когда через таверну прошёл Корей в сопровождении двух братьев, я решил, что пришла моя судьба. Я ошибся: это ещё не была моя судьба. Моя судьба пришла позднее.

В это «позднее» в таверну зашёл мужчина. Судя по одежде, мадианитянин. Маленького роста. Если и повыше меня, то совсем на чуть-чуть. Но при этом впечатление маленького человека не производит. Большая голова, широкая грудь и толстая, почти незаметная шея с загривком. Короче, голова-грудь. Короткие крепкие ноги. Такой быстро бежать не сможет, но за день пройдёт расстояние в два-три раза большее, чем почти любой другой. Пройдёт и не устанет.

Мадианитянин остановился в дверях и внимательно осмотрел таверну. Это не Корей. Этому надо знать, куда заходишь и кто там сидит. За этим не следует отряд из десяти жилистых левитов с командиром, прошедшим огонь и воду.

Взгляд его задержался на мне. Не мигая и не отводя глаз он уставился мне в лицо. Что-то пытается изобразить. Запугать, подавить волю. Смешной мужик.

Игра в гляделки — это не мой стиль. Убивать я его не собирался: заказа не было, а так — что смотреть-то. Я отвел глаза в сторону. Мужчина торжествующе ухмыльнулся и продолжил осмотр.

Глаза в сторону я отвел, но так, чтобы по-прежнему видеть всё, что надо. Как учил меня Захри, смотреть в упор на противника, будь это человек или животное, надо только тогда, когда твёрдо решил его убить и когда точно знаешь, что настоящей борьбы не будет.

Только человек, самое тупое существо на свете, смотрит в упор на других без веской причины. В животном мире это не положено. Чтобы вовремя среагировать на атаку, надо быть максимально расслабленным. Никогда мангуста не ушел бы от удара змеи, если бы натужно пялился ей в глаза во время боя.

Мне этот человек понравился. Смотрит без страха и без отвращения. Это для меня главное.

Для меня все люди делятся на два типа. Большинство — те, кто смотрят на меня со страхом и отвращением; меньшинство — спокойно, не боясь и не презирая. По крайней мере, делают вид, что не боятся и не презирают. Он был из этого меньшинства. Всё остальное меня в людях мало интересует.

Есть ещё одна совсем маленькая группа людей. Это те, которые принимают меня таким, как я есть. Это даже не группа. Это отдельные люди. Сначала были отец и Милка. Потом Захри. Теперь Ор и Халеф.

Ну отец, Милка, Захри — это как-то само собой разумелось. Но то, что возможны и другие такие, я узнал только здесь в таверне Ора.

По таверне пошёл тяжёлый, вязкий запах ненависти. И странное чувство, что меня это не касается. Ненависть не ко мне.

Купец-мадианитянин. От него шли злоба и отвращение. И я правильно прочувствовал. Смотрел он не на меня, а на вошедшего соплеменника.

Тот тоже это понял, явно узнал купца и с ним играть в гляделки не стал. Отвёл глаза и быстро прошёл сквозь залу ко входу в заднюю комнату. Левиты пропустили его беспрепятственно.

Купец-мадианитянин всё не мог успокоиться. Смотрю, встал и идёт ко мне. Ни фигу себе, как мужика достало. Хотя и сидим вместе почти каждый вечер, но это когда Ор и Халеф рядом. Чтобы ко мне одному подсесть, такого ещё не было.

Подошёл, спросил разрешения сесть. Я, конечно, согласился. Делать всё равно пока нечего. Что ж от компании отказываться? Да и любопытно мне было очень.

— Так вот где эта мразь окопалась, — сказал купец. — Видел мужик прошел? Это зять Иофора, нашего первосвященника. Зять и помощник. Муса, сын Рагуила.

А дальше купец сообщил мне очень интересные вещи. Говорил путано, волновался. Перескакивал с места на место.

Из его слов я понял следующее:

Есть такой Иофор. Учёный человек и род знаменитый. От Авраама по прямой линии идет. В большом он почете у мадианитян.

А вот Муса — так себе. Почти безродный. Отец есть, а мать вроде рабыня какая-то. Но Иофора окрутить сумел. Сначала в ученики уговорил взять. Потом все жреческие обязанности стал за Иофора исполнять. Гадания, предсказания, ну и всё такое. Иофор за Мусу даже дочь отдал. Хотя и сильно неравный брак.

Купец с братьями задумали караван собрать. Из Египта в Ханаан через Иерихон на север в Иерусалим и дальше на побережье. Ещё несколько купцов к ним присоединились.

Хороший урожай случился в Египте, и войны давно не было. У ремесленников много товара скопилось. Цены хорошие. И на зерно, и на товары египетские. Купцы большую прибыль планировали взять.

Пришли к Иофору, чтобы рассчитал он им дни благоприятные и указал, каким маршрутом идти безопаснее и удобнее. Иофор купцов к Мусе переправил.

Муса всё сделал как надо. И дни рассчитал, и какими оазисами лучше идти через пустыню. Где выйти из Египта, как пройти через болота, когда и где лучше через реки и каналы переправиться.

Посоветовал, где охрану нанять. Они хотели иудеев позвать. Он отговорил. Объяснил, что за те же деньги или даже дешевле можно получить в три раза больший отряд из хананеев и измаилтян прямо в Мигдоле. Там много военного народу оказию ждёт, чтобы вернуться в Ханаан.

Человека дал в Египте, который всё это организует. У оракула получил предсказания благоприятные. Всё как положено. Заплатили Мусе хорошо. Работа того стоила.

И складывалось всё на редкость удачно. Цены действительно хорошие, товар отменный. Поездили и по племенам израильским, и по базарам.

Зерно, чеснок закупили частично у египтян, частично у племени Иссахара. Ткани и одежду взяли прямо у ткачей Дана, оружие и украшения у иудеев, пряности, чёрное и красное дерево у моряков Завулونا.

Охрану наняли недорого через человека Мусы. Отряд получился разрозненный, зато

большой.

На выходе из Египта в Мигдоле на базаре встретили знакомых купцов израильтян из племени Симеона. Оказалось, что они тоже идут в Иерихон, оттуда на восток к финикийцам и дальше, к хеттам. До Иерихона решили идти вместе.

Караван и охрана у израильтян были поменьше, но зато охрана из иудеев. Три десятка иудеев — большая сила.

Так вот получилось, что был это для мадианитян счастливый случай. Подарок Бога. В первом же оазисе караван ждала засада амаликян.

Почти вся охрана, нанятая через человека Мусы, исчезла ещё до начала боя. Остались, может быть, с десяток бойцов, да купцы со слугами. Если бы не израильский караван с охраной из иудеев, им бы не отбиться.

И ведь ждали именно их. Больно небольшой отряд напал. На них бы хватило, а вот иудеи амаликян разметали легко.

Вот так и получается. Что они пойдут через этот оазис, знал только Муса. Вернувшись домой, узнали, что был это не единственный случай. Только им повезло. А другим нет. Те другие сгинули в пустынях. Сгинули все, кто нанимал Мусу для гаданий и других жреческих служб перед походом.

Шум среди купеческого люда большой поднялся. Хоть и неохота с Иофором связываться, но и спускать такое с рук никто не собирался.

Но, пока они бурлили, Муса исчез. Жена, дети остались у Иофора, а сам как в воду канул. Думали даже, что прибил его кто-то. Может, и сам Иофор команду дал. Ведь позор-то ему какой.

А Муса вот где, оказывается, пристроился. Хотя ожидать можно было. Не секрет, что Иофор и Корей — друзья со студенческих лет.

Во время рассказа мадианитянин всё больше и больше накручивал себя и закончил почти в истерике.

— У меня брат во время схватки с амаликянами погиб. Как же я такое простить могу? Своими руками готов гадину удавить!

Да, интересные вещи рассказал мадианитянин. Хотя мне это без разницы. И Мусу я этого не знаю, да и купец мне этот вместе с братьями и сотоварищами никто.

Своими руками удавлю! А чего же не удавил? Муса только что через таверну прошёл. Кинжал на поясе висит. Доставай и режь, если голыми руками не приучен. Левитов боишься? А там с Иофором связываться не хотелось? Бурлить бурлили, а вот взять и прирезать — никого не нашлось.

И опять, мне-то какое до этого дело? Мадианитянину я это, конечно, не сказал. Я ему это подумал.

Посидели ещё, помолчали. Купец продолжил:

— Послушай, Осия, сколько возьмешь, чтобы прикончить этого ублюдка? Но чтобы с пытками. Чтобы мучился долго.

Я продолжал молчать. Как будто не слышал вопроса.

Купец тоже замолчал. Потом сказал:

— Извини. Купец я. Даже здесь готов торговаться. Осия, прошу тебя, убей Мусу, сына Рагуила. Убей плохой смертью. Я и мои друзья-купцы заплатим, сколько скажешь.

Так уже лучше. Так я говорить могу.

— Давайте перенесем этот разговор на завтра. Завтра я буду знать, могу я принять Ваш

заказ или нет.

Мы ещё посидели недолго. Молча.

— Что ж, завтра так завтра. Извини, я пойду.

Маданитянин поднялся и пошёл к выходу. Вид у него был очень невесёлый. Понять его можно. Я всех понимаю. Ещё Захри говорил, что я очень понятливый.

Появился Ор и замахал мне рукой. Я встал и пошёл к нему. В зале воцарилась полная тишина. Слышно, как муха летает.

В дверях возник один из левитов, оставшихся во дворе. Он-то откуда узнал, что что-то может случиться? Остальные продолжали сидеть, как и прежде, полностью расслабившись. Только чуть изменили позы. Да командир сместился ближе ко входу в заднюю комнату. Видно по всему, очень не хотелось ему, чтобы я туда вошёл. Не положено мне туда.

Хороши волкодавы. Одиннадцать левитов, это тебе не толпа пацанов из военной школы. Тут даже Захри бы не справился. Они тоже много чего умеют. Один на один я бы, наверное, даже командира уделал. Но с такой командой и амок не поможет. Это тебе не гиен в саванне крошить.

Опасность, смертельная угроза со всех сторон. Трое у входа в заднюю комнату. Двое у главного входа. В дверях один. Командир. Четверо бойцов во дворе в полной готовности. Нет, не потянуть мне.

Надо же, такой переполох из-за пацана. А ведь уважают. Халеф говорил — от хорошей драки грешно отказываться. Шансов, правда, немного. Но схлестнуться с целым отрядом левитов — это ж честь какая.

И уже пошла тёплая, душная волна. Хорошо, что Ор здесь. Я, правда, уже и сам могу останавливаться, но с Ором как-то спокойнее.

Ор сделал мне рукой знак стоять. Мне что? Как прикажут: стоять, так стоять; идти, так идти.

Ор что-то тихо сказал командиру, и тот не торопясь отошёл в сторону. На меня даже не взглянул. Молодец. Я это как профессионал говорю.

Ор снова махнул мне рукой. Ну что ж, идти, так идти. Вообще-то я драться не люблю. Так получается, что никогда бы мне до Корея не добраться без Ора.

Ор подождал меня в дверях, отодвинул полог и прошёл в комнату для особых гостей. Я за ним.

Я в первый раз попал в эту комнату. На полу расстелен роскошный ковёр работы ткачей Дана с очень сложным орнаментом. Такие же ковры висят на стенах.

На коврах развешено оружие. Бронзовые мечи работы мастеров из разных стран, копья и луки из рогов антилопы. В центре каждой стены висит знаменитый шестиугольный щит иудеев, тяжёлый боевой посох из дерева сикким и праща. Полное боевое снаряжение воина Иуды.

Вдоль одной стены на постаментах расставлены золотые статуэтки животных — тотемов израильских племён. Очень красивая работа. Кузнецы-иудеи постарались. Змей — тотем Дана; буйвол — тотем Рувима; конечно — лев иудеев; серна — Неффалима. Это то, что мне удалось разглядеть. Остальные должны быть там же.

А вот мангусты наверняка нет. Подумал: разбогатею и подарю Ору статуэтку мангусты.

В дальнем углу комнаты накрыт низкий стол из красного дерева. Вокруг стола разбросаны курпачи — тонкие разноцветные одеяла и кожаные подушки. Наверняка работы тех же мастеров из племени Дана. Я не специалист по интерьеру, но и я понял, что стоит это

сумасшедшие деньги.

На курпачах и подушках расположились Корей и его спутники. По левую руку сидели братья. Справа, получается, место Ора. Немного в стороне от всех пристроился мой знакомый, мадианитянин Муса.

Наконец-то я смог более отчетливо рассмотреть Корейя.

Способность за один взгляд охватить все детали обстановки и просчитать все варианты возможных ситуаций входит в профессиональные навыки убийц школы мангусты. Да и всех остальных школ убийц тоже. Это может быть даже важнее, чем умение убивать или пытаться.

Но уж больно стремительно прошёл через общую залу таверны Корейя. Что-то я всё равно увидел. Но явно недостаточно.

А тут рассмотрел во всех деталях. Действительно, внешне очень похож на Захри. Сразу видно, что братья. Глаза, конечно, нормальные. Помоложе, поплотнее и повыше ростом. Но главное отличие — это уверенность в себе и отсутствие комплексов. Властность, жёсткость, сознание своего превосходства и пренебрежение ко всем остальным.

Захри был очень закомплексован и во всем, что не касалось работы, хорошо обращался с людьми. Корейю и в голову бы не пришло платить за еду простым людишкам, как это делал Захри. Зачем, если они и так ему принесут и спасибо скажут, что взял. Ему, Корейю, всё от рождения положено.

Корейя — Любимец Фараона, Верховный Жрец бога Амона, Начальник Академии Иосифа, Патрон и Покровитель военных школ Иуды и Ефрема, Патрон и Покровитель израильских племён, Великий Учёный и Философ, Великий Учитель, Наимудрейший и Богатейший.

А ведь человечешко так себе. Смотрит на меня плохо. И боится, и презирает. Такой сам не убьёт. Такой убить прикажет. Такой привык приказывать.

Стою и молчу. Надо бы поздороваться, да язык не поворачивается. Больно плохо на меня смотрят. Хорошо хоть умница Ор остался стоять рядом. Не сел на своё место.

— Письмо Захри у тебя с собой? — спросил Корейя.

— Да. Вот оно.

Я достал папирус из-за пазухи. Ор взял письмо, отнёс Корейю и только теперь сел на свое место за столом. Корейя быстро пробежал по папирусу глазами.

— Тут Захри пишет, что я ему должен. Так вот, запомни: ничего я ему не должен. За тебя Ор и Моисей сказали. Только потому ты здесь стоишь.

Ещё Захри пишет, что ты гений в своем деле. Почему бросить решил профессию и почему только через год меня нашёл?

— Учитель говорил, что не гожусь я в палачи: любопытен и сам не знаю, чего хочу. Говорил, чтобы искал себе что-нибудь другое. А что поздно к Вам пришёл, так я мир смотрел.

— Ещё Захри пишет, что читать и писать можешь на многих языках, что иероглифы священные понимаешь и вообще знаешь много.

— Знаю я мало, но читать и писать обучен.

— Ор говорит, что слово своё всегда держишь. Захри про это тоже пишет. Так это?

— Слово своё держу всегда. А у Захри не написано, что я его не всем и не всегда даю?

— Надо будет, мне, Корейю, своё слово дашь?

— С Вами просто. Вы ведь у меня и сами слово не попросите. Так что говорить нечего: проверить всё равно не удастся.

— Тоже верно. Проверить не удастся.

Вмешался один из братьев.

— Ты что, хочешь эту зверюгу при себе оставить? Не боишься?

— Конечно, боюсь. И не подумаю. Мне моих левитов хватит, — ответил Корей.

Помолчал, подумал и продолжил:

— А как насчёт тебя, Моисей? Работы у тебя будет много, как мы и говорили. Работа опасная. Аарон тебя всегда прикрывать не сможет. Как насчёт личного охранника? Не побоишься при себе держать? Ты тут за него красиво выступал.

— Не побоюсь. Не из пугливых. И я тоже слово своё держу. Сказал, значит сказал. Парень классный. От своих слов не отказываюсь. И Ор его рекомендует. Только спасибо могу сказать.

Говорит Муса очень коряво, с сильным акцентом. Глокает слова и плохо наш язык знает.

— Хорошо, так и решим.

И уже обращаясь ко мне:

— Будешь при Моисее. Иди.

Почему-то он Мусу всё время Моисеем называет. Впрочем, мне-то какое дело? Тут как-то ни в чём моего согласия или там мнения как бы и не требуется.

Я повернулся и вышел. Позднее разберёмся, кто при ком и при ком я. Слова я своего ещё никому не давал. Пока же всё это мне очень не нравится.

Прошёл сквозь таверну во двор. Левиты на меня никакого внимания не обратили. Только командир бросил быстрый рассеянный взгляд и сразу отвернулся.

Вот эти ребята мне нравятся. Ни страха, ни отвращения. Не любят они меня, но это по работе им положено. Опасный я. То есть уважают. Даже на душе как-то теплее стало. Такие люди уважают...

Вышел и из двора тоже. Сел под дерево. Ни о чем не думаю, но решение зреет. А что, жил до сих пор я в общем-то неплохо. Мир посмотрел. Ничего в нём хорошего нет. Вернусь в дом Захри. Деньги, чтобы пересидеть какое-то время, у меня есть. Мне много не надо. А там и заказчики появятся. Не могут не появиться.

На хрена мне все эти Корей, Мусы-Моисей... Мне Захри говорил найти брата — я нашёл. Всё. Теперь свободен.

Появился Ор. Подошёл ко мне, сел рядом. Посидели, помолчали.

— Зря ты на Корей окрылся. Мужик он хороший. И умный. С лету единственное правильное решение принял. Тебя к Моисею приставить.

А что не любит тебя, так ты не женщина с большой задницей, чтоб тебя любить. И вообще, ждал-то ты чего?

— Дядя Ор, а почему Вы этого, который там с вами сидит, Моисеем называете? Вроде Муса его зовут. Муса сын Рагуила мадианитянин.

— Ну ты и шустрый. Когда успел — то?... Купец доложился, не иначе.

Слушай меня внимательно. Этого, который с нами сидит, зовут Моисей сын Амрама. Он левит. Младший брат Аарона и Мириам. Всё понял?

Умеешь влипать в истории. Прав Захри. Херовый из тебя палач.

— А это ещё почему?

— Да вот смотри: Захри сколько лет палачом был? А сколько лет до этого у дяди своего Михаила учеником? И ни одного трупа за ним не числится, если не считать заказанных.

А ты? Год живешь один, без присмотра, и уже трое на тебе из солдатской школы Ефрема. И ещё целая куча здесь могла быть. Сегодня чуть было на левитов не кинулся. Что вообще глупо.

Так что давай подведем итоги: Первое: не сможешь ты тихо сидеть и ждать, когда тебе убийство закажут. Не про тебя тихая жизнь. Любопытен очень, агрессивен, и надо тебе намного больше. Кстати, это я Захри цитирую. Из письма.

— Эх, дядя Ор, знать бы мне самому, что мне надо. А на второе у Вас что?

— Одного первого тебе не достаточно? Ну хорошо. Есть и второе.

Во-вторых, ты ничего не понял, а точнее, ничего не знаешь. Захри и Корей это руки одного большого тела. А точнее, пальцы на руках.

— А я-то думал, Корей — это голова.

— Есть и голова, но об этом потом. Для тебя сейчас главное понять, что Корей и Захри были связаны не только и не столько тем, что они братья, а тем, что они части одного общего тела. И уж совсем неважно, любили они друг друга или нет.

Тело это — народ Израиля. Коалиция израильских племён. Когда-то давно, во времена Авраама и Иакова, это был единый могучий организм. А сейчас коалиция — отдельных племён.

Уже был момент в нашей истории, когда стал этот организм распадаться на части. Тогда наш прародитель Авраам увел свой народ от богатых городов междуречья и переселился в дикие земли Ханаана. [\[1\]](#)

Чтобы спасти народ и Бога от соблазнов осёдлой сытой жизни. Чтобы спасти святое тело от загнивания.

Вот и сейчас, как в те давние времена, идет процесс гниения. Стали покидать шатры евреи и переселяться в города. Стали забывать Бога предков и поклоняться египетским богам. Стали приходить на весёлые и разнузданные празднества, посвящённые этим богам.

Больно суровы запреты Бога Авраама и Иакова. Чужие боги намного веселее. Снова соблазн городов, сытая и спокойная жизнь разъединяют и развращают народ Израиля.

Так вот, решили Корей и его команда, что настало время повторить подвиг Авраама и увести еврейский народ от городов египетских в страну предков — Ханаан. И жить там по мудрым законам древних евреев. Жить одним организмом. Жить, как жили наши предки.

Уйти и спасти народ и Бога от соблазнов осёдлой жизни. Опять настало время спасти святое тело от загнивания.

Так что главное для тебя сейчас это то, что затеяли Корей и знатные люди племён большие дела. И есть у тебя шанс стать участником интересных и важных событий.

Ты не смотри, что Муса выглядит не очень. Внешность невзрачная, косноязычен. Не титан мысли, но и мужик он не простой. Знает много всяких вещей и как-то незаметно удобен. Сумел стать необходимым Корею. Корей без Моисея сейчас как без рук. Всё больше и больше разных забот и событий замыкается на нём.

Держись рядом с ним — не прогадаешь. А что с Кореем не сошлись, так, может это и к лучшему. Ни тебе его не понять, ни ему тебя.

Ну что, успокоился?

— Ваше слово для меня закон дядя Ор, — ответил я.

Слукавил, конечно. Нет для меня ничьих законов. Просто действительно здорово мне всё (или почти всё) разъяснил Ор. Совсем надо быть тупым, чтобы не понять. Наконец-то мне повезло. Оказался в правильном месте в правильное время. А что я всё это себе иначе

представлял, то с кем не бывает.

Ор продолжил:

— Ну и ладно. Тут с тобой Моисей хочет поговорить. Пойду, пришлю его сюда. Здесь вам будет удобнее.

Кстати, купец-мадианитянин съехал со двора. Надо ему в Пи-Гахироф. Но он пошёл не по прямой дороге, а вдоль канала, как бы в другую сторону, в сторону Дафне.

Через канал он не переплывет. Крокодилы тут. Так что он должен дойти до переправы возле Академии Иосифа. Скорее всего там и переночует. В любом случае ему день нужен. Перехватить его ты сможешь вот тут.

Ор показал мне на песке, как быстрее выйти на дорогу в Пи-Гахироф, где должен будет пройти мадианитянин, и ушёл назад в таверну.

Надо будет через канал с крокодилами переплыть. Это проблема, но не для меня. Переплыть в том месте, где я всегда купаюсь после разминки. Как я уже говорил, там крокодилы, пуганные молодцами из школы Иуды, и на человека не нападают. Времени на них тратить не придётся.

Глава 04. На службе. Первое задание

В движении гигантское стадо, одно из величайших зрелищ природы,

является единым организмом, а не просто беспорядочным скопищем животных.

Стадо как единое целое обладает индивидуальностью и живёт особой жизнью.

Джон Нири. Дикие стада.

Безусловно, коллективное знание стада, касающееся пастбищ, путей и законов миграций, является совершенно необходимым условием выживания стада как единого организма.

Джон Нири. Дикие стада.

Каким образом животные в стаде узнают о грозящей им опасности?...

Чувство опасности, неизменно возникающее у всех животных стада,

несмотря на то, что они никоим образом не могли знать, откуда эта опасность исходит, вызывало у меня удивление и так и осталось для меня неразрешённым вопросом.

Давид Ливингстон. Путешествия и исследования в Южной Африке.

Если тебе кто-нибудь на Чиланзаре слово плохое скажет, ты мне только имя его назови.

Я его из-под земли достану и в это же место закопаю.

А дом его, хоть каменный, хоть деревянный, будет гореть, как деревянный.

Дядя Рома. Авторитет района Чиланзар, город Ташкент. 23 года, рост 154 см, хрипит — горло перебито, тело всё в шрамах.

Ушёл Ор, появился Моисей. Вышел из ворот и направился ко мне. Я встал. Он тоже не стал садиться. Так стоя и поговорили.

— Значит так. Будешь при мне. Твоё первое задание. Здесь где-то крутится купец из Мадиана. Надо его убить. Но учти: исчезнуть он должен без следов. Просто исчез — и всё. Очень важно, чтобы никто пока не знал, что мы с Кореем вместе действуем.

При купце будут деньги и кинжал иудейской работы. Деньги и кинжал принесёшь мне. Мы с Кореем в ближайшие четыре дня заняты. Так что найдешь меня у Корея дома на

пятый день. Я предупреджу охрану, чтобы тебя ко мне пропустили.

И смотри, не натвори чего-нибудь. Я тебя вытаскивать и покрывать больше не буду.

Речь произнес, повернулся и ушёл назад в таверну. Моего согласия или там мнения опять не понадобилось. И попрощаться тоже явно лишнее. Серьёзный значительный человек. Ему не до этих глупостей.

Забавный мужик. В короткой речи три раза сказал: «Мы с Кореем». Прямо неразлучная парочка. Корей с ним просто не расстанется. Вот только деньги и кинжал я должен доставить ему лично. Тут Корей ни при чём.

И когда это он уже успел меня и вытаскивать, и покрывать? Да ладно. Хватит нудеть. Вариант не худший. Сработаемся.

Пора браться за дело. Соскучился я по нормальной работе. Ещё прозеваю купца. Но это вряд ли. Из-под земли достану и в это же место закопаю.

Через канал надо переправляться, пока светло. Отправился в путь сразу, не заходя в таверну. Переплыл канал и побежал перпендикулярно ему через холмы в сторону дороги на Пи-Гахироф.

Начало темнеть, но в пути мне свет не нужен. Чувство направления и умение видеть в темноте входит в профессиональный набор убийц-мангуст.

Нужная мне дорога на Пи-Гахироф проходит вдоль канала, постепенно удаляясь от него по мере приближения к городу. Почти возле самого города эта дорога и прямая дорога от школы Иуды сливаются в одну.

Мне надо выйти на мою дорогу как можно дальше от точки слияния. Чтобы не нарваться на каких-нибудь свидетелей, но при этом и не упустить купца. Так что бежал я, забирая немного вправо.

Вышел в запланированную точку уже после первых звезд. Сел под дерево, прикрыл глаза и стал слушать саванну. Умение ждать, сколько нужно, — ещё одно из обязательных качеств палача-убийцы.

Первыми появились дикие собаки. Стая — восемь охотников. Твари умные. Зря в драку никогда не полезут, но если уж полезли, то бьются до конца. И бойцы они очень умелые. Стая вроде этой и крупного зверя завалит, и львицу от добычи отгонит.

Очень они мне левитов из Кореевой охраны напомнили. Спокойные, уверенные в себе. Дерётся такая стая, как один организм. Каждый знает свое место, каждый может принять главный удар на себя, каждый может провести смертельную атаку.

По отдельности звери не крупные. Та же гиена и ростом и весом существенно больше, не говоря уже о льве или леопарде. Но стая из восьми собак — большая сила.

А как красиво гонит стая крупного зверя — зебру, большую антилопу или даже буйвола. Гонит и заваливает.

Это не трупоеды, не гиены. Эти любят настоящую схватку — не на жизнь, а на смерть. Живая кровь — их еда.

По-хорошему, надо бы левитам собаку в качестве тотема выбрать. Но уж больно вонючие твари. Для нас, евреев, с нашей наследственной тягой к чистоте, эти звери — мерзость. Так же, как и свиньи, гиены, крысы. Даже прикасаться к ним — грех. От Авраама это у нас. А вот у египтян собаки в большом почете.

Я почувствовал жаркую тягучую волну. В мозгу возникли картины: рвут меня на части острые клыки, течёт по мне алая жаркая кровь, из распоротого живота вываливаются кишки.

Ай да ребята! Что-то я сегодня мирный и тихий. Ишь ты, проверять меня вздумали.

Подсобрался, прикрыл глаза — другие картинки пошли: я рву пасти, расплзаются во все стороны собаки с развороченными животами, и уже за ними тянутся кишки. Рукой пробиваю грудь и вырываю ещё бьющееся, живое сердце.

Поднял глаза — улыбаются. Учителем клянусь — улыбаются. И тут я почувствовал: улыбаюсь тоже. Люблю, когда меня уважают.

Всё, исчезли. Как растворились. Проверили и побежали дальше. Да, жалко, что они такие вонючие.

Захи рассказывал, что есть дикие племена охотников, которые живут и охотятся вместе с собаками. Но тем, наверное, вонь не страшна. Всё-таки тяга к ритуальной чистоте — это и среди людей редкость.

Следом пришла гиена. Эта поглупее. Покрутилась вокруг. Трусливая и опасная тварь. Особенно, когда их много. Опасная, но не для меня. Тоже куда-то исчезла.

Всё. Саванна меня проверила. Не добыча, но и не охотник. Проверила и забыла. Можно вздремнуть. Не пойдёт мадианитянин по этим пустынным местам ночью. Думаю, надо его ждать ближе к середине дня.

Но не спалось. Вспомнились опять собаки. Как они меня запугать пытались. А ведь, наверное, плохо это. Ещё год назад им бы и в голову не пришло меня проверять. Какой там год. Десять дней назад. Какую-то слабину почувствовали. Какая-то слабина во мне появилась.

Ведь собаки как охотятся? Крутятся возле стада. И проверяют животных. Если поддерживает стадо своего члена, то собаки и не пробуют на него нападать. Будь это здоровый самец или совсем молодой телёнок, если он в стаде, то не дадут его в обиду.

Стадо это не просто собрание отдельных животных, это единый организм с общим мозгом. Стадо чувствует агрессию и опасность, когда не только хищника не видно, но и запаха или других физических его признаков нет. Когда хищники только ещё думают атаковать. Стадо их мысли ловит.

Если животное в стаде, то его не запугаешь. Всё стадо никакого хищника не боится. Вон, пичуги малые, ласточки какие-нибудь. И ворону, и орла от гнездовья всем миром отгоняют. Ничего не боятся. Эти великаны даже и драться не пробуют. Удирают, только крылья свистят.

Если же отторгнуло сообщество животное, то нет ему спасения. Не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра завалят его собаки или другие хищники. Иногда это больное животное, иногда старое. Но иногда нет видимых причин, почему его отторгли. А собаки чувствуют. Чувствуют, что не придет ему стадо на помощь.

Есть ещё ситуация, когда само животное вдруг решает жить вне стада. Чаще всего это сильный и крупный самец. Буйвол, например. Или же очень быстрая и чуткая антилопа.

Такие звери стараются держаться подальше от других животных своего стада. Как правило, и семья им не нужна. Вдали от стада возможность встретить сильного и опасного хищника минимальная.

Живёт такой одиночка в лучшем случае, пока не заболит или не ослабнет по какой-либо причине. Но зато живёт так, как хочет он, а не стадо. И дух должен иметь сильный.

Если уж решил жить вне общества, то должен быть отморозком. Чтоб не могли его запугать. Готов должен быть к любой отчаянной схватке и в драке должен всегда идти до конца.

Притвориться отморозком невозможно. Им надо быть. Собаки или другие хищники это

всегда отлично чувствуют и стараются с таким зверем не связываться. Только если уж совсем ничего другого нет.

Так вот, был и я таким отморозком. А теперь непонятно что. Несколько хороших дней у Ора в таверне, и уже под подозрением у хищников. Надо им доказывать, что я не добыча.

Нет, расслабляться нельзя. Есть хищники и посильнее собак. Прослежу за собой. Вот и думаю много, а надо спать перед работой. Так что — спать.

Проснулся, как положено, перед восходом солнца. Отошёл подальше от дороги. Вырыл ямку. Опорожнил кишечник, мочевого пузырь. Прикопал всё это. Лишние запахи мне ни к чему.

Потом стандартное очищение. Глаза, уши, пах промыл водой из бурдюка. Рот и нос прополоскал тоже водой. Остальное тело почистил песком.

Следующая процедура — медитация. Полное расслабление. Чувствую, как по телу побежали потоки священной энергии. Всеочищающие и промывающие изнутри каждую частицу, каждый орган.

Сегодня у меня особенно ясные и чистые ощущения. Так всегда перед работой. Нет ничего слаще на свете, чем эта медитация перед предстоящим убийством.

Прошёлся по дороге и выбрал место засады. Надо, чтобы мадианитянин не увидел меня издали, но и чтобы это не было внезапно.

Если увидит издали, то может попытаться убежать. Лови его потом. Поймать, конечно, поймаю, но зачем мне это? Непрофессионально.

Если же внезапно увидит меня прямо перед собой, то может начать драться, от неожиданности. Тоже не проблема. Но опять — непрофессионально.

Надо, чтобы у жертвы не было бессмысленных надежд и чтобы было время смириться с неизбежностью. Тогда умрёт спокойно и без боли.

Я ведь не хочу его пытать. Заказа нет, и отношусь я к купцу неплохо. Всё-таки вместе ели хлеб, и человек вроде хороший. Умрёт без боли.

Сел на корточки и жду.

Мадианитянин появился, когда солнце почти достигло зенита. Я знал об этом задолго. В дикой природе перемещение каждого достаточно крупного и опасного животного сопровождается целым оркестром звуков да и другими событиями. Сурки возбужденно стрекочут. Орел-стервятник перемещается в направлении объекта и кружит над ним. Много чего происходит.

По совокупности признаков почти всегда можно угадать, кто это, откуда и куда идет. Тем более, если ждешь чего-то определённого.

Не зря я потратил столько времени, сначала наблюдая, как Захри распознает, что творится в окружающем нас диком пространстве, а потом и сам, стараясь определить, кто, где и куда двигается в большом круге, центром которого я являюсь. Теперь-то мне уже не надо напрягаться и анализировать приходящую информацию. Я просто знаю, что делается вокруг меня. Теперь это часть моих профессиональных навыков.

Купец вышел из-за поворота, увидел меня и остановился как вкопанный. Не отрывая взгляда, потянулся к кинжалу. Я укоризненно чуть покачал головой. Рука его безвольно опустилась.

Я продолжал сидеть, он стоял. Время у нас есть. Пусть уйдет надежда, тогда и боли не будет.

Пошёл ко мне, как я и добивался, безнадежно, как кролик к удаву. Правильно, умирать

надо с достоинством, не визжа и не царапаясь. Подошёл, остановился передо мной.

— Пытать будешь?

— Не буду, хотя и заказали мне.

Слукавил я. Не было такого заказа. Но так ему будет легче умирать.

Да и не сильно я лукавил. При любом раскладе я бы убил его легко. Сидели за одним столом, ели вместе, смеялись. Не стал бы я его пытать ни за какие деньги. Хоть это и непрофессионально. По правилам, надо делать, как заказали.

Прав был Захри: херовый из меня палач. Хотел я показать мадианитянину, что уважаю его. Человек — единственное животное на свете, которому даже перед смертью важно, чтобы его уважали.

— Тогда не тяни, кончай сразу. Единственно прошу тебя: похорони по-человечески. Не оставь лежать, как безродную собаку. Кинжал положи со мной. Кинжал мне от деда достался.

— Сделаю всё, как Вы сказали. Не беспокойтесь.

Только человек думает о том, что будет с телом его после смерти.

Мадианитянин повернулся ко мне спиной, встал на колени. Думаю, что и глаза закрыл. Прямо с корточек, не вставая, я метнулся вперёд и ударил открытой ладонью в основание черепа. Он даже не заметил, как умер.

Его посохом я выкопал глубокую яму. Положил в нее тело купца, посох и кинжал и засыпал землей. Сверху накатил большой камень, чтобы шакалы и гиены не могли достать тело.

Всё. Теперь назад, в таверну. Много у меня всяких мыслей и вопросов в голове крутится. Пока обстановка позволяет, надо всё это с Ором перетереть.

Боюсь, потом времени не будет.

Глава 05. Евреи до Египта. Чудо Бога и Народа.

Версия Ора*^[2]

Работа термитов выглядит целесообразно скоординированной. Да иначе и трудно себе представить, как бы они могли возводить

*термитники высотой семь метров с их рациональным внутренним устройством, особенно гнезда со сложной системой вентиляции, как у *Apicotermes*.*

Каким образом управляется эта совместная работа, как и благодаря чему сложный план строительства воплощается в жизнь, пока можно только предполагать.

Животные строят. Матиас Фроиде.

Оставшиеся до назначенной встречи с Моисеем три дня я и Халеф слушали Ора, открыв рот. И ещё неизвестно, кто получал большее удовольствие: мы или Ор.

Это были истории о том, как пересеклись пути Иосифа и Фараона, как и почему Иосиф стал вторым после Фараона человеком в Египте, кто такие израильтяне, как и почему поселились израильтяне в Египте, почему они не потерялись среди египтян, и много других интереснейших вещей. ^[3]

Нельзя сказать, что мы совсем ничего про это не знали. Мне Милка много чего нарасказала. А ещё я читал рукописи из библиотеки Захри.

Халеф же отучился в левитской школе при шатрах Иудовых и вырос в нормальной иудейской семье, где рассказы про мудрого и хитрого Иосифа были частью любого праздничного застолья. Всегда это были красивые назидательные или смешные сказки и легенды.

В изложении Ора всё выглядело зачастую не совсем так же, а иногда даже и совсем не так. Были ещё вещи совсем новые, мне и Халефу неизвестные.

Сокращая наши идиотские вопросы, всевозможные непонятные мне отклонения и многочисленные повторения, характерные для пьяных дискуссий, по Ору, история Египта и израильских племён в период переселения евреев в Египет и до наших дней выглядит приблизительно так:

Много поколений назад, во времена Иосифа, и Египет выглядел совсем не так, как сейчас, и израильтяне были совсем другим народом.

Жизнь людей в нашем мире держится на хлебе. Всё остальное имеет смысл, если есть хлеб. Есть хлеб — люди живут, рожают детей, выращивают скот, строят города. Нет хлеба — в мире голод. Не зря в египетском языке одно и то же слово означает и хлеб, и жизнь. Для осёдлого народа хлеб и жизнь — это одно и то же.

В любом месте, где есть вода и где земля может относительно стабильно родить хлеб, возникают города и появляются осёдлые люди, выращивающие этот хлеб. Эти города и эти люди образуют цивилизации — осёдлые городские культуры.

Из самых крупных мы знаем наш Египет — страну великой реки Нил, и ещё более

древние цивилизации Месопотамии — страны великих рек Тигра и Ефрата.

Когда есть хлеб и сыт человек, хочется ему и другого. Хочется человеку множество разных съедобных и несъедобных вещей. Без которых можно обойтись, но которые так украшают жизнь.

Делает эти вещи человек частично сам, а частично обменивает на излишки выращенного хлеба.

И вот уже идут по всей земле караваны предприимчивых и отчаянных людей, и обменивают они одни товары на другие. Возникают другие города и другие цивилизации. Уже не на землях, где выращивают хлеб, а на пересечении великих караванных путей.

Но в основе жизни всё равно лежит хлеб, и все обмены заканчиваются на этом основном товаре, производимом осёдлым народом, обрабатывающим землю.

Все караванные пути идут из великих земледельческих держав или заканчиваются в них. Весь остальной мир работает на эти державы и основные богатства этого мира оседают в огромных городах этих стран.

На этом стабильном фоне живут другие племена — племена кочевых людей. Разнообразие форм этой зыбкой составляющей мира людей не поддаётся описанию. От небольших групп (иногда просто разрозненных семей) охотников и собирателей кореньев, мало отличающихся от зверей, до больших военных государств, живущих набегами или просто элементарным грабежом на дорогах.

Военные державы кочевников в свою очередь накапливают большие богатства. А ещё они абсорбируют в себя всё новое и передовое как из осёдлого мира, так и от других кочевых народов.

И это не только идеи и технологии, связанные с войной. Это и такие вещи, как поэзия и лицедейство, художество и скульптура, философия и науки, кулинария и ремесла. Вообще всё хорошее, что можно отобрать у побеждённых народов или подсмотреть у соседей.

Желанная добыча для кочевников — это золото, серебро и другие материальные ценности. Но не меньше ценятся умелые ремесленники, поэты, музыканты, мудрецы, учёные и строители. Их можно продать в те же земледельческие страны или сдать на время в наём. Всем нужно строить, и всем нужны умелые и знающие люди.

После победоносной войны с осёдлым народом, разграбив страну, вожди кочевых племён обычно становятся правителями побеждённой державы. Их командиры и солдаты образуют новую знать захваченных стран.

Язык, боги, обычаи побеждённых хорошо приспособлены для осёдлой жизни. Те же элементы культуры победителей ориентированы на кочевую жизнь и для осёдлой жизни чаще всего не подходят. Поэтому именно победители обычно перенимают культуру побеждённого народа. Со временем от победителей в объединённом народе остаётся только свежая кровь. Что тоже немало.

Перемены эти мало сказываются на крестьянах. Их не трогают. Кто-то же должен растить хлеб и кормить мир.

Всё это повторяется время от времени. Новые правители и новая знать через несколько поколений деградируют в сытой и спокойной жизни.

Появляются новые орды кочевников, сильные, свирепые, бесстрашные и жадные. В кочевой жизни выживают только такие. И снова вожди кочевников стремятся поработить богатые земледельческие народы и стать их правителями.

Так и шло. Век от века. Кочевники отбирали и накапливали у себя всё хорошее из

окружающего мира, росли и становились сильными.

Став сильными, захватывали осёдлые земледельческие державы. Вливались в них с накопленными знаниями и растворялись в побеждённом народе, давая ему свежую кровь.

Перемены обычно затрагивают только верхушку народа — знать. У крестьян-земледельцев жизнь монотонная и всегда убогая. Основная часть осёдлого народа отличается тупостью. Большинство крестьян никогда не покидает родных мест. Поход в ближайший город на священные праздники — самое удивительное приключение в их жизни.

То, что время от времени меняются правители, их мало трогает. Единственное, что волнует крестьянина, какие теперь надо будет платить налоги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Всё это мы можем наблюдать у нас в Египте. Египетский крестьянин рождается и умирает в родном селении, зачастую не подозревая о существовании других мест даже в Египте, не говоря уже о внешнем мире.

Обычное дело — близкородственные браки. В поселениях крестьян все близкие родственники. Это — прямой путь к физическому вырождению.

Поэтому любой путник издалека всегда был желанным гостем в доме крестьянина. И предоставлял хозяин гостю свою любимую жену на ночь.

Если повезёт, то появится в семье хозяина ребёнок со свежей кровью. Поиметь жену хозяина — это то, чем может и обязан гость отблагодарить за оказанное ему гостеприимство.

Тем же целям служит и право первой ночи. Это скорее обязанность суверена, чем право. Должен суверен влить своё семя в невесту вассала в первую её брачную ночь. И опять, если повезет конечно, то родится от этого ребёнок с хорошей кровью.

Браки между родными братьями и сёстрами широко практикуются и среди знати. Из династических соображений. Что тоже ни к чему хорошему не приводит.

Пока нет сильных внешних врагов, всё так и идет.

Растут города, накапливая несметные богатства. Охраняют эти города наёмные солдаты — кочевники. В городах возводятся роскошные дворцы для знати. Строят эти дворцы строители — кочевники. Со всего мира приходят в города поэты и музыканты, художники и скульпторы, лицедеи и артисты, учёные и мыслители. Почти всегда это тоже представители кочевых племён.

А в поселениях живут крестьяне, поколение за поколением производящие хлеб в неизменной последовательности действий.

В осёдлой жизни нет места для учёных и мыслителей. Та же грамотность ни знати, ни крестьянам не нужна: им нечего записывать, и они не читают старые книги. Всё это удел кочевников, да и то не всяких.

Закон жизни и природы: в стоячей воде заводится гниль. Вот и гниют. Человек осёдлый не живёт долго. Города обеспечивают безопасность жителям, но большая скученность и грязь — это раздолье для эпидемий и различных болезней.

К этому же ведут и сексуальные обряды, входящие во все культы всех богов. Проказа и венерические инфекции даже не считаются болезнями. Ведь от них человек не погибает сразу. Может с этим жить долго.

Соизмеримо долго, если сравнивать с обычной продолжительностью жизни в городах. Быстро вырождается осёдлый народ.

Но всё равно люди стремятся в города и поселения. Ведь это стабильность,

защищённость. Относительные, конечно. Относительные по сравнению с жизнью людей шатров.

Существование в городах спокойней и безопасней, чем кочевая жизнь. Но потому-то осёдлые люди городов и селений во всех смыслах намного мельче кочевников.

Это общие законы и правила. Если есть общие правила, то должны быть и исключения. Случаются удивительные вещи. Как исключение из правил, мир кочевников иногда порождает странные, «неправильные» образования — сообщества, основное занятия которых не война и разрушения, а созидание.

Как это получается, неизвестно, но появляются среди кочевников отдельные люди, семьи или даже кланы людей, которым интереснее строить новые города других народов, чем разрушать старые, и интереснее придумывать новые технологии и новые вещи, чем отнимать или подсматривать их у других.

Такие образования обычно не очень устойчивы. Ломать всегда легче, чем строить. Подсмотреть легче, чем придумать. Трудно такому образованию защитить себя. Трудно, потому что надо одновременно уметь и строить, и сражаться.

Вот и получается, что стабильное существование в Ханаане такого народа, как евреи, иначе как чудом не назовешь.

Мы, евреи, всегда были люди шатров. Для еврея городская жизнь — мерзость. Рукотворные боги, кровавые обряды, неумеренное ритуальное обжорство, узаконенное прелюбодеяние. Но хуже всего: грязь. Неизбежная, когда много людей постоянно живёт на ограниченном пространстве.

У кочевника еврея в той земле жизнь была опасная. Хотя и стоят друг за друга люди шатров, но всегда есть в их жизни моменты, когда остаётся мужчина один, лицом к лицу с врагами. Будь это звери дикие или воины из разбойничьих племён.

Позади тебя твоя семья, а помощь собратьев придет слишком поздно. Надо рассчитывать только на себя. И надо драться. Драться свирепо, драться насмерть.

Редко кто из евреев мужчин доживал до преклонного возраста. Гибли в бою. Обычное дело. Но смерть свою встречали они в полном здравии. И если миновала их насильственная смерть, то жили люди шатров фантастически долго, так долго, что народу городов это казалось бессмертием.

И не зря долгая жизнь считалась у евреев знаком праведности человека. Означало это, что был еврей сильным и жил правильно. В Боге жил и в чистоте.

Бог евреев живёт в евреях — во всём народе. Объединенный разум евреев — это наш Бог. В каждом еврее есть частичка Бога. Весь народ вместе — обитель Бога. Нет Бога без евреев, и нет еврея вне Бога. Бог евреев — он и есть голова. А не Корей. Корей — это палец указательный на руке. Каждый из евреев, каким бы великим он ни казался, только малая частица Бога.

Тот древний народ не был многочисленным. Жили евреи племенами, кастами. Каждая каста из поколения в поколение занималась определёнными ремёслами. И из поколения в поколение передавались от отцов сыновьям особые знания и навыки, связанные с их профессиями.

Главным занятием евреев было строительство. Если надо было какому-нибудь властителю что-то построить: город, дворец или храм-святилище, то звали евреев. Выделял правитель-заказчик евреям пастбища, колодцы для скота и места для стана. Племена еврейские перекочёвывали на время строительства в эти края.

Все евреи были строителями, но была и особая каста среди евреев, хранящая древние тайные знания о строительстве. Архитекторы, механики, химики, геологи составляли эту касту.

Мы их знаем как племя Рувима. Первой и главной была эта каста среди евреев. Себя называли они людьми земли.

Другая каста специализировалась на отделочных работах. Скульпторы, художники были эти люди. Теперь это племя Гада. Тоже люди земли.

Ещё к людям земли относили себя люди касты земледельцев — племя Иссахара. Про них говорят: воткнёт человек этого племени сухую палку в песок, пошепчет что-то над ней — и назавтра расцветёт эта палка и даст плоды.

Удивительные фрукты, овощи, горькие травы выращивали дети Иссахара. Даже среди евреев они считались колдунами и волшебниками. Умели говорить с зелёным народом. И понимали, что этот народ говорит им. Про растения знали всё.

Другая часть евреев называла себя людьми воды. Главной среди людей воды была каста ирригаторов. Эти видели сквозь землю и могли найти воду и вырыть колодец там, где другие люди видели только голую выжженную пустыню.

Знали они, как построить дамбы и плотины, как прорыть каналы, чтобы они орошали каждый участок нужной земли и вода при этом не уходила в почву и не терялась в песках.

Ещё были ткачи, кожевники, златотканники, кузнецы, ювелиры и оружейники. Эти тоже относили себя к людям воды. Товары, производимые мастерами этой касты, славились среди всех народов. И не только Ханаана, но и Египта, и Месопотамии, и ещё далеко на север и юг.

С ними приключилась особая история. Кузнецы, ювелиры и оружейники присоединились к касте воинов и образовали племя Иуды. Ткачей, кожевников, златотканников мы сейчас называем племенем Дана.

А ещё людьми воды были моряки Завулونا. Эти знали все морские пути вдоль побережья, могли строить корабли, пригодные как для плавания и перевозки грузов по рекам и вдоль побережья, так и для длительных походов с выходом в открытое море.

Умение найти дорогу домой, ориентация в пространстве и во времени, ориентация по солнцу, луне и звёздам, наследственная память о ландшафтах, чувство погоды и ощущение опасности — это те знания, которые передавались им из поколения в поколение, от отцов сыновьям. Были и другие особые способности, передаваемые в этой касте по наследству.

Ураган или мель мог предсказать моряк Завулونا задолго до того, как ситуация становилась реально опасной. Чувствовали морское или речное дно, умели говорить морю или реке и умели слушать воду. И за эти способности считали евреев колдунами и ведьмаками другие народы.

Часть евреев называла себя людьми ветра. Эту группу составляли три касты: купцы, лицедеи и знахари. Сейчас мы знаем их как племена Симеона, Неффалима и Асира.

Люди этих каст большую часть времени жили вне еврейского сообщества и были большими индивидуалистами, чем остальные евреи. Так уж получалось. Так диктовали им их профессиональные занятия. А это означает, что были они дальше от Бога, чем другие евреи. Потому, наверное, и называли их людьми ветра.

Купцы, толмачи и проводники сейчас составляют племя Симеона. Многие знания хранили и передавали купцы от отцов детям. Их врожденные способности к языкам поражали воображение.

Для того чтобы освоить новый язык, человеку из касты купцов надо было 2–3 дня. Нередки случаи, когда купец умел свободно говорить, читать и писать на 10–15 языках.

География, математика, дипломатическое искусство, чувство направления и расстояния — неполный перечень того, что необходимо каждому купцу, для того чтобы успешно заниматься своим делом.

Так же, как и моряки Завулона, от рождения умели дети Симеона ориентироваться по звездам и чувствовали направление. Если бросить маленького ребёнка из этой касты в пустыне, то повернется он и пойдет строго в сторону дома.

Людей городов, поколение за поколением живущих в одном и том же месте, эти способности повергали в изумление.

И, конечно же, были купцы бойцами отчаянными.

Артисты, поэты, певцы — племя Неффалима. Жили и творили эти люди обычно при дворах князей и царей народов ханаанских. Но всегда они чувствовали за спиной защиту и поддержку народа и Бога Израиля.

Знахари, врачи, повара, гадалки тоже чаще всего уходили на заработки к правителям других народов. Сейчас мы знаем их как племя Асира.

Семьи людей ветра жили среди израильского сообщества и знали они, что в отсутствие мужчин есть кому заступиться за них и в беде, и в обиде.

Никогда еврей не оставит своих сородичей в трудную минуту. На этом держался народ Израиля.

Гордостью евреев были люди огня — каста воинов. Не обойтись в этом мире без зубов и когтей.

Вооружены были евреи всегда достаточно просто. И сейчас воины Иуды используют тот же набор: посохи-дубинки, пращи, щиты в виде шестиугольной звезды, составленной из двух переплетенных треугольников, обтянутых воловьей или носорожьей кожей.

Главное не в том, что используют воины в сражениях. Важно, как владеют они своим оружием. А владеют евреи своим оружием виртуозно. Из пращи камнем птицу на лету сбивают за 30 шагов.

Но не физическая сила, не виртуозное владение оружием и не дисциплинированность были тем, что составляло главную славу еврейского войска.

Главное чудо евреев — это их Бог.

Войско еврейское в бою преображалось в многорукое, многоногое существо с единым мозгом. Каждый отдельный солдат действовал как орган этого могучего воина: не задумываясь, делал то, что нужно было всему организму в любой момент времени.

Наш великий предок Авраам с 320 воинами разбил многотысячное объединенное войско четырех месопотамских царей.

Редко кто решался вызвать на бой еврейское войско. Но и евреи редко вмешивались в чужие дела.

Та же битва с царями месопотамскими была из-за племянника Авраама Лота. Захватили цари Лота с семьей в плен. И хоть покинул Лот Бога, переселился в город, но всё равно не в правилах евреев было оставлять сородича в беде.

В мирное время работали люди огня вместе с людьми земли как строители или пасли скот. Нанимались к купцам охранять караваны. Служили наёмными солдатами у царей той земли.

Отличались от остальных евреев разве что особым владением военными искусствами,

передаваемым от отца к сыну, да ещё вот этой способностью объединяться в единое непобедимое существо, управляемое Богом. Или бывшее Богом. Это как посмотреть.

Ещё была одна особая каста: люди Бога. Эти не имели отдельных станов. Жили среди других евреев. Были это жрецы Бога, знатоки законов и обрядов, учителя, хранители знаний и, при необходимости, палачи-убийцы. Теперь мы их называем левиты.

Пополнялась каста левитов по-другому, чем остальные. Конечно же, сын левита тоже чаще всего становился левитом. Так же, как и в других кастах. Но женились левиты обычно на женщинах из других каст, а часто вообще не женились и не имели детей. Так же и дочери левитов, как правило, брали себе мужей из других каст. Высматривали левиты среди других каст самых способных мальчиков и брали себе в ученики. Эти ученики и становились новыми левитами.

Левиты не зарабатывали напрямую, но были необходимы для обеспечения физического и духовного здоровья народа Израиля. Чтобы жил среди евреев Бог. Поэтому в любом заработке остальных каст десятая часть выделялась левитам. Это доля Бога.

Мог выжить тот народ в жестоком и суровом мире только потому, что жил среди евреев Бог, и потому, что жил еврейский народ по жёстким суровым законам, данным евреям Богом через Авраама после исхода из Месопотамии.

Главное требование было у Бога к народу — жить в чистоте.

В чистоте нравственной должен жить еврей:

— Проклят злословящий отца своего или мать свою. Наказание — смерть.

— Проклят, кто ударит отца своего или мать свою. Наказание — смерть.

— Слово еврея священно. Клятва соплеменнику, клятва пришельцу, клятва врагу священны. Клятвоотступнику наказание — смерть.

— Семья священна. Не возжелай жены ближнего своего. За прелюбодеяние смерть. Если хочет муж взять себе вторую жену или наложницу, то её должна ему взять первая жена. И проверит она, что чиста эта женщина. Потому что за семью отвечает первая жена. В семье она глава. Основа основ для любого еврея — его семья.

— Не возжелай имущества ближнего своего. За воровство — смерть.

— Один закон должен быть для всех. Для богатого и для бедного. Для еврея и для пришельца. Для родовитого и для сироты. За лжесвидетельство — смерть.

— За умышленное убийство собрата — смерть.

Чистоту в еде должен соблюдать еврей:

— Нельзя есть мертвечину. Только животное, убитое евреем, можно есть. И должен осмотреть это животное перед смертью специальный человек из левитов и увидеть, что животное не больное. Чтобы не заразились люди от него.

— Нельзя есть кровь. Так надо убить животное, чтобы кровь ушла из тела.

— Нельзя есть грязных животных. Нельзя есть тех, кто питается падалью.

— Только тех можно есть, кто жуёт жвачку, и есть у него копыта, и эти копыта раздвоены. Только эти чисты для Бога, а значит, и для еврея.

— Из птиц нельзя есть трупоедов: тех, кто ест падаль.

— Из живущих в воде можно есть только тех, у кого есть хребет и чешуя.

— Из насекомых можно есть только тех, у кого колена выше головы.

— В первый и второй день можно есть убитое животное. На третий день и после нельзя.

Чистоту тела должен блюсти еврей:

— Пять раз в день должен еврей очищать тело и одежды перед молитвой. Ибо молитва

это очищение души, а перед тем, как очистить душу, надо очистить тело.

— Нельзя лечь с женой, когда у нее обычное женское. Нечиста она в это время.

— Должен каждый еврей следить за своим телом. Если что-то не так (появилась язва на коже или истечение из тела), должен пойти к левиту. Если левит найдет, что у еврея проказа или другое серьезное заболевание, должен покинуть стан больной человек и нельзя ему жить в обществе.

— Если коснулся еврей нечистого животного или мёртвого тела, должен покинуть стан, омыть тело и одежды и семь дней жить вне общества. Чтобы знать, что не заразился он от этого.

— Если убил воин врага во время схватки, должен он омыть тело и одежду и жить семь дней вне общества. Чтобы знать, что не заразился он от этого.

Поддерживать чистоту стана должны евреи, ибо Бог живёт в станах среди народа, а Бог евреев помешан на чистоте.

— Если стала гнить одежда или шатёр, надо сжечь гнилое.

— Отбросы положено выносить за пределы стана и закапывать.

— Должен носить с собой лопатку еврей и закапывать свои экскременты.

— Когда загрязнялось пространство вокруг стана, то снимались евреи и переходили на новое место.

Все эти правила обеспечивали евреям физическое и духовное здоровье. Не знал народ Авраама и Иакова тех эпидемий и страшных заболеваний, от которых вымирали другие народы в то время.

Только проказа. Эта болезнь считалась наказанием божьим за несправедную жизнь, и встречалась проказа у евреев намного реже, чем у оседлых народов, среди которых жили евреи.

Выделялись евреи среди народов как своими знаниями и умениями, так и физической силой. Другой наш прауродитель, Иаков, один откатил тяжёлый камень. Чтобы подвинуть этот камень, надо было собрать не меньше десяти местных жителей. А был Иаков не самый сильный среди евреев. Тот же Исав, брат его, был намного сильней.

Ну а десять евреев могли поднять огромный камень, как пушинку, отнести его на далекое расстояние и затащить на удивительную высоту. Каждый еврей, не задумываясь, действовал так, как нужно было в данный момент.

Потому что действовали евреи в совместном трансе. И в трансе этом уже не были отдельными людьми, а были частями одного могучего существа. Это и был Бог. Каждый чувствовал, что от него требует Бог и действовал согласно его желаниям. Удивительные вещи могли творить люди, объединённые в Боге.

Другие народы считали евреев колдунами и волшебниками. За знания и умения, а больше всего за Бога, живущего среди евреев, и за Бога в каждом еврее.

Пять раз в день все евреи, где бы они ни находились в этот момент, совершали священный обряд единения.

Очистив тело и одежды, отключившись от мира, в священном экстазе сливались евреи в могучее существо с единым мозгом и множеством органов-тел. Это и был Бог евреев.

Соединившись в Бога, строили евреи удивительные дворцы и города с укрепленными стенами и башнями, внутренними источниками воды и хранилищами зерна.

Бог евреев видел сквозь землю и скалы. Видел и знал, как построить фундамент, где сделать укрепления, как заложить взрывчатку, чтобы скала раскололась на нужные камни,

как обтесать эти камни, чтобы они легли в нужные места, как будет выглядеть всё строение и что должен делать каждый строитель в каждый момент времени.

Все строители напрямую получали приказы Бога и знали, как они должны действовать и где их место. И воевали, и строили евреи, как одно могучее существо.

Так же работали евреи и при строительстве ирригационных систем. Безошибочно вычисляли люди воды, где надо прорыть каналы и как установить плотины, чтобы вода непрерывно проходила через все заданные участки земли. Как сделать так, чтобы потери воды на испарение и впитывание в землю были минимальными.

Не столько вычисляли, сколько просто видели всё это, когда были они в Боге. Бог, общий разум, давал это знание избранным — пророкам. Или во сне, или в приступе священного безумия. И тогда избранный пророчествовал во время молитвы и сообщал обществу повеления Божьи.

Ничего нельзя было скрыть от Бога. Во время общей молитвы открыт был еврей для Бога. Всё видел Бог, все прегрешения евреев, и назначал наказания через избранных им пророков.

Чаще всего наказанием была смерть. Выводили левиты провинившегося за пределы стана, и должно было всё общество забросать виновного камнями. Это была лёгкая смерть.

Иногда пробовал бежать преступник. И тогда шёл по его следу убийца-мангуста, палач из левитов. Это была смерть плохая, долгая и мучительная.

На этом месте Халеф попросил нас прерваться. Было уже далеко за полночь. Ему с утра предстояли серьёзные испытания в школе. Ору тоже утром по хозяйству много чего надо перелопатить. Так что разошлись по койкам. Договорились встретиться завтра, ближе к вечеру.

Мне пока спать не хочется. Много крутится в голове. Вышел во двор и сел под дерево.

Вспомнились собаки, многотысячные стада животных в саванне, как эти многие тысячи животных вдруг как по команде снимаются с места и мигрируют на очень дальние расстояния. Ничего их не может остановить: ни реки, ни обрывы, ни крокодилы в реках.

Кто им даёт команду? Может и у них есть свой бог? Как у евреев? Свой коллективный разум? Кто решает, жить животному в стаде или отторгнуть его? Кто рассчитывает пути миграции? Кто знает, когда стадо может прервать свой путь? Неужели этот их стадный бог?

Как собаки узнают, что это животное уже не в стаде? Может и они живут в этом Боге? Может, не стадо имеет своего Бога, а вся саванна живёт в едином Боге? Все стада и все стаи хищников в саванне живут в этом общем Боге? Есть общий Бог. Бог саванны. Это он решает, кому жить и кому умереть. Как должны двигаться стада по саванне. Кого можно убивать собакам, а кого нет.

Думаю все-таки, каждое сообщество в саванне имеет своего отдельного Бога. Вряд ли убийцы: собаки, львы, крокодилы, гиены, — живут все вместе в одном Боге.

Хищники просто проверяют стадных животных на страх. Если животное вне стада, то оно всего боится, а в стаде чувствует защиту своего Бога и не боится.

Собаки только пробуют запугать каждого зверя. Проверяют, как меня три ночи тому назад. Если испугался, то нет ему спасения. Не отстанут, пока не завалят.

А если зверь член стада, живёт в нём Бог или, другими словами, он живёт в Боге, то хищники даже и не пробуют на него охотиться.

Есть ещё и совсем мелкие твари: термиты, муравьи. Мы тут удивляемся на пирамиды, спорим, кто их построил. А как такая мелочь воздвигает совершенно потрясающие города?

Кто проектирует эти огромные, если учесть размеры строителей, сооружения? Кто руководит этим удивительным строительством? Значит, и у термитов есть свой Бог, свой коллективный разум?

Эта мелочь точно соответствует описанию древнего еврейского сообщества, сделанного нам Ором. Есть у них свои касты: каста строителей, каста воинов, свои ремесленники, свои добытчики. Члены разных каст даже внешне отличаются друг от друга. И размерами, и разными естественными приспособлениями. А не только навыками, знаниями и умениями.

Надо будет завтра перетереть все эти вопросы с Ором и Халефом. Всё. Иду спать. Чувствую, теперь и у меня глаза слипаются. И меня достало.

Глава 06. Евреи в Египте. Золотой век Египта.

Версия Ора*

Даже в первом чуде света никакого чуда нету, кроме, может быть, секрета:

Как, какой найдя резон, все сомнения отбросив и своим же вызов бросив,

самым главным, сэр Иосиф, Вас назначил Фараон.

Редьярд Киплинг

Народ крайне своеобразного уклада, народ кочевников и обитателей пустынь, народ с горячей кровью был перенесён в среду совершенно чуждых народностей с холодной кровью, медлительных, осёдлых и был вынужден жить и трудиться тоже в исключительных внешних условиях.

Зомбарт Вернер. Евреи и хозяйственная жизнь.

С утра, как всегда, убежал к своему холму. Опять разминка, упражнения, очищение, медитации. Надо пользоваться, пока есть такая возможность.

Вернулся в таверну ближе к закату. Халеф был уже там. Немного позже к нам присоединился и Ор. Перешли в заднюю комнату, чтобы нам не мешали остальные посетители, перекусили и продолжили вчерашнюю беседу.

Я сразу домотался до Ора со своими мыслями о стадах и стаях, о Боге саванны, с хищниках, о термитах.

Заметил, что Халеф и Ор смотрят на меня как-то странно. Халеф явно не понял, о чём речь. Ор сказал, что ему надо об этом подумать.

Время у меня ограниченное: скоро к Моисею идти с отчётом и за новым заданием. Так что попросил Ора продолжить лекцию. Что он и сделал. С большим удовольствием.

Ор прерывался только для того, чтобы чокнуться с Халефом и выпить очередную чашу вина. Бежать мне от них надо, а то скоро тоже пить начну. Больно они это аппетитно делают.

По Ору получалось следующее:

В земле Ханаанской среди множества разных народов жили евреи, особый, выделенный среди остальных народ. Жили по суровым, очень жёстким законам. Не смешиваясь ни с кем и не навязывая никому свои обычаи.

Невозможно представить себе, чтобы евреи уговаривали или заставляли кого-либо принять их образ жизни. Наоборот, если пришелец какой захочет жить среди евреев, то должен он заслужить такое право и должен доказать народу свою чистоту. Очень не просто это сделать. Одно обрезание во взрослом возрасте чего стоит. И больно, и страшно: вдруг чего лишнего отхватят.

Были и такие среди евреев, кому жизнь эта становилась в тягость. Должны были они покинуть общество.

Часть людей воды задолго до Иосифа нанялась в Египет на работы по строительству каналов да так и осталась там. Мы знаем их теперь как племя Манассии.

То же и с людьми огня. Воины еврейские ценились во всём мире. Это были лучшие телохранителя и солдаты. Самое ценное их качество — верность своему слову. Если присягал еврей-воин правителю, то никогда, ни за какие деньги не предавал.

Какие-то отряды евреев-солдат (тоже задолго до Иосифа) нанялись в Египет и остались здесь жить. Теперь это племя Ефрема.

Евреев, добровольно покинувших свой народ, было немного. Ведь эти люди теряли главное в жизни. Они оставались вне Бога.

И вот однажды в Египте появился удивительный человек — Иосиф. Ему тоже пришлось покинуть еврейское сообщество. Почему и как это произошло? Много историй ходит об этом среди израильтян. Дело тёмное. Вряд ли мы когда-нибудь узнаем всю правду. Иначе Иосиф не был бы Иосифом.

Тогда же жил ещё один человек — Фараон, владыка Нижнего Египта.

В те времена Египет состоял из почти независимых частей — номов. Правили в каждой из частей свои цари — номархи. Фараон был одним из них.

Реальная власть Фараона определялась географическим положением его нома. Он управлял дельтой Нила, нижним Египтом. Здесь народы Нила соприкасались с внешним миром. Сюда приходили караваны купцов, поставлявших товары из Месопотамии и Ханаана и закупавших хлеб Египта, и отсюда врывались в Египет разбойничьи банды азиатских кочевников.

С другой стороны, африканской, Египет защищён труднопроходимыми порогами Нила, Красным морем и пустынями. Да и народы, населявшие верховья Нила, были довольно примитивными и не представляли серьёзной опасности.

Так что номархи, правившие землями выше дельты Нила и до первых порогов, были заинтересованы в достаточно крепком правителе нома нижнего Египта.

Египтяне давно уже вели исключительно осёдлый, сытый образ жизни. Они не умели и не хотели воевать. Фараон содержал войско из наёмников, обеспечивая безопасность своих владений. Защищая свой ном, ворота в большой Египет, он обеспечивал безопасность и других номов тоже. Существенную и самую боеспособную часть войска наёмников составляли евреи, племя Ефрема.

Все номархи вместе финансировали содержание этого войска. В остальном они были полноправными правителями своих владений. Каждый ном имел свой главный город, и в каждом был свой бог, покровитель нома и города.

Особых столкновений между номархами не было. Все египтяне зависели от поведения Реки: в хорошие годы все были сыты; в плохие — всем было плохо. Люди не решали ничего: всё решала Река, её ежегодные разливы.

Когда уровень воды в Ниле был низким, то и урожай пшеницы и ячменя был невысоким. Тогда жили впроголодь до следующего года.

При нормальном уровне воды хлеба хватало с избытком. Тогда не только кормились, но и продавали зерно заезжим иноземным купцам за золото и серебро. Или обменивали на товары. Начинали строить храмы и дворцы. Нанимали строителей-азиатов. Расплачивались опять же зерном.

В хорошие годы Египет мог прокормить весь обозримый мир. Вот только больше года зерно в жарком влажном климате Египта не могло храниться. Так что жизнь в Египте

зависела от каждого урожая.

Хуже всего были годы, когда уровень воды в Ниле поднимался выше обычного. Вода стояла долго, и крестьяне не успевали вовремя посеять и вырастить урожай.

Тогда был голод. Если такие разливы случались несколько лет подряд, то это уже была катастрофа.

Когда и как пересеклись пути Фараона и Иосифа, никто и никогда уже не узнает. Но только факт, что сумел Иосиф стать необходимым человеком для Фараона. И сумел убедить его начать удивительный проект.

Проект состоял из нескольких частей.

В первой части Иосиф обещал, что построят евреи для Фараона в сухих и пустынных местах зернохранилища, в которых хлеб сможет храниться не портясь долгие годы и даже десятилетия. Тогда можно будет собирать зерно в хорошие годы и использовать накопленные запасы в плохие. Сбор, покупку и продажу хлеба евреи возьмут на себя. Поддержку и охрану зернохранилищ тоже.

Во второй части проекта Иосиф обещал построить систему плотин и каналов, сбрасывающих избытки воды в озеро при высоком уровне воды в Ниле и дающих возможность вернуть эту воду в Нил при низком уровне разливов.

Всё это евреи сделают без оплаты. Должен только Фараон выделить им земли в стране Гесем в дельте Нила. И должен Фараон разрешить евреям строить зернохранилища для себя тоже. Разрешить закупать излишки зерна у людей его нома и у владык и крестьян других номов.

А ещё Фараон получал возможность использовать самое сильное войско в мире для защиты Египта от набегов азиатов.

Больше всего Фараона подкупала маниакальная верность евреев своему слову. Знали в мире: если присягнут евреи Фараону, то никогда не нарушат договора. Большой редкостью было это как в то время, так и, наверное, во все времена.

Как удалось Иосифу уговорить евреев переселиться в Египет и подписаться на эту авантюру — это отдельная и длинная история. Не зря же это был величайший авантюрист и комбинатор. Да и тогдашний Фараон тоже был ещё тот авантюрист.

В общем, так получилось, что встретились два умных и решительных человека и перевернули мир. Переделали его под себя.

Построили евреи зернохранилища и для Фараона, и для себя. Выполнил свое обещание Иосиф. Канал прорыли от Нила в озеро Ни-Маат-Ра. Плотины построили со шлюзами позволяющими сбрасывать излишки воды из Нила в озеро в годы высоких разливов и возвращать воду в Нил в годы низких разливов. Этот канал сейчас называется Бар-Юсефф, в честь Иосифа. Не подкачал Бог Израиля.

Не подкачал и Фараон: стал Иосиф вторым человеком в номе Фараона. Слово Иосифа стало всё равно, что слово Фараона.

И ещё раз поддержал Бог евреев Фараона и Иосифа. Дал семь урожайных лет подряд Египту.

Обложил Фараон народ своего нома налогом. Одну пятую часть отдавали Фараону крестьяне. Но ведь много хлеба уродилось в эти годы, и не был этот налог в тягость народу нижнего Египта.

А евреи покупали хлеб в других номах или за деньги, или за товары. Получали его как плату за строительство, или как плату людям Неффалима и Асира за их искусство. Много

зарабатывали купцы Симеона и моряки Завулونا. Не остались без дел и люди огня: племена Иуды, Ефрема и Вениамина.

Все евреи отдавали пятую часть заработанного в общую казну. Была это доля Бога.

В Египте еврейский Бог получил имя Амон. Так понятнее и удобнее было для египтян. На самом деле, у нашего Бога имени нет. Как нет голоса, внешнего вида и других видимых атрибутов. Нееврейям этого не понять.

Египтяне поступили, как всегда: приняли еврейского Бога в семью своих многочисленных богов. А левиты стали жрецами этого египетского бога — бога Амона.

Потом были голодные годы. Голодные для всего мира и голодные для всего Египта. Были семь лет высоких разливов Нила. И голод стал в Египте.

А ещё была засуха в азиатских странах. Голод стал во всём мире. Голод был везде.

Везде, кроме нома, где правил Фараон, властелин нижнего Египта. Излишки нильской воды через канал Иосифа сбрасывались в озеро Ни-Маат-Ра. И были новые богатые урожаи на землях Фараона. А в зернохранилищах Фараона и еврейских жрецов Амона лежали запасы зерна, накопленные за предыдущие годы.

Приходили люди к Иосифу. Покупали хлеб. Сначала за золото и серебро. Потом за скот, за имущество и за рабов. Потом продали свои земли. Потом продали и себя в рабы Фараону за хлеб.

Стал Фараон правителем и господином всего Египта, а люди Египта стали его рабами. Все люди в большом Египте. Все, кроме евреев. Только евреи остались свободными людьми. Никогда евреи не были рабами и никогда ими не будут. Нет у евреев господина, кроме Бога предков.

Продолжали евреи жить в шатрах и пасти скот на выделенных им землях в стране Гесем.

Часть людей огня раскинули свои шатры на востоке от Нила. Эти стали разведчиками и хранителями границ Египта. Мы их теперь называем племенем Вениамина. Мелкие банды азиатов они уничтожали сами. Если же пробовали напасть на Египет более сильные противники, то зажигались сигнальные костры на вершинах холмов.

Знали евреи, что знак это. Что надо войти в молитву и передадут через Бога собратья: что случилось. И скажет Бог предводителям: что надо делать. Спешило тогда наперерез врагу регулярное воинство еврейское — иудеи.

Быстро поняли лихие люди, что нет им поживы в богатом Египте. Только смерть лютую они могут здесь найти. Стал мир в Египте.

Другая часть людей огня, племя Ефрема, перебралась в Египет ещё до Иосифа. Задолго до Иосифа ефремляне служили наёмными солдатами, гвардией и охраной Фараона.

Ефремляне вооружены более богато, чем иудеи. Бронзовые мечи и щиты, луки, кожаные и бронзовые панцири, нарукавники, наколенники и поножи. Воины они умелые, но, помимо сражений, ещё и вид должны иметь внушительный. Всё-таки гвардия и охрана Фараона.

Иудеи обходятся без всего этого. Их принцип: главное — это боевой дух и умение. А ещё важнее то, что с ними Бог Израиля.

Наступил золотой век Египта. Был Фараон — владыка всего Египта. Управлял Египтом мудрый его визирь Иосиф израильтянин.

Мир Египту обеспечивали могучие еврейские воины, объединяемые и направляемые Богом Израиля.

Строители Рувима и Гада создавали прекрасные дворцы и строили удивительные новые

города. Принесли они с собой новые технологии. Работали как с камнем, так и с глиной. Здания и дома из глиняных кирпичей зачастую были крепче каменных, а построить их из кирпичей можно было в десятки раз быстрее и дешевле.

Корни этих знаний шли далеко в глубь веков: в Месопотамию и ещё глубже, в древний Шумер. Но главное, как и с солдатами Иуды, был с ними Бог Израиля. Делали чудеса строители, когда были они в Боге.

Поэты и музыканты Неффалима, знахари, повара и кулинары Асира создали культуру, поставившую Египет выше всех народов.

Сыновья Иссахара вырастили удивительные сады и парки. Легенды ходили об этих садах в окружающем мире.

Удивительные творения кузнецов и ювелиров Иуды; ковры, ткани, изделия из кожи мастеров Дана не имели себе равных среди других народов. Не было нигде больше подобных мастеров.

Мудрый и дальновидный шаг сделал Фараон, опередившись на народ Израиля. Но и израильтяне получили покой и благоденствие и смогли развернуться в полную мощь своих талантов.

Главным богом Египта стал Амон. Сам Фараон взял себе имя, прославляющее этого бога. И детям своим дал такие же имена. Не понимал Фараон еврейского Бога. Но был он прагматик и видел своими глазами, какие чудеса творит этот Бог через свой народ.

Поручил Фараон левитам собирать налоги в Египте. Они же отвечали за зернохранилища. Ещё левиты выполняли полицейские функции. Содержали тюрьмы и следили за порядком в Египте и окружающих его землях. Выслеживали и карали душегубов и разбойников. А если надо было наказать сильного человека из евреев или египтян, то подключались палачи-убийцы школы мангусты.

Мир и благоденствие воцарились в Египте. Но этот мир и это благоденствие породили свои проблемы среди евреев. Перестали евреи жить одним народом.

Резиденцией жрецов Амона, левитов, стал город Фивы. И это правильно. Неразумно было управлять всем Египтом из страны Гесем. Это же далеко на севере. Надо было выбирать что-то ближе к середине большого Египта.

Люди Вениамина поселились на северо-востоке, по другую сторону Нила, фактически вне Египта.

Племя Ефрема следовало за Фараоном и раскидывало свои шатры поблизости от той резиденции, где останавливался двор владыки. Так же вели себя племена Неффалима и Асира. Ведь и их основная служба была связана с двором Фараона.

Племена Иуды и Симеона кочевали между городами Телл-ель-Фарама (самый северо-восток Египта) и Пи-Гахирофом. Это были северные ворота, откуда приходили азиатские купеческие караваны и где могли появиться разбойничьи банды азиатского же происхождения.

Иосиф приказал построить в этих местах ряд крепостей, гарнизоны которых состояли из иудеев или ефремлян.

Племя Симеона старалось не удаляться от Мигдола — места, где останавливались и формировались купеческие караваны. Там же были и основные базары.

Племя Манассии держалось поближе к каналу Иосифа и к озеру Ни-Маат-Ра. Поддержание ирригационной системы и работы по переброске воды из Нила в озеро и обратно — наиболее важная (и очень ответственная) служба этого племени.

Таким образом, в земле Гесем постоянно кочевали только люди земли: племена Рувима, Гада и Иссахара. Это когда не было больших заказов. Получив заказ на строительство большого объекта, племена Рувима и Гада откочевывали ближе к городу, где надо строить.

Стал расплзаться народ Израиля. Как же удержать его вместе? Как не потерять это могучее сообщество? И по отдельности каждое племя еврейское имеет цену, но только вместе они настоящая сила.

И тогда Иосиф создал Академию. Академию Иосифа. В первую очередь он постарался сохранить среди еврейских племён институт левитов-учителей. Сделал он это так, как только он умел.

Ведь не только сохранить надо учителей, но и сделать их самыми уважаемыми людьми племени. А этого можно добиться только одним способом: сделать их богатыми людьми. И тогда Иосиф применил старый закон евреев: из доли Бога, пятой части заработка племени, десятая часть стала идти левитам, живущим в племени. Это была их доля. И это была богатая доля. .

Много обязанностей лежит на левите, живущем в племени. Жреческие обряды, лечение, обучение детей, соблюдение чистоты нравственной и чистоты физической, и много ещё чего.

Но важнейшая из обязанностей левитов — это отбор самых смышленных детей племён для пополнения учёного и студенческого братства Академии Иосифа.

Каждый родитель мечтает о том, чтобы его сына приняли в студенты Академии. Если закончит успешно её парень, то по-любому он станет уважаемым и обеспеченным человеком.

Часть студентов, самые талантливые и одержимые, остаются после обучения в Академии. Они образуют плеяду знаменитых израильских учёных и мудрецов. Науки и учёные занятия их обязанность. Не надо им думать о хлебе. Академия полностью обеспечивает учёных и их семьи. Мудрецы это гордость Израиля.

Основная масса студентов после обучения возвращается в свои племена и образует интеллектуальную элиту этих племён. Часть из них становятся новыми левитами. Но чем бы они потом не занимались, в любом случае это грамотные, знающие и уважаемые члены сообщества.

На всю жизнь сохраняют они преданность своей школе и студенческому братству. Принадлежность к этому братству выше, чем просто дружба или родство. Это родство духа. Всегда договорятся между собой два бывших студента Академии. И тут не помеха ни принадлежность к разным племенам и сословиям, ни разница в возрасте.

На всю жизнь сохраняют бывшие студенты свою веру во всемогущего и мудрого еврейского Бога.

Снова стали израильские племена единым народом. Народом, где учёность и мудрость ценятся превыше всего. Выше богатства и знатности рода. Выше силы и храбрости. Нет больше другого такого народа на земле.

Так захотел Иосиф. И стало так, как он захотел. Такой он был человек. Что захочет, то и сделает. Наш человек, отморозок.

На этой возвышенной ноте Ор остановил свой рассказ, и они с Халефом выпили за Иосифа. Потом выпили за евреев. Потом за дружбу. Потом за меня. Выпили здорово.

Потом домотались до меня, требуя, чтобы и я за всё за это выпил. Если я уважаю Иосифа, евреев и своих друзей Ора и Халефа. Я предложил разойтись по койкам, пока я их

не поубивал. Потому что к этому всё идёт. А мне их потом будет очень не хватать.

Смеялись они так, что я всерьёз пожалел о своих словах. Действительно могли помереть. От смеха.

Отсмеявшись, они признали мою правоту. Надо расходиться. Завтра у нас есть ещё один день.

И дел у нас в этот день по самое горло.

Глава 07. Конец золотого века Египта. Версия Ора*

Именно евреи стали тем фактором, который обуславливал собой экономический подъём или упадок главных пунктов. Там, где они появлялись, хозяйственная жизнь расцветала. Когда они уходили, она замирала.

Зомбарт Вернер. Евреи и хозяйственная жизнь.

Из тёмных селений оседлых людей, где грязь и серый туман, рассвет зовет за край земли: уходи, уходи, цыган.

Редьярд Киплинг.

Этот день был копией предыдущего. С утра все были заняты своими делами. Встретились за ужином сразу в задней комнате.

Ор и Халеф подозрительно уставились на меня. Я им сразу сказал, что сегодня я тихий и нежный. Сегодня у меня никаких комментариев. И вообще, была бы охота тратить на них свою мудрость и умные мысли. Всё равно они ничего не поймут.

Ор церемонно спросил у меня разрешения продолжить лекцию. Я разрешил. Он перешёл к описанию нашего времени. Начал Ор с вопроса, на который сам же дал развернутый ответ.

Вопрос: На чем держится могущество Корея, верховного жреца бога Амона?

Ответ: На несметных богатствах, накопленных поколениями жрецов со времен Иосифа. На боевых отрядах левитов, дисциплинированных и беспрекословно подчиняющихся верховному жрецу. На учёном и студенческом братстве, центр которого Академия Иосифа.

Есть ещё несравненные воины Иуды, Ефрема и Вениамина. Нет таких больше в мире. Смелые, сильные, дисциплинированные, но главное, обученные вести бой подразделениями. Десяток евреев-солдат действует, как единый могучий воин. Десяток иудеев, ефремлян или вениаминян стоит любой сотни солдат любого другого народа. А сотня — и нескольких тысяч.

И это тоже часть могущества Корея, патрона солдатских школ Иуды, Ефрема и Вениамина.

Есть ещё, точнее была, каста палачей школы мангусты. Тайнственные, непобедимые, со сверхъестественными способностями убийцы. Неотразимые и неумолимые, как сама смерть. Первым учителем этой школы был сам Левий. А первым настоящим мангустой стал Шимей, внук Левия. Он возродил древнее искусство амока и ввел обет безбрачия для мангуст. Тогда же возникло священное правило, по которому верховный жрец должен был отдать в школу одного своего сына для продолжения касты. Ведь своих детей у мангуст не бывает. Цугар, отец Корея и Захри, отдал в школу убийц своего старшего сына Захри.

Первым, кто нарушил это священное правило, стал Корей. Он отказался отдать сына. Да и Захри не очень настаивал. Три сына у Корея, и все не только в мангусты-убийцы, но и в обычные солдаты, честно говоря, не годятся. Да и в верховные жрецы тоже. Музыка и другие изящные занятия — их призвание. Корей жену взял из племени Неффалима. И в мать пошли дети Корея, не в отца.

Так что не только с убийцами-мангустами проблема, но и место верховного жреца зависло в воздухе. Кризис власти.

Так уже случалось раньше, что власть переходила из одного левитского рода в другой. Может это произойти и сейчас. Не видно никого в роду Цугара, кто бы мог стать личностью, равной Корею.

Хорошие бойцы растут среди сыновей Аарона, но сам Аарон не та личность, чтобы возглавить ту же Академию Иосифа. Быть просто хорошим бойцом — этого недостаточно, чтобы занять место Корея.

Это всё, слава Богу, не текущие проблемы. Корей и не стар ещё, и здоров. Как-то всё уляжется.

Проблема в другом. Могущество еврейских жрецов Амона в Египте держится на договоре между Фараоном и евреями.

Мудр был тот первый Фараон, установивший этот договор. Получил он могучих и, что важнее, верных соратников. Потому как превыше всего ценит еврей свое слово. Клятва другу, клятва врагу — любая клятва священна. Так постановил Бог Израиля.

Но и свое слово ценил тот Фараон. Был он мудр, и был он силен, и был он красив. После того Фараона пришли другие. Были они и мудры, и сильны, и красивы. Мудры и сильны достаточно, чтобы отвечать за свое слово и чтобы блюсти договор с евреями. И был это золотой век Египта.

Но пришёл новый Фараон, который не помнил Иосифа и забыл про договор с народом Израиля. Урод с бедрами и грудями, как у женщины. Слабый, капризный, трусливый. Сделал он себе другого бога. Главная задача этого бога — обеспечить Фараона наслаждениями и удовольствиями.

Разврат стал богом Египта. Мужчины ложатся с другими мужчинами, как с женщинами. Совокупляются и мужчины, и женщины со скотами. Отец пользуется дочерей своих, сын ложится с матерью, брат с сестрой.

Огромный чиновничий аппарат из египтян создал Фараон. Коррупция и мздоимство разъедают власть в Египте. Главные ценимые качества теперь — это пресмыкание перед вышестоящим и близость к Фараону. И, чтобы достичь этой близости, любые средства хороши.

Богатеют новые чиновники. Тащат из казны все кому не лень. Стали эти чиновники новой знатью Египта.

Новое войско создал Фараон. Дорогие бронзовые колесницы с лошадьми и с наемниками из хеттов и людей моря — это теперь главное египетское войско. Превратилась война из работы в развлечение, в торжественный парад.

Работа, конечно, осталась. По-прежнему эту работу выполняют иудеи и ефремляне. Но вот только намного сложнее стала эта работа.

Надо заставить противника выйти на открытое пространство и сдерживать его до тех пор, пока не подъедет Фараон с египетской знатью на колесницах с лучниками из людей моря. Потом скачка колесниц на большой скорости и обстрел противника из луков с безопасного расстояния. Потом отход колесниц назад.

И только после этого идут в бой евреи и крушат основные силы противника. Должны они вовремя остановиться. Добивать разгромленного противника будут опять Фараон и знать египетская копьями с колесниц.

Египетские колесницы разработаны мастерами Рувима и Иуды. Основную идею взяли у

хеттов.

Но у хеттов колесницы это тяжелые мобильные маленькие крепости, перемещающиеся по полю боя в нужные точки. Довольно медленно, но быстрота тут как раз и не важна. Вот это, действительно, грозное оружие, зачастую решающее исход большой битвы.

Но ведь не интересно и не красиво. Фараону нужно другое.

Тогда еврейскими учёными и мастерами из Академии Иосифа был разработан свой египетский вариант. Легкие и быстрые тележки на двоих, превращающие войну в красивое и безопасное занятие. Только вот толку от такого ведения боя мало.

Но ведь толку от Фараонова участия в битве никто и не ждет. Фараону главное, чтобы всё было красиво. Надо ещё будет потом заказать величественные картины, где громадный Фараон в парадных одеждах с колесницы нанизывает жалких малюсеньких кочевников азиатов на свое роскошное копьё.

Стоит такая война огромных денег, и снова жиреет чиновничество на этом.

Только не хватает денег, чтобы заплатить воинам иудеям и ефремлянам.

И нет денег, чтобы заплатить строителям Рувима за новые города и дворцы.

Нечем платить художникам и скульпторам Гада за расписанные стены дворцов, прославляющие великие победы Фараона.

Не заплачено поэтам и музыкантам Неффалима, воспевающим эти победы.

Давно не платит Фараон и его двор ювелирам и кузнецам иудеям, кожевникам и ткачам Дана.

Евреи могут подождать. У них денег много. Ведь не зря говорят, что денег у еврейских жрецов Амона больше, чем у самого Фараона.

Не любит Фараон евреев, не любят евреев чиновники фараоновы, не любят их и простые египтяне. Кто же любит своих кредиторов?

Не любят за ум, за талант, за учёность, за отвагу, за богатство, за свободу. Не любят за Бога, непонятного и могущественного. Много накопилось у народа египетского причин, за что они не любят народ Израиля. Не любят и боятся.

Боятся, что забудут евреи про свой договор с тем первым Фараоном. В том договоре поклялись они не делать вред Фараону и Египту. Не верят египтяне, что можно так ценить слово, данное предками много поколений назад.

И понимают, что будет плохо Египту, если отменят евреи свой договор с властью. Не спасут Фараона наёмники из людей моря. Не спасут и колесницы с лошадьми.

Но не только с властью и с народом египетским проблемы сейчас у евреев.

Не всё в порядке и внутри еврейского сообщества. Стала проникать в еврейский народ зараза осёдлой жизни. Много евреев ушли из шатров и поселились в городах египетских.

И втихую, и напрямик стали евреи участвовать в весёлых религиозных обрядах, делать приношение египетским богам, брать в жены египетских женщин и отдавать своих дочерей в гаремы египетских вельмож.

Но что ещё хуже, стали гнушаться евреи старых обычаев. Стали презирать свой народ. Стали высмеивать шатры свои, одежды свои, славу свою. Нет хуже угнетателя и гонителя народа, чем человек, потерявший свой народ.

Так ведь и сам Иосиф на старости лет полностью отошёл от Бога еврейского и стал жить по обычаям египетским.

Стал растворяться Израиль в Египте. Всё быстрее и быстрее идёт этот страшный процесс.

Вот и решили еврейские мудрецы, что нарушил Фараон договор с евреями. Хочет сделать израильтян рабами, как и остальных египтян. Не по правилам это. Не имеет он права разрушать уклад жизни, завещанный евреям их предками.

И пора теперь евреям уйти и построить свое государство на священных землях предков. Есть у нас для этого и мудрость, и богатство, и сила. Главное — возродить нашего Бога и возобновить завет Израиля с Богом предков.

С Богом не страшны будут евреям ни враги, ни преграды. С Богом нам всё по плечу.

Напоминаю, что беседа эта шла под хорошее вино в количестве немереном и под очень хорошую закуску, с криками, ударами кулаком по столу, с пафосом и вращением глаз. И можно представить, какое удовольствие получал от всёго этого единственный непьющий участник беседы — то есть я.

Ор и Халеф были не слабаки насчёт выпить, но на третий день, кажется, и их достало. Беседа зашла в совсем интересное русло. Халеф загрустил и задал странный вопрос:

— Вот Вы, дядя Ор, говорите, что в Египте всё мало-мальски стоящее создали евреи. Почти согласен. Ну а пирамиды? Пирамиды что, тоже евреи построили?

— Ясное дело, евреи. А кто по-твоему?

— Не знаю кто, но ведь пирамиды появились задолго до Иосифа и, наверное, задолго до Авраама. Тогда евреев ещё ни в Ханаане, ни в Египте не было.

— Не говори ерунду. Жили евреи в Египте, когда строились пирамиды.

— Доказать можете?

— А чего тут доказывать? Ты пирамиды видел? Знаю, видел. Их построили? Построили. Значит, были тогда евреи. Пирамиды и есть доказательство. Что тут непонятного? Пирамиды это факт, между прочим. А против фактов не попрешь.

Халеф задумался, помолчал и продолжил:

— Всё, дядя Ор, допиваем этот бурдюк и спать. А то я уже не успеваю за Вашими мыслями. Но звучит очень логично.

Они ещё выпили и пошли спать. Мне опять завидно стало. Может, действительно начать пить. Много я, оказывается, в этой жизни не добираю. Ну да ладно, амок важнее. И слаще. Так что потерплю.

Завтра последний спокойный день. Послезавтра с утра двину в резиденцию Корея на встречу с Моисеем.

С отчётом. О проделанной работе.

Хочешь рассмешить Бога — расскажи ему о своих планах.

Чья-та, наверное еврейская, пословица.

Правильно поставить задачу — на 90 % её решить.

Пословица еврейская, без сомнений.

*Чем хаос лучше порядка? Тем, что он сам себя поддерживает.
В отличие от порядка, для поддержания которого надо
затрачивать дополнительные существенные усилия.*

*Пословица, будем считать её греческой, поскольку в ней
есть греческое слово.*

*Вокруг меня смыкается кольцо,
меня хватают, вовлекают в пляску.
Так-так, моё обычное лицо
все остальные приняли за маску.*

Владимир Высоцкий.

Следующий день начался как обычно. Встал до восхода солнца, пробежался к каналу и дальше вверх по холму. Медитации, упражнения, обычные купания и игры со змеями, мухами — со всем, что подвернётся под руку. Случаются такие хорошие дни: всё что ни делаешь, всё удаётся, и всё в удовольствие. Это был как раз такой день.

Вернулся я в таверну поздно, почти к самому закату — к людям совсем не хотелось. В таверне ко мне кинулся подавальщик и сообщил, что меня давно ждут в комнате для особых гостей.

В гостевой комнате за столом, заставленном разными блюдами и напитками, на подушках и курпачах сидели Ор, Моисей и незнакомый мне высокий худой левит. Не старый, не молодой. Из тех худых людей, чей возраст трудно определить. Белый обычный халат левита. Необычно чистый. Да и не только халат. Весь левит какой-то очень чистый. Есть такие люди, на них пыль и грязь не садится. На поясе короткий меч. Очень дорогой. Халат тоже не из дешёвых.

А ещё, тут уж моё профессиональное чутье заработало, сила в нём чувствовалась немереная. И что делать с мечом, очень даже знает. Крутой мужик. Драться с ним я бы никому не посоветовал, кроме как себе самому: мне с любым драться можно. От ощущения опасности даже мурашки по позвоночнику пробежали. Ух, как бы я его порвал! Люблю трудную кровь.

Я поздоровался и назвался. Ор представил мне левита. Оказалось, что это и есть Аарон, сын Амрама, двоюродный брат Корея и, по Ору получается, родной старший брат Мусы, тьфу, Моисея. А ведь так, по виду, никогда не догадаешься. Загадка природы да и только.

Ладно, Ору виднее. Мне-то что? Брат, так брат.

Аарон смотрел на меня спокойно и в общем-то безразлично. О страхе, как и в случае с Ором, тут и речи не идёт. Насчёт интереса или ещё каких-то других эмоций тоже. Не тот случай. А по мне, так годится. Так мне нравится.

Аарон встал и предложил мне сесть с ним рядом. Потом сел сам, взял лепёшку, разломил на четыре части и раздал всем по куску.

Так мне уже сильно нравится. И ведь понятно, что это не по моему поводу. Что он так всегда себя ведёт. Просто очень знатного рода еврей. Вежливость и хорошие манеры у него в крови.

Всё равно приятно. Пусть это и не лично для меня. И хороший пример для такого сопляка, как я. Надо взять на вооружение. Стоит недорого, а эффект сильный.

Мы съели хлеб. Ор и Моисей запивали вином. Аарон — молоком, я — водой. Вообще-то я тоже хотел бы молоком. Я молоко люблю. Но какой-то чёрт во мне сидит. Не хочу, чтобы подумали, что я под Аарона подстраиваюсь.

Хотя, конечно, глупость. Да ладно, у меня ещё всё вперёди. Все говорят, молодость проходит. Может, и я вырасту — поумнею. Второе, я чувствую, вряд ли...

Дальше началось то, что мне всегда очень по душе. Конкретная проработка плана действий. Ничего заумного: есть чёткое задание, надо разработать программу действий и наметить, как практически её реализовать. Всякие технические детали. В реальности всё, конечно, будет не совсем так. Но предварительный план иметь всегда полезно.

Наша задача состоит в следующем: надо представить еврейским племенам Моисея как богоизбранного, то есть как человека, через которого с евреями говорит Бог. Еврейские племена должны признать Моисея таковым и принести ему присягу как пророку и вождю.

По легенде, разработанной Кореем и его ребятами, Бог явился Моисею в горящем и негорающем кусте и передал приказ евреям уйти из Египта в священную землю, которую он завещал великим предкам евреев: Аврааму, Исааку и Иакову. Сейчас настало время свершиться обещанному.

Между прочим, красиво придумали. Обычно Бог является пророкам либо в вещем сне, либо в приступе священного безумия.

Но ведь случай очень уж неординарный. Под стать проекту и легенда. Если это сам Корей придумал, то, глядишь, я скоро уважать его начну. Но не думаю, что он. Думаю это кто-то другой из его команды.

В каждом еврейском племени есть посвященные люди из товарищей или учеников Корея. Все они выпускники Академии Иосифа. Только эти посвящённые будут знать настоящих инициаторов исхода. Имя Корея упоминать строжайше запрещено. Даже левиты, живущие в племенах, не должны знать, кто истинные руководители проекта.

Дом Фараона должен узнать об участии Корея, жрецов Амона и Академии Иосифа и исходе еврейских племён в самый последний момент, когда основная масса евреев уже перейдёт границы Египта.

А пока всё будет преподноситься как инициатива Моисея и Аарона. Точнее, как приказ Бога, переданный через Моисея евреям Египта.

Представлять Моисея как пророка и говорить от его имени будет Аарон. Сам Моисей разговаривать не мастак, и с нашим языком проблемы есть.

Кореевской командой подготовлены легенды, подтверждающие левитское происхождение Моисея и его связи с правящим домом Египта.

Люди Корея уже получили инструкции, как им надлежит действовать. По идее всё должно пройти гладко.

Точнее, в тех племенах, где люди Корея формируют общественное мнение, всё должно пройти гладко. К сожалению, это не везде так.

Никаких проблем не должно быть со строителями Рувима и скульпторами Гада. Почти все мужчины из этих племён прошли обучение в Академии Иосифа. Многие учёные Академии родом из них.

Ну, а Академия полностью поддерживает Корея и его проект. На студенческое братство положиться можно. Не подведут.

Есть и экономические причины. Двор Фараона задолжал крупную сумму этим племенам. Отдавать не собирается. А новые работы заказывает. И снова в долг.

Ещё есть и просто обидные вещи. Например, строителям Рувима при изготовлении кирпичей нужно добавлять в глину солому. Сбор соломы — работа, не требующая квалификации. Всегда её строителям поставляли заказчики-египтяне. Для сбора соломы использовались самые дешёвые тупые рабы из диких племён или же выставлялся дополнительный налог египетским крестьянам, недалеко ушедшим от этих рабов как по статусу, так и по развитию.

Новые египетские чиновники отменили поставки соломы и переложили сбор её на рувимлян. Для строителей Рувима такая работа — занятие постыдное, а делать приходится. Без соломы кирпичи не сделаешь и заказы не выполнишь. Хотя чего их выполнять, если всё равно не платят?

Казалось бы, ерунда — какая-то там солома. А евреи Рувима и Гада буквально завелись от этой ерунды и никак не могут успокоиться. И не солома важна, а то, что это буквальный плевок в мастеров-строителей. Чиновники Фараона опустили виртуозов-мастеров на уровень дешёвых рабов и примитивных египетских крестьян.

Так что пора уходить евреям-строителям из Египта. Таким мастерам в любом месте найдется работа.

Не должно быть проблем с племенами Неффалима и Асира. Эти тоже готовы. И у них есть экономические претензии. И им двор Фараона задолжал крупные суммы.

Но ещё важнее то, что евреи из этих племен в наибольшей степени подвергаются разложению городской жизнью. Многие из них ушли жить из кочевьев в столичные города. Те же, кто продолжают жить в шатрах и сохраняют старые обычаи, традиции и еврейскую культуру, тревожатся за своих детей.

У египетских придворных и чиновников считается почётным и модным иметь жён, любовниц, да и любовников из этих племён.

Ценится не только красота этого народа. Ведь это ещё и артисты, певцы, поэты и удивительные рассказчики Неффалима. И это знахари, лекари, гадалки, колдуны и ведуны Асира.

Так вот и получается, что именно им надо в первую очередь уходить от соблазнов Египта. Чтобы не потерять своих детей. Забыть про тех, кого уже потеряли, и уходить. Хоть на край света.

И ещё. Почти все мужчины Неффалима и Асира обучались в Академии Иосифа. Из их среды вышли многие известные учёные и учителя Академии.

Практически все знатные люди этих племён являются неотъемлемой частью студенческого братства Академии. Так что зов Корея будет для них считай что приказом.

Что решат иудеи и ефремляне, не вызывает сомнений ни у кого. И им Египет задолжал много. Но не это главное. Главное — это военная реформа, проведённая Фараоном.

Теперь элитные войска Египта — это войска наёмников из народов моря и хетты, обслуживающие боевые колесницы с лучниками и копейщиками. Этим воякам денег на оплату у Фараона всегда хватает.

Иудеи и ефремляне стали считаться войсками вспомогательными — практически обслугой. Для гордых детей огня это нестерпимо.

Иудейские гарнизоны в городах и крепостях скорее всего никуда не пойдут. Это уже практически осёдлый народ — их уже можно не считать евреями.

Но основная часть иудеев и *ефремлян*, та, что продолжает жить в шатрах, уйдёт рано или поздно. И это не зависит от того, что решат остальные племена.

Дело не в обиде. Дело в гордости и самоуважении. У евреев не принято обижаться. Евреи предпочитают, чтобы обижались на них. Обида — удел слабых. На чужих не обижаются: много чести; на своих тем более глупо обижаться: какие же тогда они свои? Их просто переводят в ранг чужих. И снова не обижаются.

Евреев Иуды и Ефрема сейчас сдерживает только врождённая и воспитанная дисциплинированность да присяга, данная Корею. Присяга для солдата — это святое. Но даже у солдат терпение не безгранично, и когда-то оно лопнет... Тогда будет плохо в Египте. Военный народ, если уж начнёт — его не остановишь.

Фараон даже и не догадывается, какую важную услугу мы ему на прощание оказываем. Тот ещё придурок.

С другими племенами дело похуже.

Племена Манассии и Завулونا. Эти могут не пойти. Платят им регулярно. Даже тупые чиновники Фараона понимают, что без специалистов Манассии, обслуживающих ирригационную систему переброски воды через канал Иосифа между Нилом и озером Ни-Маат-Ра, всему Египту очень скоро придёт конец.

Тоже и моряки Завулونا. Не обойтись без рейдов большегрузных кораблей по Нилу. И нет у моряков Завулونا конкурентов в этом очень непростом деле.

Есть у моряков ещё и дополнительные (и немалые) возможности заработать. Когда нет заказов от Фараона и его чиновников на перевозку больших и тяжёлых грузов, делают они дополнительные рейсы для перевозки товаров от первых порогов Нила в низовье и обратно, обслуживая купцов Симеона, мадианитян, измаилтян и других азиатов. Да и сами приторговывают. Работы хватает, и заработки очень приличные.

Так что есть у этих племён надёжное дело в Египте, где они вне конкуренции, и непонятно, чем им заниматься в земле предков. Искать воду в пустыне и строить колодцы? Или устанавливать переправы на мелких речушках Ханаана и плавать вдоль морского берега?

Утратили уже давно эти люди свои племенные наследственные способности. То, что их работа сейчас намного сложнее, совсем не означает, что они смогут выполнять то, что с таким успехом делали их предки.

Людям Манассии будет совсем не просто находить воду в пустыне, как это делали мужчины этого племени много поколений назад.

И моряки Завулونا вряд ли смогут выйти в открытое море, где их предки могли говорить с водой, чувствовали дно, погоду, ветер и ориентировались в пространстве даже не глазами и головой, а сердцем и всем телом.

Одна надежда, что опять сыграет свою роль студенческое братство и стремление оставаться евреями. Потому что, если они ещё держатся, то их дети уже не будут евреями. А внуки забудут само это слово.

Ещё хуже обстоит дело с евреями Иссахара, Симеона и Дана. Им Фараонов двор тоже задолжал прилично. Но это не основной доход этих племён. Они относятся к таким потерям как к ещё одному налогу.

Чиновники Фараона у них не единственные заказчики — всем нужны овощи, фрукты и приправы от Иссахара, ковры и ткани Дана. Всем нужны товары из дальних стран, поставляемые купцами Симеона.

Живут эти племена в шатрах, обособленно от городов. Могут соблюдать свой уклад жизни и следовать древним еврейским традициям. Ассимиляция их затронула в наименьшей степени. Трудно будет подвинуть их на исход.

Что загадывать? Как будет, так и будет. И у этих племён впереди плохие времена. Не могут согласиться египтяне со свободой этих людей. Есть отчетливая идея превратить и их в рабов. Чтобы были как весь остальной египетский народ.

Сейчас в составе общей коалиции вместе с остальными племенами можно отбиваться. Но, когда уйдёт большинство, не устоять оставшимся.

Только трудно объяснить это народу: редко кто решается посмотреть в будущее. Мало ли чего там увидишь.

И уж совсем гиблое дело — Вениаминово племя. Давно уже отделилось оно от еврейского сообщества. Почти нет вениаминян среди студентов Академии.

Со времен Иосифа живут солдаты Вениамина за пределами Египта, и когда-то, основной их работой была охрана северно-восточных границ Египта от банд азиатов кочевников. Тогда, то есть давно, им за это платили, и платили хорошо.

Сейчас же живут вениамияне или грабежами купеческих караванов или снимают плату с этих караванов за безопасный проезд в Египет и из него, что тот же грабеж, только завуалированный.

Правда, они ещё и сопровождают караваны. Нанимаются в проводники и охранники. Но основное занятие — это всё-таки грабежи.

Караваны симеонян они не трогают. Однако в последнее время участились набеги на симеонян разбойничьих банд Амалика. Выглядит это так, что кто-то снабжает амаликян информацией о путях следования еврейских караванов, о том, какие товары они везут и какая у них охрана.

Есть подозрение, что этот кто-то из Вениаминового племени. Поймать за руку предателей трудно, а не пойманный не вор. Но доверия к вениамиянам у других племён уже давно нет.

Так что скорее всего это оторванный кусок. Впрочем, встретиться и поговорить с ними всё равно надо будет.

Ещё Моисей сообщил, что принято решение заключить военный и политический союз с одним из племён Амалика. Как я понял, сам Моисей и является инициатором этой идеи.

Коалиция амаликянских племён одна из сильнейших в Ханаане. Моисей лично хорошо знает одного из самых активных и авторитетных вождей амаликян и берётся обеспечить встречу с этим вождем и заключение договора.

До Исхода надо будет держать информацию об этом союзе в глубокой тайне. У тех же симеонян такой договор может вызвать резкую негативную реакцию. Амаликяне их

заключенные враги. Но для успешного размещения еврейских племён в Ханаане такой союз может играть неоценимую роль.

Сейчас лучше с этим договором не светиться. А после Исхода тем же симеоныям выступить против будет поздно.

Корей и его команда предполагают мирное вселение еврейских племён в Ханаан. Предполагается жить в земле обетованной так, как жили наши предки: Авраам, Исаак и Иаков. Жить в мире с соседними народами. Воевать только в случае крайней необходимости.

Если удастся войти в Ханаан союзниками амаликян, то тогда и драться не придется: воевать против союза Израиля и Амалика вряд ли кто посмеет.

Раскладку по племенам обсуждали в основном Ор и Аарон. Иногда что-то спрашивал и уточнял Моисей. Я же внимательно и молча слушал.

Непонятно, зачем меня включили в это обсуждение. Ничего существенного или умного по этим темам я сказать не могу, да ни на что такое и не претендую. А меня посвящают в вещи очень и очень серьёзные и секретные.

Я видел, что Аарону это тоже непонятно и некомфортно. Некомфортность эта особенно заметна была, когда переходили от общих вопросов к деталям.

Мне, по моему статусу, положено получать конкретные задания и приказы и выполнять их, не задавая лишних вопросов. Как в случае с купцом из Мадиама, например. Я ни на что другое и не рассчитывал.

Тут идет какая-то хитрая политическая игра, и я почему-то в неё замешан. Так это дело оставлять нельзя. Обязательно надо будет в этой игре разобраться. Но для этого сначала надо подкопить информацию. Чем я и занимаюсь.

Окончательно наш план действий выглядит так:

— Аарон и Моисей должны обойти еврейские племена, и Аарон должен представить Моисея старейшинам племён как пророка, устами которого с евреями говорит Бог.

— Аарон должен сообщить людям Израиля, что Бог через Моисея приказывает евреям покинуть Египет и переселиться в землю предков.

— Аарон должен уговорить старейшин каждого племени принести присягу Моисею как пророку и как вождю на время исхода.

— Помогут в этом Аарону и Моисею люди племён, преданные Корейю.

Я буду сопровождать Аарона и Моисея в этих походах и обеспечивать их безопасность.

Ор берется оповестить посвященных людей племён и обеспечить нашей команде приём советом старейшин каждого племени. На нём, как я понял, лежит вся невидимая и секретная часть работы по обеспечению проекта. А ещё я понял, что работают под его началом очень неслабые ребята.

Моисею надо будет проследить за перемещениями вождя амаликян и, как только его отряд появится поблизости от границ Египта, обеспечить с ним встречу.

Определили желаемый порядок обхода племён. Тут тоже есть свои нюансы.

Начнём обход с племён Рувима и Гада. Их станы сейчас разбиты в земле Гесем в дельте Нила. Они уже прислали к Ору гонцов с приглашениями Аарону и Моисею на советы старейшин. Их решение, как мы уже говорили, почти не вызывает сомнений.

Недалеко от них расположены кочевья племён Иссахара и Дана. К ним завтра-послезавтра от Ора уйдут гонцы с предложением собрать совет старейшин и выслушать Аарона и Моисея. С этими пока не всё ясно. Они могут тянуть с советом старейшин. Захотят

посмотреть, как пойдут у нас дела в других племенах.

Если с ними будет какая-то задержка, то наша группа сразу двинется в сторону Авареса — древней столицы Египта. Туда сейчас переехал двор Фараона, и там раскинули свои шатры племена Ефрема, Неффалима и Асира.

Они нас будут ждать и соберут советы по первому требованию. С ними всё обговорено. Проблем, как было уже сказано, не должно быть.

Оттуда двинем в сторону Мигдола и Пи-Гахирофа. Там нас будут ждать в племенах Иуды и Симеона. Обещали собрать старейшин в тот же день, когда мы к ним прибудем. Это уже обговорено. С иудеями вообще всё ясно. У Симеона же нас могут ждать сюрпризы.

Закончим с этими племенами, и, если до этого не разберёмся с Иссахаром или Даном, то вернёмся в Гесем к ним. И уже не уйдём до тех пор, пока нас не примут советы старейшин. Мы должны получить от них чёткий ответ: да или нет?

Следующий наш поход — к каналу Иосифа. Там кочуют племена Манассии и Завулونا. С ними уже есть договорённость на встречу. Примут они нас хорошо. А вот результаты переговоров пока непредсказуемы. Скорее нет, чем да.

Последний наш путь — на северо-восток за пределы Египта к кочевьям Вениамина. Результат не только очень проблематичный, но и почти наверняка отрицательный.

Да и сам поход может быть просто опасен. Разные слухи доходят до Ора. Есть случаи странных смертей среди людей племени, близких к Корею. А их и так в этом племени очень немного.

Ну да ладно, чего заранее волноваться? Мне же тоже нужна какая-то работа. А то одни путешествия и хитрожопые переговоры. Заскучаю.

Остаётся ещё одна встреча — с вождём амаликян. Но когда, от нас это не зависит. Как появится, прервем регулярную программу.

Корей придаёт этому договору большое значение. Правда, это со слов Моисея. Моисей обещает, что никаких сюрпризов не будет. Вроде бы уже всё обговорено. Поездка должна быть чисто формальная.

Ору, Аарону и Моисею всё понятно. Чего про себя сказать не могу. Туча вопросов. Еле дождался, когда Аарон и Моисей уйдут спать и можно будет домотаться до Ора. Мне показалось, что он тоже совсем не против пообщаться со мной.

И всё-таки, кто же меня во всё это впрягает? Кто и зачем?

Глава 09. Корей и Аарон. Скелеты в шкафу

*Я чертей из тихого омута
знаю лично — страшны их лица;
в самой светлой душе есть комната,
где крошечная тьма клубится.*

Игорь Губерман

Не садись играть с Богом в кости. Не потому что Бог хорошо играет, а потому что он всегда выигрывает.

Древняя, скорее всего еврейская, мудрость

Аарон и Моисей ушли к себе. Наконец мы с Ором остались одни. И тут Ор с нескрываемым удовольствием всё мне разложил по полочкам и дал ясную и чёткую картину этой очень непростой ситуации.

Опять он меня удивил. Фантастический объём знаний. Умение мыслить чётко и глубоко. Умение проникнуть в самую суть проблемы. Разложить и проанализировать самые запутанные процессы. Потом их снова собрать и сделать обобщающие глобальные выводы. А ведь на первый взгляд простой иудейский солдат.

Не знаю, как там Корей, но, по мне, именно Ор и есть настоящий мыслитель и учёный. Корею до него, как мне... до Корея.

А ничего получилось? Случайно, конечно, но мое настроение передаёт точно. Хотя... Что это я самоуничижением занялся? Меня головой Бог тоже не обидел. Так что исключим меня из этой логической конструкции. Остановимся на таком варианте: Корею до Ора далеко. ***И жаль, что это только моё мнение.***

По Ору, главная идея проекта состоит в том, что как младший брат Аарона и Мириам, Моисей является представителем самого старшего левитского рода. Это даёт ему право претендовать на роль пророка и вождя Израиля.

Тут как раз не всё гладко, а точнее, просто всё шито белыми нитками. Вообще-то самый старший левитский род — род Лаела. Этот род ведёт свою родословную от Гирсана, старшего сына Левия.

Гирсан был могучий воин. Его не интересовали ни науки, ни чиновничьи обязанности, ни жреческие занятия. Он с легкостью, мирно и добровольно, отказался от сана первосвященника в пользу своего младшего брата Каафа.

Одним из сыновей Гирсана был легендарный Шимей, основатель школы мангусты. Другие потомки Гирсана традиционно выполняли различные полицейские функции как среди евреев, так и по всему Египту.

Случилось это в какие-то уж совсем незапамятные времена. Сейчас сохранился только один прямой потомок Гирсана. Это и есть Лаел.

Претендовать на роль первосвященника или пророка Лаелу и в голову не придёт. Его вполне устраивают традиционные занятия его семьи. Телохранители и охранники они непревзойдённые. Командир охраны Корея, тот что так мне понравился, из этого рода. Да и вся кореевская охрана тоже.

Гирсан и Кааф не единственный случай в истории, когда власть у левитов переходила от старшего к младшему. Ближайшая к нам история — это история потомков Каафа, Амрама и Цугара.

Старшим был Амрам. И был он, как и Гирсан, очень хорошим воином. Но для сана первосвященника, руководителя Академии, патрона племён Израиля и т. д. и т. п. этого недостаточно. Да и не очень важно. Может быть, даже где-то вредно.

Первосвященнику нужнее качества дипломата, организатора, учёного. Дерутся другие. По его приказу.

Нужными качествами обладал младший брат Амрама Цугар. Считается, что характером он уступал своему старшему брату. Но это под большим вопросом. Просто Цугар не был бойцом. Но он был талантливым учёным и ловким дипломатом. А администратор Цугар был от Бога. Жёсткий, целеустремленный.

И, самое главное, у Цугара было пятеро сыновей, а у Амрама один, Аарон. Амраму даже в школу мангусты некого было отдать.

Аарон, сын Амрама, как и его отец, уже в юном возрасте славился как хороший воин. Характер у него спокойный и мягкий. Все его очень уважают, но он не лидер. Из него, наверное, хороший мангуста получился бы. Когда Ор описывает Аарона, я так и вижу Захри. Получить задание и исполнить его, причём с блеском, — тут Аарон на своем месте, генерировать и раздавать задания — это не его.

Цугару же с сыновьями повезло. Старший сын Захри — мангуста от Бога. А главное, очень рано взошла звезда другого сына — юного гения Корея.

Этому дано многое. Блестящий учёный. Химик, механик. Его ещё полудетские работы по исследованию взрывчатых веществ вызвали бурю восторга среди учёных мужей Академии. Тогда же он представил на суд Академии первого огненного шмеля — двухкамерную ракету, начиненную взрывчаткой.

Огненный шмель — это длинный керамический цилиндр, состоящий из двух камер, соединённых узким отверстием. В каждую камеру засыпается взрывчатая смесь. Смесь в верхней камере при поджигании даёт взрыв большой силы. Смесь в нижней камере выгорает медленно, без взрыва, заставляя ракету лететь.

Огненный шмель снабжён стабилизаторами, обеспечивающими полёт в нужном направлении. Запускается ракета из тележки с двумя направляющими тягами. Наклон тяг регулируется, позволяя менять дальность полёта шмеля. Шмель кладут на тяги и поджигают смесь в нижней камере.

Ракета взлетает, и, когда огонь доходит до отверстия, соединяющего нижнюю и верхнюю камеры, верхняя камера взрывается и осколки ракеты убивают или калечат всё живое в радиусе в десятки локтей.

Ор видел, как работал первый вариант шмеля. Были разные проблемы. Трудно обеспечивалась нужная дальность полёта. Иногда смесь в нижней камере выгорала, а шмель не взлетал, и тогда взрыв получался на близком расстоянии от исследователей. Было несколько несчастных случаев. Но всё равно, зрелище впечатляет. И это только один пример учёной деятельности Корея.

Под его руководством и при его самом активном участии была разработана конструкция египетских боевых колесниц. Он же организовал промышленное производство этих дорогих и бесполезных игрушек. Заказчик Фараон был в восторге.

Умение понять задачу, сформулировать основные технические идеи, организовать

разработку и довести проект до практического внедрения позволило Корею уже в очень молодом возрасте занять ведущие позиции среди учёного мира Академии. А ещё он великолепный оратор и философ.

Но главное, Корей — прирожденный лидер. Он не только сам генерирует удивительные идеи, но и может собрать вокруг себя группы единомышленников, каждый из которых сам по себе талант и звезда.

Так что, во многом благодаря сыновьям, сан первосвященника и к нему все остальные регалии получил младший брат Цугар.

Передача сана прошла совсем не так мирно, как в случае с Гирсаном и Каафом. Амрам согласился уступить только под совместным давлением старейшин всех еврейских племён, и решающим фактором было как раз то, что у него всего один сын.

Естественно, что после Цугара все регалии перешли к Корею. И по праву наследства, и по фактическому превосходству Корея над всеми возможными претендентами.

Амрам так до конца и не смирился окончательно с потерей старшинства своего рода. Корей тоже явно ощущал некоторую неловкость перед Аароном и не переставал прилюдно подчёркивать свое отношение к нему как к старшему брату.

Вот так и получается, что род Аарона (а значит и Моисея) не является старейшим левитским родом, а может с большой натяжкой претендовать лишь на некое старшинство по сравнению с родом Корея.

Но всё равно это означает, что, опять же с натяжкой, чисто формально, Моисей может занять позицию конкурента Корею и претендовать на получение присяги евреев как пророку и вождю еврейских племён.

Аарон не может: он присягал Корею. А Моисей может: он непонятно откуда взялся и никому никогда не присягал. О реальной конкуренции между Кореем и Моисеем, конечно, не может быть и речи.

Есть ещё один важный юридический момент. Корей, как первосвященник, присягал Фараону, а Моисей опять же нет. То есть формальная смена вождя позволяет евреям обойти проблему клятвы дому Фараона и даёт им право уйти из Египта.

Вторую проблему, проблему древней клятвы еврейских племён Фараону и народу Египта времён Иосифа, решает легенда о Моисее как о приёмном сыне египетской принцессы.

То есть, опять же формально, Моисей может представлять правящий дом Египта, и присяга ему, тоже с большой натяжкой, может рассматриваться как замена той старинной присяги Иосифа и древних еврейских племён тому древнему Фараону.

Есть ещё одно важное обстоятельство. Моисей не претендует на сан первосвященника. Он претендует на роль пророка, через которого Бог говорит с народом. Разница в том, что первосвященник — это постоянная должность, а пророк — вождь на время одной операции. В данном случае на время исхода евреев из Египта в священную землю.

Привычная евреям конструкция. Всегда, когда начинался какой-нибудь большой проект: строительство города, храма или ещё чего-нибудь по-настоящему большого, Бог, объединённый разум евреев, выделял пророка — руководителя, через которого евреи получали от Бога инструкции и приказы. Чаще всего это были команды общего характера, для всего сообщества, но иногда могли быть и указания персональные.

Обычно же каждый получал персональные указания и инструкции напрямую от Бога, без посредников. Иначе ничего по-настоящему большого не построишь, если каждый будет

бегать по каждой мелочи за указаниями к пророкам и начальникам.

Пророк никогда не бывает яркой личностью. Обычно это серая, ничем не выдающаяся персона. Тот же Корей вряд ли подойдёт. Слишком яркая звезда. Слишком много своих мыслей. На роль посланника божьего, простого передатчика приказов и инструкций Бога еврейскому сообществу явно не годится. Такой вообще может захотеть конкурировать с Богом.

А вот Моисей — фигура для роли богоизбранного почти идеальная. Такой весь из себя кристально серый.

Тут есть одна, но большая проблема. Серая личность получает огромную власть. Практически неограниченную. На короткий срок, на время одного проекта. Соблазн продлить эту неограниченную власть на неограниченное время может преодолеть только очень умный, неординарный человек.

А как же тогда быть с тезисом о серой личности? Как это может сочетаться? По Ору, сочетаться может. Талантов у человека особых нет, а ум есть, что, конечно, тоже особый талант. Талант знать свое место и талант не лезть против Бога.

Такое возможно, но очень уж редкий случай. Ведь есть ещё один соблазн: меня выбрал Бог. Значит, я не такой уж и серый. Я не вижу у себя талантов, и другие не видят. Но Бог ведь почему-то выбрал меня, а не другого. Наверное, Богу виднее, есть у человека талант или нет.

Шаг следующий — и я уже не вождь и пророк, а воплощение Бога на земле. Шаг третий — Я есть Бог.

Проблема это большая. Для её решения у евреев есть их Бог — коллективный разум и... убийцы мангусты.

Бог ревнив, и Бог один. Богу компания не нужна. Бог следит, чтобы вождь не стал отождествлять себя с ним. Сам Бог не может ничего с этим поделать. Бог ведь не физическая сущность. Но он даёт команду, и на арену выходит мангуста — проклятие вождей.

И нет для вождя спасения. Да обычно вождь и не ищет его. Ведь это уже больной человек. Больной властью. Без власти ему всё равно жизни нет.

У вождя есть выбор: уйти по окончании проекта, для которого он был предназначен, и жить тихо, практически отдельно от сообщества, или умереть.

Для «умереть» у него опять две возможности: не сопротивляться и умереть легко или сопротивляться и умирать долго, в мучениях.

Ещё никто и никогда не выбирал мучения. Повторюсь: пророки и вожди всегда серые личности. По определению. Только таких Бог избирает. Эти до конца никогда не пойдут.

Так что, если такой человек как Моисей начнет говорить от имени Бога, это евреев не удивит. Так и должно быть. Не удивит и приказ Бога «уйти из Египта».

Проблема в том, **захотят** ли евреи поверить в право Моисея говорить от имени Бога и **поверят** ли они в реальность этого фантастического проекта.

Если бы это был не Моисей, а Корей, то, наверное, поверили бы. Но про Корея даже намекать нельзя.

А с другой стороны, есть среди влиятельных людей племён и посвящённые. Эти-то знают про Корея. Знают, что Моисей человек Корея. Эти уже в деле. И это совсем не мало.

Есть ещё евреи, которые **захотят поверить**. Это те, кто уже **хотят уйти из Египта**. Им уже невоготу жить под Фараоном. Они никогда не согласятся стать рабами у Фараона. Вопрос «быть евреем или не быть» для них означает «жить или не жить». К сожалению, это только часть народа. Не все.

Всё так страшно запутано. Выход один — начать действовать. По ходу разберёмся, что к чему.

На этой оптимистической ноте мы с Ором разошлись по комнатам: спать тоже надо.

Но мне не спалось. Интересно: а Корей, он что, также всё это себе представляет? Или это только Ора конструкции?

Вряд ли Корей будет обсуждать такого уровня вопросы с каким-то солдатом. Корей, безусловно, уважает и ценит Ора. Но согласовывать стратегические направления с ним — такое ему просто в голову не придёт.

А ведь и Ор застесняется лезть со своими мыслями к великому учёному и мыслителю Корею. Другое дело — изливать всё это пацанам. Таким, как я и Халеф. Не зря же он весь светится, когда нас просвещает. Сутками может говорить.

Да, смотри как. И такой человек, как дядя Ор, может быть переполнен комплексами.

Спать по-прежнему не хочется. Так что думаем дальше.

Корей и Аарон. Зачем Корею Моисей? Ну не может он сам принять присягу у племён на этом этапе. Должен кого-то подставить вместо себя.

Тогда почему не Аарона? Вот же он. Прямо под рукой. Весь из себя красивый и хороший. Знает много. Говорит хорошо. Всем нравится. Все его уважают. Все любят. И род знатный. Ничего придумывать не надо. Говори правду, и все дела.

А что он тугодум немного и не такой блестящий, как сам Корей или некоторые другие парни из его команды, так это же хорошо.

Тут основательность и надёжность ценнее намного, чем живость мысли и быстрота ума. Опрятность важнее яркости.

По Ору, потому нельзя Аарона, что это всё равно будет подозрительно и, хоть и косвенно, но будет указывать на Корея.

А ведь темнит Ор. Да тут мне и Ора не нужно. И без него всё ясно: боится Корей. Боится отдавать власть Аарону. Боится не получить её назад. Темнит дядя Ор. Не верю я, что он этого не понимает.

Боится Корей Аарона. Как и его отец Амрам, Аарон, наверняка, тоже не смирился с потерей старшинства своим родом. Потому Корей и боится.

А Моисея Корей не боится. Серый Моисей — чего его бояться. Весь везде уязвим. С всеми своими легендами, косноязычием, ростом мелким и видом невзрачным. Да и удобен очень. Услужлив и старателен. Принц. Принц, да и только. Египетский.

И тут меня осенило. А ведь зря Корей Мусу не боится. При всей своей убогости очень Муса должен власть любить.

И за свою власть он кого хочешь порвёт. Ни перед чем не остановится. Так что забрать власть у него будет ой как не просто. Лучше бы не давать.

А то, что не умён, так это большой вопрос. Это смотря в чём. Мне мое профессиональное чутьё говорит, что очень он опасен.

Да и причём здесь чутьё? Смотри, даже сам с собой уже выпендриваюсь. Мне же такую информацию купец мадианитянин выдал. Только дурак после этого Мусу за овечку держать будет. Там клыки торчат с мой указательный палец.

И с убогостью, кстати, тоже поосторожней надо быть. Это как посмотреть. Меня вон тоже можно в убогие записать. Только вслух так говорить не советую. Да и вряд ли кто решится. Клыками я тоже, мягко говоря, не обижен.

Да, большой вопрос, кто умён, а кто нет. Иофор, предыдущий покровитель Мусы, и

Корей, покровитель нынешний, власть свою получили по наследству.

Кто знает, кем был бы сейчас Корей, не будь у него папы Цугара — главного жреца главного Бога египетского. Блистать, может быть, и блистал бы, но кого бы это трогало?

А Муса с самого низу вышел. Сам, без папы. Но и великий мудрец Иофор, первосвященник мадианитянский, и великий учёный Корей, первосвященник евреев египетских, пляшут под дудочку Мусы безродного, косноязычного и убогого. Это если взглядеться повнимательней. Ох, опасно Мусу во власть пускать! Рискованно.

Но меня, как всегда, никто не спрашивает. Опять же, мне какое дело? Мне Муса не опасен ни с какой стороны. Мне бояться нечего. Я отморозок. Пусть он меня боится.

Так кто же меня так продвигает? Не Корей и не Аарон — это точно. Значит, или Муса, или Ор.

Мусе зачем? Я и так при нём. Я в обслуге. Он сказал — я сделал. Зачем ему меня так глубоко просвещать, да ещё со всеми деталями? Очень на него не похоже. Нет, точно не он.

Остаётся Ор. Интересно получается. А ему это зачем? И ведь не может умница Ор не понимать про Мусу и про то, чем всё это может кончиться.

Я Корея за близорукость не виню. Хотя и не люблю его сильно. Но здесь его вины нет.

У Мусы ведь тоже есть талант. Талант стать тенью другого человека. А свою тень кто же понимает? Это со стороны только и видно. Мне или Ору. И что Муса та ещё гадина, и что Корей под его дудочку пляшет. Нам видно, а Корею нет. На то Мусе талант и даден.

Темнит Ор, темнит. Не может он этого не видеть. Или не понимать.

Стоп. Это что же получается? Чёрт с ним, с Мусой. Да и со мной и с Ором тоже. Потом разберусь.

Поиграемся в другие слова. Корей, пророк, Бог, евреи.

Корей даёт евреям пророка — Моисея. Моисей будет говорить с племенами Израиля от его имени. Устами Аарона.

Но ведь давать людям пророка — богоизбранного — может только Бог. Для этого он является пророку или во сне или во время приступа священного безумия.

И говорит устами пророка тоже Бог.

Что пророк пришёл от Бога, евреи всегда знают. И когда заканчивается миссия, ради которой Бог избрал пророка, евреи тоже знают. Работа Бога — оповестить народ. На то и общая молитва пять раз в день.

Если же пророк не хочет вернуть власть Богу (свихнулся и не может себя заставить), появляется человек-мангуста, палач. И нет пророку спасения. Да и не сопротивляется он никогда. Можно пытаться обмануть Бога, но никому не придет в голову идти против него в лоб.

А у нас что получается? Корей решил заменить Бога? Или Корей решил, что он и есть Бог? Или, по Корею, Бога нет. Бог — это только правила игры. И такой человек, как Корей, может их менять по своему усмотрению?

По-всякому получается плохо! Не садись играть с Богом в кости. Не потому что Бог хорошо играет в кости, а потому что Бог всегда выигрывает. У евреев про это каждый ребёнок знает. Только Корея этому в детстве не научили.

А Аарон? Уж он-то в Бога верит. Он зачем во всё это впрягается?

Во-первых, дисциплина. Человек военный, Корею присягал.

Во-вторых, обида. За Амрама. Евреи за себя не обижаются, но за другого, а тем более за отца, могут, и ещё как. И из-за рода своего. Вернуть, пусть даже временно, старшинство

своему роду для Аарона — это главное.

И почему это, кстати, временно? Сейчас всё наоборот. Сейчас у Корея наследники никудышные. Поэты и певцы.

А у Аарона четверо сыновей. Все бойцы как на подбор. Характером в деда Амрама. И в Академии не последние ученики. Есть кому доверить старшинство рода. Не зря мне Ор про это сегодня «случайно» обмолвился. А я уже знаю: случайно Ор никогда ничего не делает.

А Бог, что Бог? Аарон ведь себя Богом не ставит. И против Бога не идет. Это Корея проблемы. Так что то, что не Аарона Корей вместо себя поставил, это даже хорошо. Вообще ни о чём думать не надо.

И мысли нехорошие против Корея глушить не надо. Ведь брат младший. Пусть двоюродный, но с детства близкий человек. К Аарону всегда хорошо относится. И на людях, и на самом деле. Аарон ведь чистюля — ему это важно.

Пусть Моисей главным будет. Это уж точно временно. Важно, что род Амрама вновь старшим становится. Ведь по легенде Моисей из этого же рода. Брат Аарону младший. Причем родной.

Всё равно я не понимаю, как Аарона уговорили такое чудище себе в род записать. Видать совсем мужика достало. Там, правда, есть ещё сестра Аарона, Мириам. И опять, вроде как случайно, Ор обмолвился, что характера у неё больше, чем у Корея с Аароном вместе взятыми. За род свой она кого хочешь порвёт. Бой-баба.

С Моисеем как-то вроде бы всё более или менее ясно. Я про него много чего уже знаю.

Другое дело дядя Ор. Получается, что про всех я чего-то знаю. Больше или меньше, не знаю. Только про Ора — вообще ничего. Одни впечатления.

Ясно, что крут, ясно, что не последний человек в этой тусовке. А вот откуда пришёл, что в жизни делал, как во всё это попал, — ничего. Пустота.

Ладно, разберёмся и с ним. Я же в этом во всём варюсь всего ничего. Придёт что-нибудь и на него. Всё равно, что бы я ни узнал, я его уважаю и люблю. И любить буду. Он мне отца и Захри заменил.

А евреи? Как евреи пойдут на этот пустой крючок? Все эти кусты горящие, ребёночек в речке, принцесса египетская там же? Тут же и сестрёнка бегаёт и мама-кормилица тут как тут. Я эти легенды сегодня слушал, и аж тошно было.

Но ведь достало же всех. Так что, кто захочет, тот поверит. Это из умных людей. А большинству всё по барабану. Пророк так пророк, Бог так Бог.

Да и Бог ведь давно уже не тот. Теперь это Амон. Нельзя еврейскому Богу имя давать. Так что теперь это египетский бог. А Бога евреев, древнего Бога Авраама и Иакова, ещё вернуть евреям надо. Если он захочет к нам вернуться.

Давно уже не молятся евреи так, как раньше. Все вместе пять раз в день. Когда каждый был открыт всем. И ничего нельзя было скрыть ни от Бога, ни от народа. Любая грязь была на виду. В том древнем мире только так и можно было. Иначе не выжить.

А в Египте без этого выжить можно. А раз можно, то и нужно. Кто ж захочет свою грязь на люди выносить, если есть возможность не делать этого.

Перестали бояться люди Бога. Стали бояться левитов или нас — мангуст. Нет уже братства по Богу среди евреев. Есть студенческие братства, есть семья, есть род, есть племя, а братства по Богу нет.

Так ведь и школа мангусты появилась только в Египте. Мангусты были всегда. Если должен был умереть еврей, то Бог выбирал палача мангусту и давал ему приказ и силу

выполнить этот приказ. Не Корей выбирал или ещё кто-то из людей. Бог, объединённый разум народа Израиля, выбирал. И денег за это мангустам не платили.

Только в Египте, и то не сразу, этот древний ритуал выбора палача преобразовался в школу палачей-мангуст со своими мудрёными правилами.

Похоже это на тот древний порядок. Похоже, но не то. Не от Бога мы, мангусты, получаем заказ — от людей. А люди — это не Бог.

И знания никогда древние евреи не записывали в книги и не вычитывали их из книг. Знания хранились в Боге и от Бога приходили к людям.

Письмо использовалось только для хозяйственных нужд и больше при общении с другими народами, чем между собой. В молитве получали евреи знания и умения. И учились тоже в молитве.

Только в Египте, рассеявшись и объединившись через Академию и другие школы, развили по-настоящему свое письмо евреи. Только здесь в Египте они записали свои книги и стали собирать книги других народов. Потому что потеряли контакт с Богом.

Уже я учился своему искусству во многом по книгам. Много мне давалось через совместную с Захри медитацию — молитву. Много я получал, следуя его пояснениям, его указаниям и наблюдая за его действиями. Но без книг я бы не выучился никогда.

А вот у древних евреев школ не было. Все знания древним давал Бог — через молитву. Если еврей узнавал или придумывал что-то новое, то это новое становилось доступным всем. Опять через молитву. Всем, кто мог это знание потянуть, и всем, кому это знание было нужно.

И тут я почувствовал: я хочу жить в Боге. Я не знаю, зачем это нужно Корей, но теперь и я понимаю: евреи должны уйти из Египта. Из тёмных селений осёдлых людей, где грязь и серый туман.

Уйти и снова стать единым народом. Возродить свою молитву и своего Бога. Это нужно мне. Это нужно Ору. Здесь, наверное, и лежит ключ-разгадка к его душе.

Всё. Спать. Завтра первый поход. В землю Гесем: к племенам Рувима и Гада.

Глава 10. Моисей и Аарон. Всё не так уж и плохо

*Неважно, что мгновение прекрасно,
а важно, что оно неповторимо.*

Игорь Губерман

Суета всех сует — всё равно суета.

Владимир Высоцкий

*Блуд мировых переустройств
И бред слияния в экстазе -
имеют много общих свойств
со смерчем смыва в унитазах.*

Игорь Губерман

Этот день я запомню навсегда. С него началась моя новая жизнь. Не думаю, что где-нибудь и когда-нибудь мне будет так же хорошо, как здесь и сейчас. За это судьбе спасибо. А дальше — как будет, так будет. Теперь я знаю, чего хочу **ДАЛЬШЕ**. **ДАЛЬШЕ** я хочу **БОЛЬШИЕ** дела.

Встал, как всегда, до восхода солнца. Сбегал к каналу, искупался, утренняя молитва-медитация и назад в таверну.

Вчера договаривались выйти сразу после полуденной молитвы. Я, правда, надеялся, что удастся ещё раз переговорить с Ором. Время у меня вроде есть. Желание тоже есть. Всё зависит от Ора. Желание у него, наверное, есть. Но вот время?

В таверне меня ждал приятный сюрприз в виде Халефа. Он закончил школу, его назначили десятником, и ему тоже предстоял поход — возвращение домой, в шатры Иуды.

Ор засел в задней комнате. Туда заходили и оттуда выходили какие-то поджарые, почерневшие от солнца парни. Да ещё 5–6 таких же постоянно ошивались в таверне. Время от времени кто-то из них заходил к Ору и исчезал. На его месте появлялись другие такие же.

Понятно. Проект пошёл. В ближайшее время нам с Ором переговорить уже не случится. Последняя ночь повторится не скоро. Да и ладно. Нельзя войти в одну и ту же воду дважды. И это неплохо. Иначе жить скучно.

Зато удалось спокойно и не спеша посидеть с Халефом. Также ведь неизвестно, когда свидимся. Следующая встреча с ним возможна только, когда мы прибудем в кочевье иудеев на совет старшин. Но будет ли он там в это время, ни от меня, ни от него не зависит. Военная жизнь плохо поддаётся личному планированию. По крайней мере, на уровне десятника.

Как же я присох к этому парню. У меня уже давно нет семьи, и никогда у меня не было брата. Теперь есть. Братьев человеку посылает Бог. Халефа мне послал тоже он.

У меня теперь есть что терять. Ощущение не из слабых. Правы были собаки. Есть у меня теперь слабина. Но Ор и Халеф этого стоят. Я эту слабину ни за кровь, ни за амок не отдам.

Показался в дверях Моисей. Кивнул головой на дверь и вышел во двор. Понятно, пора

сдавать деньги. Я извинился перед Халефом и пошёл в свою комнату. Забрал пояс мадианитянина и вышел следом за Моисеем.

Моисей ждал меня во дворе. Я подошёл и молча протянул ему пояс. Он взял пояс и ждёт. Молчит, смотрит в сторону. Он молчит, и я молчу. Очень мне интересно, как именно Моисей меня про кинжал спросит.

Наконец он сказал: «Сегодня после полудня выходим. Надеюсь, ты про это не забыл? Чтоб был готов. Тебя никто ждать не будет». Повернулся и ушёл. Так просто. Какой понятливый. Почти как я.

Я вернулся к Халефу. Там мы с ним попрощались. Халеф чего-то сказал, я чего-то по привычке сдохнул. Как всегда, не смешно. Обнялись, и он ушёл.

Это же надо, как грустно на душе. Я отчетливо понял: теперь это не я здесь стою. Теперь это совсем другой Осия.

Появился Аарон и пришёл Моисей. Позвали Ора. Попрощались с ним, и в путь. К еврейским шатрам земли Гесем.

Шли здорово. Не так быстро, как если бы я шёл с Захри. Скорость нам сажал Моисей. Аарон, я думаю, и мне с Захри приличную фору мог бы дать. Силён мужик. Но и Моисей шёл для обычного человека очень даже неплохо. Ведь неправильно было бы еврея-мангусту со жрецом-мадианитянином сравнивать.

Да и не скорость важна. Важно, что шли отрядом: 3 как 1. Особенно это было заметно ночью. Саванна на нас чётко среагировала. Всё живое спешило уйти с дороги. Львы, гиены, собаки... Даже змеи. На что тупые и наглые твари. Всё живое пряталось и замолкало.

Очень я это люблю: когда меня уважают. А нас сама саванна заужала. Тут есть чем гордиться.

Наша первая цель — племя Рувима. На подходе к становищу встретили рувимовских пастухов. Останавливаться не стали. Поздоровались и продолжили путь.

Когда подошли к стану, нас уже встречали. Не иначе пастухи через молитву весть послали. Сначала, как водится, перед нами, за нами, рядом с нами понеслись орды детишек, потом стали встречаться небольшие группы взрослых. И уже возле шатра собраний нас встретили старейшины племени.

Очень хорошо встретили. Все здороваются, улыбаются. Захри и меня так никогда не встречали. Правильно я из палачей ушёл. Казнить кого-нибудь время от времени — это неплохо, но постоянно заниматься только этим не годится. Заскучаешь. Хочется любви и уважения. Чтоб не шарахались, а улыбались. Хоть иногда.

Ор рассказывал: у древних евреев постоянных палачей не было. Если надо было, то Бог выбирал кого-то на эту роль для каждого конкретного случая. И силу ему давал. После выполнения задания палач возвращался к своей обычной жизни. Вот это было правильно.

Мне, правда, силы чужой не надо. Свою не знаю куда девать. Бац... Так и почувствовал подзатыльник, какой мне в минуты таких моих рассуждений отвешивал покойный Захри.

А хорошо он умер. Сидели за столом, ели. Как всегда, много шутили, смеялись, подначивали друг друга. Захри мне подзатыльник выдал за что-то подобное. Вдруг закашлялся, посинел. Смотрю, а он уже мёртвый.

Хорошо умер. Плохих воспоминаний не оставил. Не болел, до самого конца оставался мужчиной и бойцом.

Я даже как-то и не чувствую, что его нет. Просто ушёл по делам и скоро будет. Грустить по нему я только недавно стал. И то не часто и совсем не сильно. Да и грусть светлая, не

больная.

Только такую смерть хочу. Но, к сожалению, не всем дано. Милка долго мучалась.

Среди старейшин Рувима я узнал братьев Дафана и Авирона, сынов Елиава. Они были вместе с Кореем на первой моей встрече с ним. Высокие крепкие ребята. Молодые. Постарше меня, конечно, но, наверное, лет на десять всего. А смотри-ка, уже среди старейшин стоят.

Про них мне Ор рассказывал. Это одни из самых одарённых учёных Академии. Корей, он больше химик. А эти парни — механики и непревзойдённые. Несмотря на молодость, за ними уже числится ряд интереснейших изобретений.

Современная конструкция египетских боевых колесниц — их рук дело. Основные идеи Корея, но большинство технических деталей продумали и реализовали они.

Они же разработали и подготовили образцы новых огненных шмелей Корея. Теперь эти монстры летят значительно дальше и точнее попадают в цель.

Корей придумал новую горючую смесь. Горящая капля этой жидкости прожигает человека насквозь. И никакая одежда его не защитит. Потушить эту жидкость нельзя. Ни водой, ни песком. Пока сама не прогорит до конца, ничего с ней поделаться нельзя.

Так эти ребята предложили способ, как поместить эту жидкость в огненного шмеля. Теперь после взрыва шмеля не только разлетаются керамические осколки, но также зажигается и разбрызгивается горючая смесь, прожигая всё живое и неживое в большом радиусе.

Работы пока не закончены, но оружие должно получиться страшной силы. С таким оружием можно весь мир завоевать. Не только какой-то там Ханаан.

Братья и с ними ещё один парень приблизительно их возраста бросились нам навстречу. Очень почтительно поздоровались с Аароном и не очень почтительно с Моисеем. Меня же горячо обняли и расцеловали. Я от неожиданности буквально онемел. Вот уж чего не ожидал. Ведь в тот раз расстались не очень по-доброму.

Самое удивительное, что братья это проделали как само собой разумеющееся. Всё — решил окончательно — из палачей ухожу в учёные. Смотри, как там хорошо.

Мне представили третьего парня. Авиан — сын Фалефа, родственник братьев. То ли двоюродный, то ли троюродный, то ли дядя, то ли племянник. А может, и то, и другое одновременно. Эта запутанная родственная связь, как я понял, служила нескончаемой темой для шуток и взаимных подкалываний.

И был пир горой в честь гостей, то есть нас. Много пили и ели. Много смеялись. Хорошие люди эти рувимляне. Крепкий и умный народ. Я их никогда с этой стороны не видел. Пир горой всегда был не для нас с Захри. Ну, ничего. Слава Богу, навёрстываю. И, Бог даст, наверстаю.

Удивил меня (и обрадовал) Моисей. Наедине с братьями или с Аароном он выглядит убого. Ни говорить, ни вести себя не умеет.

Так что при всём моем уважении к Ору и его мнению использование Моисея на одной из ключевых ролей проекта вызывало у меня ощущение дискомфорта.

А оказывается, что в толпе, где люди попроще, он смотрится совсем иначе. Тут он на своем месте. Умных вещей не скажет, но и глупостей не говорит тоже. Умных вещей толпа и не ждёт ни от кого. А глупостей никому не прощает.

После пира и ритуального омовения мы и старейшины племени прошли в шатёр собрания.

Сначала была общая молитва. Потом говорил Аарон. Представил собранию Моисея, рассказал, кто он, из какого рода. Рассказал, как попал Моисей в дом Фараона и почему бежал из Египта много лет назад.

Слушали Аарона внимательно и очень доброжелательно. Мы от рувимлян другого и не ожидали. Тут и Корей, и люди Ора серьёзно поработали до нас.

За Аароном выступил Моисей. Говорил про то, как воззвал к нему Бог из куста горящего и несгорающего.

Сказал Бог, что вопль сынов Израилевых дошёл до него и видит Бог угнетение, каким угнетают евреев египтяне.

Приказал Бог Моисею передать евреям наказ: уйти из Египта в землю предков. Говорил Бог, что помнит он завет свой с Авраамом, Мсааком и Иаковом.

Отдаст он евреям эти земли святы, земли хорошие и просторные, земли, где течёт молоко и мед. Ещё сказал Бог Моисею, что настало время свершения этого завета.

По словам Моисея получается, что он отказывался. Говорил Богу: «Кто я такой, чтобы говорил Господь Бог устами моими?»

А Бог ему ответил: «Я буду с тобой, и я буду с народом Израиля, когда ты выведешь народ мой из Египта».

Имя свое открыл Моисею Бог. Иегова, Сущий — имя его. Бог наказал Моисею: «Так скажи сынам Израилевым: Сущий послал меня к вам. Бог отцов ваших, Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова послал меня к вам. Вот имя мое навеки, и помятование обо мне из рода в род».

Но всё равно отказывался Моисей и говорил Богу: «А если евреи не поверят мне, и не послушают голоса моего, и скажут: «Не явился тебе Господь?» И дал тогда Господь Моисею знамения в подтверждение своей встречи с ним.

Тут Моисей бросил свой посох на землю, и посох на наших глазах превратился в змею и задвигался в сторону толпы зрителей. Все шарахнулись от неё. Моисей схватил змею за хвост, и она опять превратилась в деревянный посох.

Было это. Учителем клянусь. По роду службы, я стоял рядом с Моисеем и Аароном и своими глазами видел.

Не знаю, как он это проделал. Я потом незаметно потрогал посох. Деревяшка, вне всяких сомнений. Но и змею я видел. Ядовитую змею. Моисей заметил эту мою проверку и не смог сдержать довольную усмешку.

Ещё Моисей демонстративно положил руку себе за пазуху. Потом вынул её и высоко поднял. Рука стала белая, как снег. Проказа. Опять все шарахнулись от Моисея. Честно, даже я немного отодвинулся. Моисей снова сунул эту руку за пазуху и снова показал её народу. Рука как рука. Никакой проказы.

Напоследок Моисей подозвал человека из толпы и приказал ему принести бадью с водой. Человек принес бадью с чистой водой. Моисей вылил воду на землю, и вода на наших глазах превратилась в кровь.

Успех был полный. Даже старейшины, не говоря о толпе, слушали Моисея как замороженные, раскрыв рты.

Всё осталось: короткие ноги, маленький рост, рябое некрасивое лицо, замедленная косноязычная речь. Всё было то же самое. Просто все перестали это замечать. Даже я. В конце речи и старейшины, и остальная толпа взорвались восторженными криками.

Это был триумф. И это был главный фокус Моисея. Так подчинить себе толпу. Вот тебе

и «серая» личность.

Ну и заключительная часть нашего визита. Совет старейшин принес присягу Моисею как вождю и богоизбранному пророку. Поверили, что избрал Моисея Бог для того, чтобы вывел он народ Израиля из Египта.

Далее всё шло по разработанному плану. Мы побывали в племенах Гада, Ефрема, Асира и Неффалима. Опять полный триумф Моисея. И присяга ему как вождю и пророку. Впрочем, с этими племенами так и должно было быть.

Старейшины Дана под благовидными предложениями отложили наш визит к ним на неопределённое время. Тоже не сюрприз. Мы это ожидали.

Плохо прошёл визит к старейшинам Иссахара. Встретили нас радушно. Совет старейшин собрали в тот же день.

Речь Аарона слушали доброжелательно — внешне. Но явно только из уважения к Аарону и к его роду.

Моисея же встретили совсем плохо. Когда он бросил свой посох на землю и посох пополз как змея, то двое из старейшин побросали свои жезлы на землю и их жезлы тоже превратились в змей.

Не произвели никакого эффекта на иссахаровцев ни фокус с проказой, ни с превращением воды в кровь. Эти ребята и не такое в своем племени умеют делать.

На вопрос Аарона об участии племени Иссахара в исходе ответ был очень уклончивый. А вопрос о присяге Моисею как вождю и пророку просто не стоял. Глупо было бы спрашивать.

Так что счёт у нас пока +5 и -2. Пять племён за и два племени: Иссахара и Дана — против исхода. Не то чтобы так уж против, но присоединятся едва ли. Впрочем, мы этот результат ожидали. Так что мы не очень расстроились.

По нашему предварительному плану далее наш путь лежал в сторону северо-восточных ворот Египта — к городам-крепостям Мигдолу и Пи-Гахирофу. Где-то там кочуют племена Иуды и Симеона. Там Халеф. Очень надеюсь его увидеть.

В первую очередь навестили шатры иудеев. Халефа в кочевье не было. Ушёл со своим десятком на какое-то задание. Говорят, вот-вот должен вернуться.

Меня встретили очень хорошо. У иудеев, как выяснилось, я был очень популярной личностью. Благодаря Халефу и другим ребятам из солдатской школы.

Приятно, что у меня появились друзья и хорошие знакомые. А мангуста из меня действительно херовый. У мангуст друзей не бывает. И, если честно, я по этому поводу не очень грущу.

Аарона и Моисея встретили гораздо прохладнее. Ну, это обычное дело. Воины Иуды, Ефрема и Вениамина всегда недолго любили левитов. Стандартная неприязнь регулярных видов войск и специальных полицейских подразделений.

После первой встречи с Моисеем иудеи явно повеселели. А после демонстрации знамений божьих он стал очень популярен. Солдаты как дети: радовались от души и посоху-змею, и фокусу с проказой, и превращению воды в кровь. Могли на все эти представления ходить и глазеть бесконечно.

Да и речь Моисея произвела фурор среди воинов. Он её подправил на ходу. Вставил угрозы в адрес Фараона и боевых колесниц с хеттами и другими вояками. Добавил тёплые слова о доблестных еврейских воинах. Добавил крики типа «порвем на куски».

Я в очередной раз убедился: Моисей свое дело знает. И косноязычие в общении с

простым народом ему совсем не помеха.

Тот же красивый и абсолютно правильный еврейский язык Аарона хорош в Академии Иосифа и при общении с элитой еврейского общества. Простому народу, тем же солдатам Иуды, корявый неправильный язык Моисея намного понятней и приятней.

Так что присяга старейшин иудеев Моисею прошла без сучка и задоринки.

К Симеону Моисей решил сам не идти. Сначала послать Аарона и меня. Если мы поймем, что там дело безнадежное (а это с большой вероятностью так и есть), то он туда и соваться не будет. Чтобы свой авторитет не подрывать. И это правильно. Он пока отсидится у иудеев. Очень ему здесь понравилось.

К Симеону, так к Симеону. Пришли в Симеонов стан. Я и Аарон. Там нас встретил Салех. Ох, как хорошо встретил. Причем именно меня, Аарона как раз заодно со мной. Обнял, расцеловал. Отвёл в шатёр. Сам принес воду для омовения.

После омовения и молитвы попали за стол. Много и вкусно ели. Вспоминали Ора и египтаверну, Халефа и наши застольные долгие беседы.

Мы Салеха прямо спросили, что нам светит в его племени. Есть ли шансы получить присягу совета старейшин Моисею как вождю и пророку?

Салех советовал нам повременить. Сейчас время неудачное. Очень уж плохая репутация у Моисея среди купеческого народа.

Точно никто ничего не знает. Но слухи ходят плохие. А тут ведь закон простой: он украл или у него украли, точно не известно, но лучше с ним дело не иметь.

Корей и Ор стараются исправить положение. Но прямо сейчас скорее всего результат будет отрицательным.

Ну что ж, подождём. Чего соваться в отрицательный результат! Нас отрицательные результаты не интересуют. Нам интересны только положительные. Для нас отрицательный результат не результат.

А пока засиделись почти до утра.

Утром пришёл гонец от Моисея. Объявились амаликяне. Большой отряд воинов во главе с вождём, знакомцем Моисея, установил походные шатры в оазисе Елим. Нам предписывалось прервать все наши дела и немедленно тронуться в путь в оазис на встречу с вождём. Моисей передал с гонцом, что он нам для этой встречи не нужен. С вождём всё уже предварительно обговорено. Наш визит — это простая формальность.

Аарон должен подтвердить полномочия Моисея и заключить с амаликянами договор дружбы и сотрудничества от своего имени.

Мне и Аарону нужно два дня на дорогу. Если упереться и бежать, то можно добраться меньше чем за день. Но в данном случае это лишнее. Два дня туда, два дня на заключение договора, два дня на дорогу обратно. Весь поход 6 дней. Ещё немного на дорогу к шатрам Иуды, и я, наконец-то, увижу Халефа.

А там Аарон с Моисеем как хотят, а я возьму перерыв. 2–3 дня. Пообщаюсь с Халефом. Надоело таскаться по пустыням да по саваннам. Нам с Халефом ещё бы Ора в компанию.

Мечты..., мечты...

Глава 11. Еврейский счёт

*На нас нисходит с высоты
от вида птичьего полёта
то счастье сбывшейся мечты,
то капля птичьего помета.*

Игорь Губерман

Шли два дня с небольшим. Где-то ближе к полудню вышли к оазису. Красивейшее место: 12 источников воды, финиковые пальмы. И это после голой песчаной пустыни. Рай земной.

На входе в оазис нас встретил сторожевой отряд из десяти воинов и командира десятника. Амаликяне хорошо вооружены. Кожаные камзолы, бронзовые мечи, короткие копья и щиты.

Мы сказали командиру, что у нас назначена встреча с вождем. Что нас ждут.

Командир потребовал, чтобы Аарон отдал ему свой меч. Аарон очень спокойно объяснил, что он левит и не расстанется со своим мечом никогда, даже когда входит в личные покои Фараона.

Командир растерялся. С одной стороны, оставлять меч Аарону ему явно очень не хотелось. С другой стороны, не хотелось и идти на прямой конфликт с нами. У этих бандитов ума маловато, но зато интуиция обычно правильно срабатывает.

Наконец он решился. Дал команду. Амаликяне окружили нас со всех сторон и, сопровождаемые этим эскортом, мы двинулись в глубь оазиса. Остановились перед громадным шатром на довольно большой площадке. Судя по размерам, это и был шатёр вождя.

Вокруг площадки стали появляться ещё воины. Собралась большая толпа. Но близко к нам никто не подходил. Глазели издалека.

Командир вошёл в шатёр, почти сразу вышел обратно и направился к нам. Уже совсем другой, уверенной походкой. Снова потребовал у Аарона меч. Аарон опять спокойно и вежливо объяснил ему, что это невозможно.

Командир дал команду — воины отбросили щиты в сторону. В одной руке у каждого оказался меч, в другой — копьё на перевес. Эту картину им удалось сохранять буквально какое-то мгновение.

Потому что в следующее мгновение я прошёлся веером через строй и четверо из бойцов оказались на земле парализованные. Ещё два бойца по очереди подлетели в воздух и тушами обрушились на остальных, посбивав их с ног.

Аарона работа. Совсем неплохо. Грубовато немного. Я предпочитаю ювелирную работу. Пальчиками. Но так, как Аарон, тоже убедительно. Эффектно и эффективно.

На ногах остался стоять один командир. Один против нас двоих. Видно было, что ему это сильно не понравилось. Десять, а лучше одиннадцать вооружённых до зубов бандитов против двоих почти безоружных — это правильное соотношение. Это вам любой бандит скажет. А двое против него одного — нечестно, аморально и противозаконно.

Из шатра вышел вождь в окружении трех охранников. Двое держатся по краям и чуть

сзади, один охранник двигается на шаг перед вождем. Зрелище ещё то.

Чувствую, что должен быть и четвертый охранник. Где-то сзади. Должен кто-то прикрывать тыл.

Охранники, те, что по бокам, — громилы одинакового роста, на голову выше Аарона. На каждом кожаный панцирь, расшитый бронзовыми бляхами. Наколенники, подлокотники, щитки на руках и ногах — всё из бронзы. На голове бронзовые шлемы. В руке, что ближе к вождю, высокий, в рост человека, бронзовый щит. В другой руке короткое, тяжёлое копье с длинным бронзовым жалом. За поясом широкий, длинный кинжал. Полукинжал, полумеч. Удобная штука. Такой и метнуть можно, и удар меча отбить. Грамотно экипированы: всё есть, и ничего лишнего. Смотрятся ребята очень убедительно.

Но намного страшнее выглядит то чудовище, что прикрывает вождя спереди. Среднего роста, с широкой плоской грудью. Ни капли жира, нет лишних мышц. Но те, что есть, выглядят, как переплетенные канаты. Одни сухожилия. Руки невероятной длины. Не позавидуешь тому льву, которого сожмут эти клешни. И голова-череп. Голый, без каких либо волос, обтянутый кожей череп.

Из одежды только набедренная повязка. Из оружия — тяжёлый боевой посох. Не сразу и поймешь, что перед тобой человек. Больше похож на какую-нибудь обезьяну. Прибавьте сюда лицо и тело, разукрашенные белыми шрамами. Теперь картина полная.

Где же это такие чудовища водятся?

Ещё интереснее сам вождь. Ростом с воинов, что по бокам. Такой же и в ширину. Громадные руки и ноги. Одет в разноцветные льняные одежды. На груди тяжёлая золотая цепь с огромным рубином. На пальцах кольца, в ушах серьги, на руках и ногах золотые браслеты, усыпанные камнями. Из оружия только железный кинжал за поясом, с рукояткой из рога антилопы и тяжёлые метательные ножи, тоже из самородного железа. Лицо красивое и неглупое.

Мне он не понравился. Так бывает. Вроде ничего плохого. Но душа не лежит. Не нравится человек, и ничего тут не поделаешь.

Надо, конечно, учесть, что и ситуация непростая, щекотливая. Что-то не похоже всё это на ту радостную, дружелюбную встречу, которую нам обещал Моисей. Ну, мне-то что, я маленький. Тут есть Аарон. Пусть он и разбирается.

Аарон опять меня порадовал. Ни тени страха. Похоже, что и действительно не боится. Держится очень достойно. Без какого-либо заискивания, но и не нагло. Словно и не было только что стычки с амаликянами.

Я, правда, заметил, что Аарон вождя не очень-то интересуется. Он больше меня рассматривает.

Правильно он мне сразу не понравился. Смотрит на меня очень иронически, пренебрежительно. А вот этого я совсем не переношу.

Ты, конечно, большой и тяжёлый, а я маленький и лёгкий, но видали мы таких больших и тяжёлых, визжащих от боли и согласных на всё, лишь бы я их отпустил.

Не надо мной пренебрегать. Можно не любить, можно бояться, но вот пренебрегать не стоит.

Аарону по чину положено быть дипломатом, но я-то в культурные люди не записывался. Поэтому начал говорить я, хоть и не положено вперёд старших лезть.

Захри учил, что шпану всякую давить надо сразу, если хочешь драки избежать. Иначе уважать не будут. Наглых уважают, культурных и дипломатов нет. Если же драку хочешь, то

только сделай вид, что боишься. Лучше способа спровоцировать всякую мразь на атаку нет.

Так что разговор начал с нападения. Бессмысленного и специально не по делу.

— Вы на нас так смотрите, словно спросить хотите, на что эти два еврея надеются?

Вождь вроде и не удивился, что заговорил именно я. Ответил мне в тон, можно сказать, даже весело:

— Ну и на что эти два еврея рассчитывают? Вроде шансов у вас действительно нет. Как ни считай.

— Вы не с того конца считаете. У нас, у евреев, счёт другой.

— Ты видишь, Двани, никогда не знаешь, откуда к тебе что придет. Только сегодня я плакался на скуку. И вот на тебе, какое развлечение, — обратился вождь к охраннику-черепу.

И опять ко мне:

— Поучиться у еврея счёту никому не зазорно. Может, покажешь, как правильно считать?

— Покажу, конечно. Из уважения к хозяину. Всё-таки я у Вас в гостях, хотя так сразу и не скажешь. Еврейский счёт — дело простое. Надеюсь, поймете. А не поймете — Ваши проблемы.

Тут вождь окончательно развеселился. Точно, шут-хохмач — мое призвание. Зря я в палачи-убийцы подался. Надо менять профессию, пока не поздно.

Я продолжил:

— При решении любой проблемы есть два главных вопроса: «Что?» и «Как?»

Нееврей сначала спрашивает: «Как?»

И вот что по-вашему, по-нееврейскому получается:

Два еврея с одной стороны и целое войско свирепых солдат с другой стороны. Племя против двух человек.

Так что следующий вопрос тот, что Вы уже задали: А на что вообще эти евреи рассчитывают?

Теперь посмотрим наш еврейский счёт.

Евреи всегда начинают с вопроса «Что?».

Что могут амаликяне? Амаликяне могут убить двух евреев. И получают за это от меня сандалии, сильно ношенные, и халат, порванный в двух местах. Немного больше вы будете иметь с Аарона. У него халат подороже и есть ещё меч из бронзы.

А что могут два еврея? Наши возможности неизмеримо интереснее ваших. Мы можем перебить всё племя и захватить большую добычу. Только с Вас и с Ваших охранников можно снять хорошие деньги. Один рубин у Вас на груди чего стоит. А кинжал и метательные ножи из железа? Так что дело получается стоящее.

Теперь вопрос: «Как?»

Да как, как... Начнем драку, там видно будет. Бог нас не оставит. Вы как считаете, дядя Аарон?

Аарон ответил очень серьёзно:

— Осия, об этом не может быть и речи. Мы, левиты, всегда играем честно. А здесь наше положение настолько предпочтительнее, что я не могу это назвать честной игрой.

Раздалось подозрительное бульканье. По-видимому, вождь пытался что-то сказать. Но не сумел: закатился от смеха. Вслед за ним заржали и все остальные. Аарон и тот не смог сдержаться: тоже вроде улыбнулся. Да и я что-то закрюкал.

Смех стал замолкать, и я вдруг услышал такое же кряканье от Двани, человека-черепа. Я подозрительно спросил его: — Вы что меня передразниваете?

Он с трудом, через кряканье, ответил: — Нет. Я так всегда смеюсь.

Новая истерика — новый приступ смеха охватил общество.

Ситуация явно улучшилась. Вождь дал указание, и нас отвели в шатёр. Слуги принесли воду для омовения. Мы сделали полное очищение и молитву-медитацию.

Потом накрыли столы в нашу честь. Вождь собрал всех знатных воинов. Опять много смеялись. Я уже как-то привык, что я хохмач. И стандартный набор хохм накопил. Например, ответ на вопрос о том, почему я не пью вина. Беспроегрышно. Да и любая моя фраза вызывала безудержный смех окружающих. Даже неинтересно.

А потом стало действительно: не интересно и не смешно. По приказу вождя освободили площадку перед столами и привели двух избитых и связанных молодых парней. Да и парнями их не назовешь — совсем ещё мальчишки.

Аарон сказал мне на ухо:

— Тот, что повыше, — это Аззан, сын князя Нафанаила из племени Иссахара, ты его отца видел на собрании старейшин Иссахара. Второй парень — Фарнак, сын князя Елицафана из племени Завулونا. Ребята из знатных еврейских семей. Их отцов у нас очень уважают.

— Осия, — обратился ко мне вождь, — тут говорят, что ты из школы палачей-мангуст. И вроде как чудеса делают воспитанники твоей школы. Не в службу, а в дружбу. Помогии с этими пацанами. Не хотят посылать за выкупом.

Есть у меня друзья среди евреев. Заманили этих придурков мне в ловушку. Теперь должны придурки, как положено, послать за выкупом и дать слово, что не будут мстить моим людям.

А они уперлись. И за выкупом посылать не хотят, и слова своего не дают. Тяжело иметь дело с евреями.

Поработай с ними. Пусть перестанут дурить. У меня и свои палачи есть. Но, говорят, ты лучший.

Вождю ответил Аарон:

— Я, Аарон сын Амрама Левит, старший в своем роду. И род мой старший среди левитов.

Говорю тебе, вождь. Отпусти этих парней. Даю слово, через неделю будет у тебя выкуп за них.

А их слово тебе не нужно. Потому что уже я тебе клянусь: не жить предателям среди евреев. Умрут как собаки.

Хорошо ответил. Резко, на «ты». Мне аж кровь в голову ударила. Если такой аристократ, как Аарон, на «ты» перешёл, значит, дело будет. Хочу убивать!

Вождь в долгу не остался. Продолжил в тон:

— Как так получается? Всегда вы, евреи, правыми выходите. Вот и сейчас, правильно твой пацан обвинил меня в плохом счёте.

Как же я забыл, что и за тебя, Аарон, можно неплохой выкуп потребовать. Поболее, чем за этих парней. Корей скупиться не будет. Тут даже распоряжения твоего не надо.

Что-то они между собой разговорились. Про меня забыли. Пора напомнить.

— Послушай и меня тоже, вождь! Я, Осия сын Нава Ефремлянин, единственный и последний в своем роду. Даю слово: отпусти ребят и сегодня у тебя будет выкуп за них.

А ещё клянусь: умрут предатели, как и сказал Аарон. Только в одном он ошибается: собаки умирают быстро и легко. Эти же будут мечтать о такой смерти. Долго они будут умирать. Долго и плохо.

Тихо стало за столами. Все замолчали.

Вождь криво усмехнулся:

— Что-то я совсем запутался. Знаю я, что держат слово евреи, особенно такие, как ты. Но где ты возьмешь выкуп, чтобы отдать его уже сегодня? Не томи, разгадай загадку.

— Пытался я тебе объяснить еврейский счёт. Да, видно, не по плечу задачка. Счёту, вижу, научить не удалось, попробую поучить амаликян драться.

Четыре телохранителя у тебя. Бойцы, я думаю, лучшие. Двани не в счёт. Извини, друг. Похожи мы с тобой. Смеемся одинаково, и оба голы как соколы. Ни с тебя, ни с меня снять нечего. А мне нужно выкуп за ребят собрать.

Вот с тех, кто вождю бока и задницу прикрывают, если всё снять, то я думаю, за двух-то пацанов, выкуп будет правильный.

Пусть выйдут против меня все трое, одновременно и в полном вооружении. Чтоб на выкуп хватило. Трое лучших бойцов Амалика против одного безоружного еврея. Тут и проверим, кто считает лучше.

Вождь нехорошо задумался. Потом грустно-грустно сказал:

— Учил меня отец:— никогда не спорь с евреями. В конце всё отдашь да ещё и должен останешься.

Не пойму: зачем моим людям драться? А не драться — что же получается? Должен пацанов отпустить? Зачем тогда ловил? Нет, отпускать не хочется.

Смотри-ка, он ещё и артист. Ну, мы кривляться тоже непромахи:

— Отпустить надо. Или отпустить, или драться. А потом всё равно отпустить. Прав Вап отец. Мудрый человек. Не надо с евреями спорить.

Вождь продолжил:

— А знаешь что, давай драться. Всё-таки какой-то смысл для меня в этом есть. В любом случае развлечёшь.

Спасибо, что меня в очередь на драку не поставил. Я бы с удовольствием, да нельзя. Я как-никак вождь наследственный, а ты последний и неизвестно в каком роду. Не по чину мне с тобой драться. Хотя и хочется.

Я подхватил тему:

— Да боже ж мой! Какие наши годы? Ещё не раз встретимся. Всё у нас с Вами вперёди.

Вождь опять нехорошо задумался. Всё-таки достал я его. Потом сказал, но уже довольно зло:

— Да, действительно, с вами, евреями, ухо надо остро держать: стоит только разговор начать, и не заметишь, как ты уже что-то должен.

Иди, готовься. Не верю я, что останешься жив. Я только одного человека знаю, кто бы один этих троих смог бы побить. Человек этот — я сам. Других таких нет.

Иди, тебя позовут.

Перед тем, как пойти в свой шатёр, мы с Аароном подошли к ребятам. Охранник пытался нам помешать, но Аарон молча отодвинул его рукой, да так, что у того пропала охота стоять у нас поперёк дороги.

Сказали разные правильные слова. Мол, всё будет хорошо и так далее. Но вообще-то это было лишнее. Парни держались очень достойно. Сразу видно, что из хороших еврейских

семей. Быть и им князьями.

На прощание Фарнак нам сказал:

— Нас продали Шембела и Ханамах, сыновья Ашбелы из племени Вениамина. Крови наша будет на Вас, если не отомстите собакам.

Аззан добавил:

— Главное, сами останьтесь живы. Отцу скажите, я был плохой сын, но умру достойно, род не посрамлю.

Обняли братьев-евреев, как положено, и пошли к себе в шатёр.

По дороге Аарон спросил, буду ли я использовать амок. Я ответил, что поскольку против меня будут охранники, а не бойцы регулярного войска, то скорее всего справлюсь без амока. Ведь амок — это значит порученное дело провалить. Я в амоке собой не управляю. Буду крушить всех подряд. Амок — это только на очень крайний случай.

А пока был у меня чёткий расчёт. Каждый из охранников в одиночку намного сильнее обычного бойца, но групповой бой против меня будет им непривычным.

Охранники привыкли иметь объект охраны, и тут они знают, как им действовать. В любой ситуации. Бойцы охраны приучены не думать о своей безопасности. Первыми кидаются под удар младшие в иерархии. Такой у охраны закон.

И это для меня хорошо. Можно всё заранее просчитать и без амока.

А ещё хорошо, что я такой мелкий. Если бы я был размером не то чтобы с них, а хотя бы нормального роста, то им чисто психологически было бы легче. А так они будут меня бояться. Человек боится, когда перестаёт чего-то понимать. Будут бояться проиграть втроём одному безоружному и такому мелкому.

Так что кураж на моей стороне. И это немало.

Ещё у них не будет Двани. Этот номер охраны практически единственный, кто работает на поражение противника. Он должен обладать сумасшедшей реакцией, боковым и всеми прочими видами зрения и настроен на убийство.

И ещё. Такой, как он, не боится. Никого и ничего. Ему всё равно, какого я роста. Он и сам не гигант. Если бы среди моих противников был Двани, мне бы без амока не обойтись.

Не обойтись бы мне без амока и в случае, если бы это было элитное подразделение регулярного войска.

Я имею в виду профессиональных солдат типа иудеев, ефремлян или бойцов некоторых левитских подразделений. Тех, кто работает на поражение.

Тройка таких солдат-профессионалов действует как один могучий воин. На поражение работает тот боец, что посередине. Этот боец либо самый опытный, либо самый физически сильный, либо наименее раненный, либо просто так получилось. Его задача — атаковать, наносить удары. Два других бойца должны защищать среднего и пресекать попытки противника прорваться сбоку или сзади.

Хорошо обученная групповому бою и натренированная команда из трёх солдат сильнее группы из трёх отдельных, пусть даже и очень сильных бойцов не в 3 и не в 5 раз. Тут счёт идет на десятки.

Повезло человеку, который в свое время встретил такого учителя, как Захри. Многому он меня научил. Да и сам я в этом деле соображаю — другого такого ещё поискать. Эх, опять на подзатыльник от Захри раскрутился бы, будь он здесь. А жаль, что его с нами нет. Точно был бы не лишний.

Я, правда, ещё не видел четвертого охранника, того, кто прикрывает тыл вождя. Но не

думаю, что тут будут проблемы. У этого номера охраны и роль специфическая, и навыки соответствующие. Он должен всё видеть, всё слышать и всё контролировать, сам оставаясь при этом невидимым.

Его обязанность — вовремя поднять тревогу и, при необходимости, заслонить собой объект охраны от удара в спину. Работать на поражение не его задача.

Так что по идее они должны драться каждый сам по себе и, как ни странно это звучит, ещё и мешать друг другу.

Обойдусь без амока. Чувствую, нельзя амок вызывать. Не могу сказать почему, но чувствую — нельзя. побыстрее бы уже началось.

Крови хочу — сил нет ждать.

Глава 12. Муши, мангуста именем Божьим

Если ты подумал, ты не храбр.

Чингизхан. Великая Яса.

*Время эти понятия не стерло.
Надо только поднять верхний пласт
и дымящейся кровью из горла
чувства вечные хлынут на нас.*

Владимир Высоцкий.

Зашли в наш гостевой шатёр. Нам снова принесли воду. Сделали омовение перед молитвой и ушли в медитацию. Я отключился полностью.

Пришёл в себя, когда Аарон меня за плечо тронул. Пора. Перед шатром нас ожидал отряд. Те же 10 с тем же командиром. Командир опять с подозрением покосился на меч Аарона, но ничего не сказал. Смотри, как быстро учатся. Так скоро людьми станут.

Пришли на площадь. Здесь собралось всё племя. Ждали нас и ждали вождя.

Отдельно от всех, рядом с шатром, стояли Аззан и Фарнак со связанными за спиной руками. Их стерегли два воина с мечами и короткими копьями. Тоже уважение. Хотя и несколько своеобразное. Ведь мальчишки совсем.

Мы остановились на пустом пространстве перед входом в шатёр вождя. По-видимому, это и будет площадка для боя. Я остался стоять в этой точке, а Аарон и сопровождающий нас десяток воинов отошли назад шагов на 50.

Толпа взорвалась приветственными криками. Это на площадку вышли мои противники. Два гиганта охранника и между ними нормального роста человек, закутанный в длинный плащ с капюшоном, глубоко надвинутым на глаза.

Очень нехорошее предчувствие появилось. Совсем плохо это: не знать ничего о своём противнике. Одни умные-заумные предположения и мудрые-премудрые рассуждения. За такое «профессиональное» поведение может последовать очень нехилое наказание. Профессионал хренов.

Ладно, как будет, так будет. Ничего не поделаешь. Отступить всё равно некуда. Но ощущение поганое. И ясное понимание — амок использовать нельзя. Впрочем, я это ещё раньше прочувствовал.

Стою в центре площадки и по привычке просчитываю ситуацию. Передо мной шатёр вождя. Сзади Аарон в сопровождении десятка воинов. За ними воины Амалика. В первом ряду самые именитые и знатные. Далее всё остальное племя. Слева от шатра на краю площадки связанные Аззан, Фарнак и их конвоиры. Справа, тоже у края площадки, трое моих противников.

Снова раздался восторженный рёв племени. Это появился вождь в сопровождении Двани и двух новых охранников. Ох и любит парень пышные церемонии.

Я смотрю на вождя, но и всё остальное не забываю контролировать. И справа, и слева, и сзади. Всё-таки школа Захри, не что-нибудь.

Поэтому, наверное, я один увидел, как небольшого роста Фарнак резко прыгнул на

одного из конвоиров и нанес ему удар головой снизу вверх в подбородок. Тот рухнул как подкошенный. Второй конвоир ударил Фарнака копьём в бедро.

В бой вступил худой и высокий Аззан. Он согнулся буквально пополам и сумел выкрутить связанные за спиной руки из-за спины вперёд перед собой.

Воспользовавшись тем, что конвоир был занят Фарнаком и стоял к нему спиной, Аззан перекинул связанные руки через голову конвоира, сбил его с ног и стал душить. Конвоир успел просунуть одну руку между веревкой и горлом, и они покатались по земле. При этом конвоир всё время пытался пырнуть Аззана мечом, который он держал в другой руке.

В это время Фарнак, лёжа на спине, крутился на земле. Как я понял, он пытался перерезать связывающие его веревки мечом первого конвоира. Наконец ему это удалось, и он, зажав меч во рту, практически на одних руках, подполз к Аззану и нанес удар мечом конвоиру.

Вся сцена заняла буквально секунды. Рассказывать гораздо дольше. Когда воины племени пришли в себя и бросились к месту событий, Аззан и Фарнак уже стояли на ногах, поддерживая друг друга и выставив мечи. Ребята явно решили дорого продать свои жизни.

И тут, к своему стыду вынужден признаться, что даже я не увидел, когда и как возле ребят появился Аарон с обнажённым мечом. Как будто из-под земли выпрыгнул.

Воины племени окружили эту троицу плотным кольцом, приготовившись закидать их копьями. Ждали только команды вождя. Идти с мечами на евреев желающих не было. Отморозков вроде меня среди нормальных бандитов обычно не бывает. На то они и бандиты.

Передо мной тоже что-то происходило. К вождю подбежал воин, причем не из толпы: заметно, что бежал долго и издалека — и что-то тихо, почти на ухо ему рассказывал.

Вождь перевел взгляд на меня. Смотрит задумчиво. Что-то решает. Горячая волна пошла у меня по телу. Чтобы не сорваться раньше времени, решил немного поговорить.

— Ну что, вождь, надеюсь, ты начал понимать, что такое еврейский счёт? Или тебе ещё объяснить?

При этих словах Двани выдвинулся немного вперёд и перехватил поудобнее боевой посох. Два других охранника тоже чуть сместились вперёд и стали ближе к вождю, закрывая его щитами да и своими собственными телами.

Вождь ответил:

— Ты знаешь, кое-что понял. Ну, там Аарон, ты — тут всё ясно. Но если у евреев так дерутся пацаны, то умнее с вами не сориться. Умнее дружить. А я не только сильный — я ещё и умный, весь в отца. Что касается еврейского счёта, то я ещё не всё понял, но то, что увидел, мне понравилось.

Ответ вождя не то чтобы удивил меня. Я уже был в таком состоянии, когда не до удивлений, но кураж он мне сбил. Я ведь дисциплинированный. Прибыли мы сюда не драться, а договор заключать. И дело явно сдвинулось.

Вождь поднял руку, и к нему тут же примчался главный раб-распорядитель. Получил от вождя какие-то указания и умчался. Подбежал один из воинов, как я понял, начальник охраны. Опять указания от вождя, и начальник охраны исчез тоже.

И вот такая картина. Посреди площадки, перед шатром, стоит один идиот и чего-то ждет. Идиот этот — я. В углу площадки стоят ещё три идиота и тоже чего-то ждут. Идиоты эти — мои предполагаемые партнеры по драке.

В другом углу площадки ещё куча идиотов окружила Аарона и двух израненных, поддерживающих друг друга пацанов и тоже ждёт.

А человек, который может и должен запустить все события, вождь, вроде про всех нас забыл и занимается какими-то своими делами.

Да, умеет вождь правильно построить сцену и умеет выдержать паузу. Тут могут отдыхать самые знатные артисты Неффалима.

Наконец вождь направился ко мне. Охрана попыталась пойти за ним, но он сделал им знак оставаться на месте. Подошёл один и встал напротив.

— Признаю: слово ты сдержал. Правда, выкуп за себя твои ребятки сами насобирали. Но факт остается фактом. День ещё не закончился, а выкуп уже есть.

Я проиграл. Сказать по правде, так проигрывать мне понравилось. Так проиграть — не зорно даже мне. Пойдем к твоим — закончим это дело достойно, по-мужски.

Вождь развернулся и, не оглядываясь на меня, пошёл к Аарону и ребятам. Спокойным и очень широким шагом. Соответственно своему росту. Мне, чтобы не отстать, пришлось практически бежать за ним.

Вот гад! И здесь нашёл, как меня унижить. Ну ничего, я это ему ещё припомню. Действительно, какие наши годы?

Бежать бегу, но и всю ситуацию продолжаю держать под контролем. Гиганты охранники остались стоять с каменными лицами. Куклы дрессированные. И только Двани мягко заскользил вслед за нами.

Спасибо и за это. А то получается, никто за человека не считает. Мол, тут и бояться нечего. Пыхтит за спиной какой-то шибзик, ну и пусть пыхтит. Припомню я этим козлам. Дайте срок.

Подошли к Аарону и ребятам. Воины подняли копья и расступились перед вождем. Вождь спокойно осмотрел своих вояк. Потом неожиданно, для меня по крайней мере, заорал как бешеный: «Пошли вон, собаки! Ублюдки! Я вас научу драться!» Воинов как ветром сдуло.

Аарон спокойно засунул свой меч за кушак, сделал короткий шаг нам навстречу и скрестил руки на груди. Нам — это мне и вождю. Хорошая у меня компания образовалась. Всю жизнь о такой мечтал.

Ладно, что-то я занудил, как женщина прямо. Есть же ещё и работа. Продолжаю контролировать обстановку.

Вождь по-прежнему упорно игнорирует меня. Стоит ко мне спиной. Перед ним Аарон, скрестив руки на груди. Между прочим, очень неплохая боевая стойка. Это для тех, кто понимает. Сзади меня, где-то на шаг, полтора, Двани. Стойка у него идеальная: полное расслабление, и глаз с меня не спускает. Хотя в упор вроде как и не смотрит.

Интересно бы с ним подраться, без амока, конечно. Но вообще-то я драться не люблю.

Всё остальное далеко от нас и малоинтересно.

Вождь сделал жест рукой, и к ребятам подбежали раб-распорядитель и два других раба. По инструментам в их руках я понял, что лекари.

Не обращая внимания на грозно поднятые мечи в руках Аззана и Фарнака, рабы уложили ребят на землю и первым делом начали обрабатывать рану на бедре Фарнака. Дело явно не терпело отлагательства. Он и так уже много крови потерял.

Тут, я понял, работают профессионалы. Так что, надеюсь, с ребятами всё будет хорошо. Хотя досталось им прилично — все в крови. Аззан как минимум одно плечо вывихнул. Иначе бы ему никак связанные руки вперёд не перекинуть. Ладно, починят.

Вождь обратился к Аарону:

— Если я правильно понял Мусу, у евреев есть нужда как во мне, так и в других племенах Амалика. Теперь и я вижу: и у меня есть интерес в евреях-партнерах. Думаю, мы сможем договориться.

Аарон помолчал немного, потом ответил:

— Не знаю. Теперь уже нам надо подумать. Мы шли к друзьям, а пришли непонятно к кому. У нас были другие инструкции. Теперь эти инструкции не работают. Нам надо подумать.

— Хорошо. Думайте до завтра. На завтра я приглашаю вас всех на пир в знак восстановления дружбы.

Придёте — хорошо. Не придёте — можете спокойно уходить. Никто вас не тронет. У Амалика умеют ценить настоящих мужчин.

Это относится и к вам, ребята. Вы настоящие мужчины.

При этих словах Фарнак и Аззан попытались встать. Лекари не дали им этого сделать.

— И ещё, — вождь продолжил, — я приготовил для вас подарок в знак моей дружбы и уважения. С этими словами вождь повернулся ко мне.

— Прими его, Осия, и не обижайся, что я не дал тебе подраться с моими охранниками. Знаешь, жаль их терять. Всё-таки это мои лучшие. Много времени я потратил, чтобы их отдрессировать.

Вождь опять поднял руку, и из толпы к нам вытолкнули двух связанных евреев. Я опять перестал что-нибудь понимать. Это что — новый виток истории?

При виде этих людей Аззан и Фарнак снова попытались вскочить на ноги. На этот раз лекарям удалось удержать их с большим трудом. И даже Аарон не смог скрыть своего удивления.

Вновь прибывшие смотрели на меня с таким знакомым мне ужасом. Не отрываясь, как загипнотизированные.

И тут я вдруг понял: Шембела и Ханамах — сыновья Ашбелы из племени Вениамина Евреи-предатели.

Ай да вождь! Вот уж, действительно, артист. Я ему сразу почти всё простил. Вот это подарок, всем подаркам подарок! Кровь ударила мне в голову. Ну всё, уроды. Мало не покажется.

И тут я почувствовал движение за спиной. Это четвёртый охранник вождя, тот, про которого я ничего не знаю, пошёл в нашу сторону.

Подошёл, остановился в двух шагах. Обратился к вождю:

— Прошу, разреши поговорить с евреями.

Голос хриплый и тихий.

Вождь ответил:

— Они гости. Желание гостя — закон. Говори, если они этого хотят.

— Поговоришь со старым товарищем, Аарон? Не побрезгуешь?

— О чем ты, Муши? Конечно, поговорим. Я старых друзей не забываю. Это — Осия ученик Захри. А Захри умер, почти год прошёл.

— Мир праху его. Я Захри всегда уважал. Любить не любил, но уважать — уважал. А ты действительно меня не забыл. Ведь сколько же лет прошло. И знаешь, это приятно. Отойдём, дело есть. Парня своего захвати. Его это дело в первую очередь касается.

Мы отошли в сторону. Муши откинул капюшон. Меня как молнией шарахнуло.

Первое — глаза мангусты. Это же мангуста. Теперь понятно, почему мне нельзя было в

амок входить.

Два мангусты в амоке — это смерть, смерть обоим. Никто никогда этого не пробовал, но все мангусты это знают.

Второе — львиное лицо. Белое, как мел. Проказа. Прокажённый. Так вот с кем мне предстояло драться. Теперь понятно, кто вождю спину бережёт.

Это только у евреев прокажённых изгоняют из племени. У большинства других племён это не принято. Есть и такие народы, где проказа даже за заболевание не считается. Люди с проказой и 10, и 20 лет живут. Обычный век среди неевреев вряд ли намного длиннее.

Только у нас, у евреев, проказа считается наказанием божьим: нечист такой человек для нас. Нет ему места среди евреев.

И третье — за поясом у Муши я увидел чёрный каменный нож из обсидиана. Нож левита, готового на ритуальное самоубийство. Таким ножом левит режет себе горло, когда решает уйти из жизни. Таков древний ритуал левитов.

Муши тихо заговорил, обращаясь ко мне:

— Поверь, Осия, не стал бы я с тобой драться. Ты убил бы меня легко. Я хотел этой смерти. Не суждено, значит, не суждено. Этот нож тоже неплохая штука.

У меня к тебе есть дело. Я забираю этих двоих. Бог избрал меня, чтобы наказать предателей. Бог простил меня, и я умру мангустой и евреем. Подумай, и ты поймёшь: это мое право и это желание Бога.

Я ответил не задумываясь:

— Берите их, дядя Муши, они Ваши. Я поклялся, что умрут предатели и умрут плохо. Но я не клялся, что я это сделаю сам. Бог вложил мне в уста правильные слова. И Бог удержал меня от лишних слов. А то, что они будут умирать долго и плохо, я не сомневаюсь. Конечно же, Вы это сделаете лучше, чем я. Мне ещё до Вас учиться и учиться.

— Спасибо тебе, Осия. Правильного парня воспитал Захри. Даже завидно. И делом можешь любому ответить, и словом хорошим любого обрадовать. Всё тебе доступно. Я такого, как ты, первый раз встречаю.

Порадовал ты меня напоследок. Умру хорошо. А я уже об этом и не мечтал. Ещё раз спасибо тебе, парень. Спасибо и тебе, Аарон. За то, что старых друзей не забываешь. И за эту последнюю встречу. Тебе и Богу спасибо. Ору Иудею от меня привет передайте. Надеюсь, и он меня не забыл.

Муши накинул капюшон, отвернулся от нас и подошёл к вождю. Что-то сказал ему. Тот согласно махнул головой. Муши подошёл к предателям, отпустил охрану и своим каменным ножом перерезал веревки. Шембела и Ханамах покорно встали, и группа из трех людей пошла прочь от шатров.

И это ещё жертвы не видели лицо своего палача. Представляю, что с ними будет, когда Муши откинет свой капюшон. Что ж, они сами выбрали свою судьбу.

Отдать-то я их отдал, но... как бы они у меня умирали... Это такая была бы боль, непрерывная, невыносимая. И кровь, капля за каплей!

Ладно, размечтался. Им по-любому не позавидуешь. Думаю, Муши свое дело и без меня знает. Без сопливых разберётся. Да и времени у меня столько, сколько надо, нет. А у Муши есть.

Ребят уже частично обработали и отнесли в наш шатёр. Вождь, не спросаясь и не попросившись, куда-то подевался. Бандит, он и есть бандит. Что с него взять? Бандит и босяк. Меня и Аарона здесь тоже ничего больше не держало. Так что отправились и мы в

шатёр к ребятам.

Фарнака зашили вдоль и поперек. Кроме раны на бедре у него ещё были глубокие порезы на спине и на руках. Это когда он на мече по земле ёрзал. Веревки перепиливал.

Аззан, как я и предполагал, вывихнул правое плечо и получил несколько довольно плохих ран в ноги и живот. Это когда охранник его тыкал мечом вслепую. С вывихнутым плечом удержать здорового мужика на земле — даже я этого себе представить не могу. Это же анатомия. Против нее не попрешь. Но факт есть факт — удержал.

Как ребята в живых остались, ума не приложу. Ведь не мангусты же. Аззану повезло, что эти придурки-охранники взяли с собой на конвоирование длинные боевые мечи. Будь у его противника короткий меч-кинжал, как у охраны вождя, конвоир бы Аззана на ленточки порезал.

Мы пришли — ребята сидят, ждут нас. На столе всё накрыто. Они сколько-то дней не ели. Минимум два. Но без нас за стол не сели. Уважаю хорошо воспитанных людей. Быть им князьями. Это точно.

Умылись, сели за стол. Смотрю: они, как и мы с Аароном, пьют только молоко и воду. А ведь на столе и вино, и крепкие напитки. Всё отборное, явно из запасов вождя.

У них на то была своя веская причина. Вот что они нам рассказали.

Несколько месяцев назад Аззан с отцом привели в Мигдол караван ослов с пряностями, чесноком, фасолью и елеем. У них это всё оптом откупили симеоняне. Купцы собирали караван к хананеям.

Отец занимался закупками перед возвращением к себе в шатры. Аззану делать было нечего. Он таскался по базару и глазел на всё подряд.

Там он и познакомился с двумя проводниками из племени Вениамина. Взрослые мужчины, лет под тридцать. А отнеслись к Аззану как равные. Расспрашивали его обо всём. Предлагали заплатить, если он им организует хорошие цены на товары от Иссахара. Он обещал попробовать.

Потом пригласили Аззана в таверну амаликянскую. Пили сладкие вина. И пили много. Он старался держаться наравне со взрослыми мужчинами. Пил вино. Пробовал крепкие напитки.

В таверне танцевали практически голые женщины из народов моря. Подавали тоже женщины. И тоже не сильно одетые. Для Аззана всё это было как волшебный сверкающий мир. И его можно понять.

У евреев в тавернах подают только мужчины, и нагота, что мужская, что женская, считается позором. Нельзя видеть наготу другого. Даже блудницы у евреев исполняют свои обязанности, полностью закутавшись. На свету и лицо, и тело женщины должно быть закрыто одеждой. Остальное только в полной темноте.

Дело женщины — семья. Вот в семье она главная. А мира для неё, считай что и нет. Всегда и во всём женщины держатся отдельно от мужчин. После замужества для них существует только один мужчина — муж.

А тут такое... Как попал в свой шатёр, Аззан не помнит. Утром чувствовал себя наипоганейше. И ещё отец наехал по полной. Слово за словом, раскрутился на затрещины, и тоже по полной.

Отец ушёл по делам — Аззан опять на базар к своим новым знакомым. Те с ним поговорили, как со взрослым. Сказали, что отец есть отец. На отца нельзя обижаться.

Аззан должен скоро в Академию на учёбу вернуться. Пусть завернёт к ним перед

учёбой. Вот тогда они и оторвутся по полной программе, как настоящие мужчины.

И никто ничего не узнает. Денег от него не надо. Какие деньги между друзьями. Рассчитается как-нибудь потом.

Похожая история приключилась и с Фарнаком. И даже не просто похожая, а та же самая. С разницей в незначительных деталях.

Перед возвращением на учёбу ребята наврали дома, что должны явиться в Академию на неделю раньше обычного. А сами отправились в Мигдол.

Там их встретили как близких друзей. Познакомили друг с другом и пошли весёлой компанией в трактир к весёлым женщинам народов моря.

Очнулись ребята уже связанные и в стане амаликян. Остальное мы с Аароном видели. Теперь они для себя решили: никогда и ничего спиртного. С них хватило.

Парни практически отключались после всего пережитого и после обильной еды. Мы отпустили их спать, и я пристал к Аарону: кто такой Муши?

К вопросу о приглашении вождя на завтрашний пир мы, не сговариваясь, не спешили приступать. Всё и так ясно. Выбора у нас нет: не проваливать же задание. Но уж очень душа не лежит.

А про Муши вот что получается: Муши — левит из рода Мерари, сын Махли. Этот род никогда не был старшим у левитов и никогда на старшинство и не претендовал.

Род Мерари испокон веков, поколение за поколением, поставлял учителей в племена Израиля. Ещё они охраняли зернохранилища. Они же содержали тюрьмы. Поддержание порядка на дорогах и переправах тоже их обязанность.

Многие хозяйственные службы исполняли левиты этого рода. Более того, есть такое понимание, что фактически этот род самый старый среди левитов.

Их история тянется задолго до того, как евреи переселились в Египет. А может быть, и до того, как евреев привел в Ханаан Авраам. Именно они в те давние времена и назывались левитами.

Тогда они образовывали отдельную касту среди евреев. В их функции входило внутреннее обслуживание религиозных и хозяйственных нужд других племён.

Это уже потом стали пополняться левиты одарёнными детьми из других племён Израиля. Некоторые философы Академии, включая Корея, связывают это изменение с появлением и распространением письменности среди евреев.

В дописьменный период существовал один канал распространения знаний: от дедов к отцам, от отцов к сыновьям. И через обучение, и как наследственное, врождённое.

Это порождало и поддерживало сложную кастовую структуру еврейского сообщества. Иногда такой тип обучения заменялся отношениями «учитель — ученики». Но всегда всё замыкалось кастовыми рамками.

Распространение письменности породило другие способы передачи знаний. Чаще всего менее эффективные, чем передача «из уст в уста», зато более многочисленные и разбросанные как по пространству, так и по времени. Многочисленность даёт худший результат в среднем, но иногда порождает всплески.

На самом деле книги почти никогда не являются единственным источником знаний. Как правило, передача информации и обучение идет через комбинированные методы типа нашей школы мангуст или Академии Иосифа.

Я учился у Захри, и я прочёл огромное количество книг. Все, какие нашёл. Но только по книгам в таком деле, как наше, многому не научишься. Обязательно нужен учитель.

Короче, я и есть этот всплеск. Я не левит и в кастовом обществе у меня не было бы шансов стать профессиональным убийцей-палачом. Книги плюс учитель Захри — и вот он я, лучший боец и лучший палач.

Правда, учитель считал, что профессия эта не для меня. Но для этого у него были другие причины.

А так в моем деле лучше меня нет. Когда я дерусь, мои противники видятся для меня маленькими, лёгкими и неуклюжими, а я чувствую себя великаном. Громадным, тяжёлым и ловким. И это ещё без амока.

У меня так мозги устроены: я просто не понимаю, как я могу кому-нибудь проиграть. Это невозможно. И амок мой — это не совсем амок: это что-то природное. Этому научить нельзя. Оно или есть или его нет. Я уникален. Других таких нет.

Я, конечно, так про себя втихую думаю. Аарону эту тайну я раскрывать не стал. Захри как-то рассказал и раскрутился на очередной подзатыльник.

Что касается Муши, то у него оказалось врождённое чувство амока. Причём, в отличие от меня, управляемое. Обнаружил он это довольно поздно: уже учась в Академии. Там они, кстати, и подружились с Аароном.

Обнаружив эту свою особенность, Муши сначала прочитал всё доступное ему по этому вопросу. Потом пришёл за разъяснениями к Михаилу — учителю школы палачей и главному мангусте. Тот дал ему покопаться в древних рукописях, а потом предложил Муши стать своим учеником.

Муши согласился. Было ему тогда немало лет, и некоторые вещи он так и не освоил до конца: есть такое, что воспринимается только в раннем детстве.

Но боец он был от природы одарённый. И с книгами умел работать. Много делал по своему: не так, как учитель ему показывал. Отсюда между ними со временем возникло некоторое напряжение.

Кончилось тем, что он ушёл от Михаила и открыл свою школу убийц. Дело у него не пошло, хотя брался за любые заказы. А потом Муши куда-то пропал.

Много лет Аарон ничего про него не слышал. Хотя и расспрашивал всех. Теперь-то понятно: проказа. Божье наказание.

В любом случае я рад, что так получилось. Рад, что пересеклись наши пути. Пусть умрёт хорошо. Как левит и как мангуста.

И хотя я остался без крови, зато понял: можно получить больше удовольствия от того, что сделали другие, чем если бы я сделал это сам.

Для меня бой, который дали ребята амаликянам, был важнее, чем если бы я сам раскидал кучу самых знаменитых бойцов. Я гордился ими больше, чем собой. Да и на вождя пацаны произвели большее впечатление, чем я или Аарон.

Хотя здесь я чувствую какую-то натяжку: не похоже, чтобы такая скотина, как этот амаликянин, вдруг так вот прониклась мужеством этих мальчишек. Не похоже.

Что рассказал вождю его воин перед этим, таким благородным поступком вождя? Откуда вдруг у вождя оказались Шембела и Ханамах?

Мы с Аароном немного погадали над этими вопросами, а потом решили: нам-то какая разница? Мы люди простые, малограмотные. Наше дело — бей, беги. Нам сказали заключить договор о партнёрстве с амаликянами? Вот и будем его заключать. Главное, лишних слов не говорить, обещаний ненужных не давать.

Так получается, что на пир приглашение принимать надо. И хватит на эту тему думать.

Много думать вредно. День был тяжёлый и интересный. Пора спать.

Не думаю, что день предстоящий будет намного легче.

Пока всё идет по нарастающей.

И тяжелей и интересней.

Глава 13. Здорово быть евреем. Такое вот ощущение

Описание обычаев народа Ху — предков гуннов:

... Каждый занимается воинскими упражнениями, чтобы производить набеги.

... Сильные едят жирное и лучшее; устаревшие питаются остатками после них.

... Молодых и крепких уважают, устаревших и слабых мало почитают.

... Родовых прозваний и поименований не имеют.

... Всё это свидетельствует об ослаблении родовых связей, о господстве физической силы над обычаями и традициями.

Лев Гумилёв. История народа Хунну.

Утром мы с Аароном поднялись, как и полагается, до восхода солнца. Разбудили ребят. Евреям нельзя спать на восходе и на закате.

Появились рабы-лекари. Аарон приказал им принести воду для омовения. После омовения мы начали обычную утреннюю молитву-медитацию.

Во время молитвы я почувствовал, как Аарон вошёл в транс и погрузил в него ребят. Чтобы не мешать ему, я прекратил молитву и вышел из шатра.

Пробежался до площадки перед шатром вождя. Не мешает изучить более подробно такое удобное место для драки. Если уж представилась такая возможность. На всякий случай: мало ли как повернутся события. Заодно проведу утреннюю тренировку.

Прошёлся по площадке, фиксируя в памяти каждый бугорок, каждую ложбинку. Запоминая рельеф и характеристики почвы: где камни, где песок, где скользкая глина или пыль.

Начал разминку. Чувствую: вокруг собирается народ. Но не показываются. Подсматривают исподтишка.

От шатра вождя отделилась знакомая фигура и направилась ко мне. Двани, человек-череп.

Подошёл, поздоровался. Спросил разрешения присутствовать при моей тренировке. Этот подсматривать не станет. Не так воспитан. Вежливо попросил.

Разрешил, конечно. Разве можно ему отказать? Да и, честно сказать, хочется показать класс настоящему специалисту. А заодно и всей остальной швали. Пусть боятся. В смысле, пусть шваль амаликянская боится. Двани, конечно, не испугаешь.

Начал крутить свой любимый веер — комбинацию из 104 движений. Сначала медленно и по прямой. Потом сделал крест, и уже быстрее. Закончил шестиугольной звездой с довольно приличной скоростью.

Максимальную скорость на всякий случай демонстрировать не стал. Совсем раскрываться тоже не стоит.

Да и вообще, скорость здесь дело десятое. Важнее полное расслабление, предельная координация всех частей тела, плавность переходов из одних статических устойчивых позиций в другие статические, тоже устойчивые, и абсолютный баланс тела в каждой точке:

как статической, так и в движении.

Всё должно смотреться как одно долгое, непрерывное, предельно рациональное движение. Тогда и скорость сама собой получится фантастическая. Там, где такая скорость нужна для дела.

Как учил Захри, всегда всего должно быть ровно столько, сколько надо. Всё, что сверх «надо» или меньше, чем «надо», неправильно. Это касается и скорости тоже.

Скорости и силы должно быть достаточно. Ни больше и ни меньше. Каждое движение должно быть выверено на волосок. И тоже: ни на волосок больше, чем надо, и ни на волосок меньше. Тогда и получается веер. И будет в нём музыка.

Тут уж мне точно равных нет. Как говорил Захри, у меня абсолютный слух на музыку боевых движений. Я могу повторить любой веер, один раз посмотрев. Другим профессионалам, чтобы выучить сложный веер, требуются недели, месяцы. Большинство же людей вообще не сумеют повторить никогда.

Я и сам могу создавать веера. В зависимости от местности, количества и качества противников. У профессионалов обычно реальный бой получается как комбинация из кусков, взятых из разных вееров, с более или менее гладкими переходами между этими кусками. У меня же почти всегда реальный или тренировочный бой смотрится как один гладкий, красивый и страшный веер.

Ну и наконец, хоть это и плохо, но я очень люблю показуху. Люблю, когда на меня смотрят. Ничего с собой не могу поделать. А тем более, когда смотрит такой спец, как Двани.

Я-то видел, как он сам двигается. Такое доступно только специалисту самого высокого класса. Я такое распознаю с одного взгляда. Парень не подарок.

Так что не удержался: пару раз включил максимальную скорость, где музыка веера позволяла. Специально для Двани. Остальные, я уверен, ничего не поняли. Да и просто не заметили.

Хотя для Двани можно было бы и не выпендриваться. Уверен, он и сам поймёт, какую скорость можно дать в таком веере и что в этих веерах главное. Но, говорю же, не выпендриваться не могу.

Закончил последний веер как положено — на абсолютно спокойном дыхании. Высший класс. Я могу веера часами крутить, ни разу дыхание не собою.

Мы с Захри очень любили это делать, и именно часами. То один веер задаёт, то другой. При этом каждый старается придумать какой-нибудь неожиданный поворот или продолжение — чтобы сбить дыхание другому.

Двани, сидя на корточках, всю тренировку как замороженный следил за моим танцем.

Закончив, я подошёл к нему и сел на корточки напротив. Помолчали. Наконец он сказал: «Это невозможно. То, что ты делал. Это невозможно, но я видел: ты это делаешь. Я бы пошёл к тебе в ученики, но, боюсь, по возрасту не потяну. Этому надо с детства учиться».

У меня даже уши запылали от его слов. Не знаю, что можно на такие слова такому человеку ответить. Но знаю: ради таких моментов стоит жить.

Просто сказал Двани спасибо. Пожали друг другу руки, и я вернулся к себе в шатёр.

В шатре развивались свои события. Чем-то они напоминали мое утро. Только здесь выпендривался Аарон, а роль Двани исполняли лекари вождя.

Аарон склонился над разложенным на полу Фарнаком и медленно водил руками вдоль раненого бедра парня. Рана затягивалась на глазах.

Лекари вождя сидели на корточках возле стенки шатра и, как загипнотизированные, следили за действиями Аарона.

У другой стенки лежал на полу, вытянувшись во весь рост, спящий Аззан. Как он мне потом рассказал, после процедур Аарона у него на животе и на ногах даже шрамов почти не осталось.

А ведь это ещё только Аарон. Всё-таки это не его специальность — людей лечить. Посмотрели бы эти лекари, как работают ребята из племени Асира — профессиональные врачи и знахари.

Удивительный человек этот Аарон! Дерётся так, что даже мне любо дорого смотреть. Лечит так, что даже лекари-профессионалы сидят одуревшие от увиденного. Знает столько, что даже умница Ор с его неисчерпаемыми познаниями безоговорочно принимает любые уточнения и замечания, если они исходят от Аарона. И это только то, что я своими глазами видел.

Наверняка он ещё много чего и умеет, и знает. Причем всё это воспринимается как само собой разумеющееся и ни коим образом не влияет на место, занимаемое Аароном среди других людей.

Тот же вождь амаликян. Я ему интересен, а Аарон почему-то нет. Вождь сказал очень забавную фразу: «Ну, Аарон — это понятно, но вот пацаны — это да». Чего понятно-то?

Или Корей со своей командой. И уважают, и ценят Аарона, но поставить его наравне с собой и в голову не приходит. Не говоря о том, чтобы поставить выше себя.

Возьмём того же Ора. Цитирую: «Есть среди сыновей Аарона славные бойцы, но сам Аарон на первосвященника не тянет». Почему? Откуда это? Дети у Аарона достойные, боец он отчаянный, уважают его во всех племенах, знает много, умеет много. А вот на первосвященника, видите ли, не тянет.

Я думаю, это от Аарона самого идет. Аарон сам себя не уважает. Сам боится претендовать на место первосвященника. Сам себя ставит ниже того же Корея. Окружающие это чувствуют и реагируют соответственно.

Аарон никогда не говорит от своего имени — так, чтобы было ясно его собственное мнение. Всегда что-нибудь типа *«как считают некоторые мудрые люди...»* или *«меня учили...»* и тому подобное.

Сплошные комплексы у человека. Особенно он осторожен в высказываниях, касающихся древности родов. Да, у каждого свой скелет в шатре.

Интересная штука — жизнь. Чем же это мужика так обломало? Из детства корни растут, не иначе. Думаю, Амрам-отец свои комплексы и проблемы передал. Та самая пресловутая ситуация со старшинством рода.

По всему, характер у Амрама был ещё тот. Вот и задолбал сына. Требовал от него всего возможного и невозможного. Так и вбил в парня ощущение ущербности.

Сильный, смелый, всё знает, всё умеет. Вот только поставить себя на правильное место среди других не может. И других на правильное место подвинуть.

Ну да ладно, у меня, слава богу, таких проблем нет. У меня и место особенное и занимаю я его плотно. Других желающих на это место как-то не предвидится. А появятся — буду только рад. Уступлю, не задумываясь.

Потом был пир. Наша четвёрка сидела по правую руку от вождя за отдельным столом. По левую руку от него сидели 12 воинов. Как я понял, князя племени. Все молодые и здоровые, как быки.

У нас, у евреев, эти почётные места занимали бы старейшие. Но у амаликян, как и у многих других племён, живущих преимущественно разбоем, стариков не уважают. Обычай, традиции, род мало что значат.

Царит культ физической силы. Уважают молодых и крепких. Сильные едят жирное и лучшее, старики, женщины и дети питаются остатками после них. Нам, евреям, их не понять. Впрочем, как и им нас.

Первое слово сказал вождь. Хорошо сказал. За дружбу между Амаликом и Израилем. Аарона братом назвал. Предложил ему перейти на *ты*. Потом говорил Аарон. Тоже за дружбу, за сотрудничество. Сказал тост и выпил вина. Вино он обычно не пьёт: не любит. Но тут, видимо, так положено. Иначе не поймут.

Всё, как нам обещал Моисей. Никаких проблем — добрая и сердечная обстановка.

Брали слово князя. Начиная с первого по левую руку от вождя и далее строго по порядку. Большая часть речи — славословия в адрес вождя. Потом несколько хвалебных слов в адрес предыдущего выступающего. В конце тост за дружбу и сотрудничество с Израилем.

Обстановка резко отличается от вчерашнего пира. Сегодня всё очень официально. Хохмить никто и не пробует.

Я впервые присутствую на таком мероприятии. И многие вещи на мой свежий взгляд выглядят очень смешно.

Например, вождь замечает, что у Аарона пустая чаша для вина. Он укоризненно смотрит на сидящего слева от него вельможу. Тот вскакивает, делает двумя руками сложное движение, сначала прижимает обе руки к груди, потом выбрасывает открытые ладони в сторону вождя и разводит их в стороны с глубоким поклоном. Сие, по-видимому, означает и извинение, и обещание, что сейчас он всё исправит. Потом укоризненно смотрит на следующего по рангу. Тот вскакивает и повторяет те же движения, и эта волна проходит через весь стол до последнего в ряду.

Этот последний подзывает раба-распорядителя и сурово ему что-то выговаривает. Раб-распорядитель делает жест рукой. К Аарону подбегает виночерпий и с поклоном наливает ему вина в чашу.

Всё это повторяется практически по любому поводу и на любом уровне. Меняется только количество задействованных лиц. Если вино кончается у вельможи из середины стола, то его обслуживают все, сидящие слева от него и до последнего в ряду.

Хотя я уверен: если контроль за тарелками и чашами возложить на команду подавальщиков во главе с распорядителем, то все чаши и тарелки будут постоянно полными и никто даже и не заметит, как это произошло.

У нас, у евреев, так и делается. Без всякой показухи. Амаликяне же так свое уважение вышестоящим начальникам демонстрируют. Быки недоразвитые.

Посреди застолья появился начальник охраны. С поклонами приблизился к вождю и что-то тихо на ухо ему доложил. За столом стихли все разговоры. Что-то случилось.

Вождь не то что бы был в растерянности, но, скажем так, был в сомнении. Наконец он принял решение, дал указание начальнику охраны и обратился к Аарону:

— Извини, Брат, нам придется прервать наше приятное застолье. У нас новые гости, и они хотят видеть тебя и твою команду немедленно. А ты знаешь, желание гостя для нас закон. Пойдём к ним на встречу. Нехорошо, когда гость ждёт.

Аарон встал, поблагодарил вождя и всех присутствующих за приятную компанию. Сказал ещё, что он надеется на скорую встречу и рад заполучить новых друзей среди

прославленных воинов Амалика.

Вождь и за ним вся наша команда во главе с Аароном вышли из-за стола. К ребятам подбежали четыре раба с носилками. Но парни отказались категорически.

Перед вождем как из-под земли возник Двани со своим посохом. По бокам встали телохранители — мои неслучившиеся противники. Интересно, а кто сейчас охраняет священный зад вождя? Как я понял, Муши уже не вернется к своим обязанностям. Но кто-то, наверняка, его уже заменил.

Вождь с интересом наблюдал, как выглядят и двигаются наши ребята. Не смог скрыть своего удивления, но сказать ничего не сказал. Хорошо Аарон сработал. Только ещё вчера на ногах не стояли, а сегодня двигаются совершенно нормально, почти без проблем. Так что я вождя понимаю: есть чему удивляться.

И опять, только что уже я сам сказал, что, мол, Аарон не лекарь. Вот если бы был кто-нибудь из племени Асира, то вот тогда был бы класс.

А почему это он не лекарь? И почему сейчас это не класс? Почему я уверен, что обязательно найдётся кто-то, кто мог бы сделать лучше, чем Аарон? Просто гипноз какой-то.

Я уверен, что и вождь сейчас думает: «Какие же у евреев должны быть лекари, если даже Аарон может такое делать?».

Точно гипноз. И гипнотизирует всех, включая себя самого, сам Аарон.

Прошли через весь стан. Вождь со своей охраной шёл не оглядываясь. По правую руку от него шли Аарон с Фарнаком и Аззаном. Я занял позицию чуть сзади всей группы, фактически заняв место Муши.

На этот раз вождь двигался довольно медленно, не спеша, с достоинством. Не то что вчера. Вчера этот гад специально шёл быстро. Чтобы я за ним вприпрыжку бежал. Никогда я ему этого не забуду.

Из всех шатров выбегали вооруженные воины и строились в отряды возле своих воевод. Хорошо оттренированное войско. По всему видать, вождь свое дело знает. Не зря амаликян так все боятся. Серьёзное войско, хотя и бандиты. Построившись, отряды тут же исчезали. Некоторые двигались за нами, но большинство уходили своей дорогой.

Понятно, почему мы двигаемся так неторопливо. Вождь даёт своим время собраться и занять правильные позиции.

Прошли через весь оазис до границы с пустыней. И тут наконец-то мы увидели, из-за чего весь переполох.

На границе оазиса стояли воины Вениамина. Впереди три человека — князя племени. По левую и правую руку от них застыли по десятку рослых и могучих воинов. Охрана.

У каждого за поясом короткий меч. В левой руке небольшой круглый щит из кожи буйвола. В правой короткое тяжёлое копьё с длинным бронзовым жалом.

За ними стояли рядами чёткие сотни солдат, разбитые на десятки. Боевая пехота, готовая к бою.

Позади пехоты рассредоточились лучники и пращники, заняв удобные для обстрела позиции на вершинах барханов.

У меня даже дух перехватило от этой красоты. Главное, всё это не производило впечатление какой-то кучи народа. Перед нами стоял единый, могучий и свирепый зверь.

Я, который вообще никогда и ничего не боюсь, и то ощутил полное бессилие перед этим зверем. И, надо заметить, это было очень сладкое ощущение. Здорово быть евреем. Такое вот это ощущение.

Вождь обратился к Аарону:

— Брат, мы, кажется, решили все наши проблемы. Пора вернуться и продолжить наш пир. Не сочти за труд, передай мое приглашение князьям Вениамина. Пусть присоединяются к нам. Я и мои воеводы будем рады видеть этих прославленных воинов за нашим столом. Остальных тоже не оставим голодными. У Амалика умеют хорошо принять гостей... И друзей.

Аарон вежливо поклонился вождю и пошёл в сторону вениаминян. Подошёл к князьям. Обнялись, как положено евреям. О чем-то довольно долго говорили. Князья дали указания десятникам охраны и вместе с Аароном пошли в нашу сторону.

Вождь стоял с каменным лицом. Как я понял, появление еврейских воинов не было для него неожиданностью. Разве что он не ждал вениаминян так скоро.

Теперь понятно, что ему вчера рассказал его воин и почему он так резко поменял свое поведение после этого донесения.

Ясно, и как у него оказались еврей-предатели: хотели спрятаться от гнева евреев и мести соплеменников. А ещё мне показалось, что, когда Аарон с князьями пошёл к нам, вождь еле заметно вздохнул с облегчением.

Так-то, знай наших, босяк. Но надо отдать должное его реакции. Выкрутился он классно. С лёту принял правильное решение.

Подошли. Аарон представил князей. Это были Авидан, Фалтий и Елидад. Говорил Авидан. Поблагодарил вождя за приглашение. Сказал, что они будут рады сидеть за одним столом с прославленными во всём мире воинами Амалика. Спросил разрешения сначала совершить омовение и молитву.

Вождь ответил, что желание гостей для него закон, и предложил всем пройти в гостевой шатёр, куда подадут всё необходимое. Подозвал начальника охраны и раба-распорядителя. Дал им указания, и мы все вместе вернулись в стан.

Вождь пошёл к себе, мы с князьями пошли к себе — в гостевой шатёр. Всего второй день мы здесь, а этот шатёр стал нам как дом родной.

Правильно говорил Захри — время меряется не количеством дней: *от и до*, а количеством событий в этом *от и до*. А этих самых событий у нас за неполные два дня было под завязку.

И не только у нас. Как рассказали нам князья и как мы узнали более подробно позднее, этих событий было под завязку у всего Израиля.

Аарон вчера, перед моим предполагаемым боем с охраной вождя, передал через молитву всем племенам сообщение о ребятах и о нашей ситуации здесь.

Пусть это и не древние времена, когда каждый еврей мог принять такое сообщение, но всё равно во всех племенах ещё оставались люди, которые могли так общаться.

Большинство евреев узнали о событиях в пересказе этих людей. И, как всегда, усиленном и расцвеченном эмоциями рассказчиков. Это ещё усугубило ситуацию. Поднялся весь народ Израиля.

Вениаминяне бросились искать Шембелу и Ханамаха. Не нашли: они фактически и не жили в стане, большую часть времени проводили на базаре в Мигдоле. Отыгрались на семьях предателей. Забили всех камнями. Всех, включая женщин, детей, стариков.

В Мигдоле предателям вместе со шпионами Амалика удалось ускользнуть от расправы. Одним из этих шпионов и был воин, принесший вчера весть вождю.

Евреи разгромили все постоянные дворы и таверны амаликян и людей моря.

Содержателей, поваров, подавальщиков и девок забили камнями или повесили. Досталось всем иноземцам. Кое-где пострадали даже люди из родственных народов Мадиама и Измаила.

По всему Египту сейчас идут отряды евреев. Поднялись все мужчины всех племён Израиля. Все, кто может держать оружие в руках.

Ор и Моисей пытаются внести какую-то организованность в эту стихию. Ор пробовал остановить погромы в Мигдоле. Моисей же, наоборот, первым бросился в Мигдол из стана иудеев и с именем Бога повел толпу евреев на иноземцев.

Ближе всего к стоянке амаликян раскинуты шатры Вениамина. Они и пришли первыми. На день, два от них отстают отряды Иуды и Симеона.

Отряды Завулона и Манассии на кораблях Завулона переправились через Нил и перекрыли амаликянам дорогу из оазиса на Ханаан. Туда же Ор направил солдатские сотни Ефрема. Вряд ли моряки Завулона и ирригаторы Манассии смогут надолго задержать воинов-профессионалов Амалика. Их задача — продержаться до прихода ефремлян.

Из земли Гесем идут отряды Рувима, Гада, Иссахара и Дана. От древней столиц Египта, города Авареса, — отряды Неффалима и Асира. Они не нужны, но удержать этих людей невозможно. Ор пробовал их остановить, но куда там...

А тут ещё бешеную активность развил Моисей. От его имени ко всем племенам побежали скороходы-иудеи с призывом Бога Израиля к евреям подниматься на священную войну.

И прав был Моисей, а не Ор. Конечно, важно было остановить амаликян и наказать предателей. Для этого достаточно солдат-профессионалов Иуды, Ефрема и Вениамина. Ещё можно привлечь купцов Симеона и моряков Завулона. Остальные же явно не нужны.

Но ещё важнее было использовать этот момент, чтобы объединить евреев в единый народ, подняв его на священную войну. Поднять на войну Именем Бога предков Авраама, Исаака и Иакова. Под началом посланника божьего, пророка и вождя Моисея.

На лету прочувствовал ситуацию Моисей. Прочувствовал и не упустил шанс. Использовал на все 100.

Мне потом Ор говорил, что он сам себе удивился, как ему такая простая мысль в голову не пришла. Он всё больше над тактическими вопросами думал: как амаликян не упустить и нас с ребятами выручить.

А вот Моисей к вопросу с глобальной, стратегической стороны подошёл и сильно свое положение укрепил. Просто молодец. И совсем он не такой тупой, как смотрится.

Я в этом месте про себя подумал, что это смотря кому что смотрится. Мне, да и другим людям попроще, Моисей уже давно тупым не кажется. Он-то у всех на виду. Он да Аарон.

А вот Корей и его умники как залезли в тень отсиживаться, да так в плотной тени и застряли. Про них все забыли напрочь. Кому нужны мудрецы учёные, когда война идёт? Так что, кто тупой, а кто острый — большой вопрос.

Ор тоже в тени, но это его принципиальная и активная позиция. Так ему удобнее действовать. А вот Корей зря так отстранился. Впрочем, ему виднее.

Меня, как всегда, никто не спрашивает. А если бы и спросили, я бы вряд ли чего им сказал. Люблю думать тихо, про себя.

Пришли рабы, принесли воду для омовения. Мы все совершили полное омовение, весь обряд. Аарон, князья и ребята вошли в молитву. Я же к медитации не расположен сейчас. Перевозбудился что-то.

Крови хочется, особенно после рассказа князей. У меня последнее время с этим постоянный облом. Вроде всё идет как надо, а потом то вождь влезет, то Муши откуда-то выскочит. Бог его, видите ли, выбрал. Ему то хорошо: он там у себя этих сук на куски режет. Кровь рекой течет.

Да ладно, какие наши годы. Будут ещё в моей жизни и реки крови, и поединки славные. В моей жизни всё это обязательно будет.

Такая это жизнь. Жизнь палача. Жизнь мангусты.

*Так было и, видимо, будет:
в лихих переломах моменты
отменно чистейшие люди
к убийцам идут в референты.*

Игорь Губерман

*Пахан был дух и голос множества,
в нём воплотилось большинство;
он был великое ничтожество,
за что и вышел в божество.*

Игорь Губерман

Вышел из шатра. Приятный сюрприз, Двани на корточках сидит. На таком расстоянии от шатра, чтобы ясно было: не подслушивает. До чего деликатный, хорошо воспитанный человек. Аарона напоминает. Как же он в эту шайку бандюганов угодил?

Подожёл к нему, сел рядом, тоже на корточки. Помолчали. Ну я-то особой деликатностью не отличаюсь. Поэтому так прямо и спросил, откуда он и как его в эту шайку занесло?

Двани рассказал, что страна его лежит далеко на север и на восток от Египта. Есть там море, есть леса, горные реки, снежные вершины. Его племя живёт высоко в горах. Чтут старших, свято следуют традициям. Поэтому для него мерзость, как относятся к старикам амаликяне.

— Вот ты воин, — обратился он ко мне. — Воин сильный и смелый. Никого не боишься. Что произойдет, если старейшины твоего племени скажут, что ты должен умереть?

В ответ я рассказал, как убил трёх парней из солдатской школы Ефрема. Все трое из знатных родов. Решали мою судьбу старики моего племени. Решили, что я не виноват. Поэтому только изгнали меня.

Если бы решили, что я должен умереть, я бы умер. Сопротивляться и в голову бы не пришло. Решение стариков для еврея закон.

У Двани была своя история, похожая на мою. И его изгнали из племени. Девушку не поделили он и другой парень. Убил того парня Двани, убил в честной драке. А был парень из знатного и богатого рода. И девушка была уже посватана за него.

Не Двани начал ту драку. Но всё равно решили старейшины племени, что должен уйти Двани. Слишком силен он, свиреп и опасен. Иначе не будет мира в народе. И Двани ушёл.

Носило его по всему свету. Служил наёмником. Охранял караваны купцов. Дошёл до Месопотамии. Ну и крутился в этих краях с купеческими караванами. Египет, Ханаан. Месопотамия.

Однажды на караван, который охранял Двани, напали амаликяне. То самое племя, в котором мы сейчас находимся. Перебили почти всю охрану. Те бойцы, что уцелели, предпочли сдаться или убежать.

Двани остался один. Многих амаликян убил, но и ему досталось. Загнали его и

оставшихся в живых купцов в угол между повозками, окружили со всех сторон.

Купцы пощады не ждали: амаликияне никогда никого из купцов в живых не оставляют.

Бандиты приготовились забросать Двани и купцов копьями. Ждали команды вождя.

Подошёл вождь. Обратился к Двани. Сказал, что Двани сильный и храбрый. Настоящий воин. Предложил ему службу у себя. Двани отказался.

— Я взял деньги, — сказал Двани. — Это значит, что умру сначала я. Купцы умрут только после меня. Таков закон моего племени.

— Хорошо, — вождь продолжил: — ты сильный и храбрый. Ты мужчина. У Амалика умеют ценить силу и мужество. Ты их не спасешь. Не хочешь служить у меня — уходи, никто тебя не тронет.

Купцы тоже ему говорили, чтобы он уходил. Ведь нет смысла в его смерти. Двани и на этот раз отказался.

Тогда вождь сделал новое предложение. Сказал, что покупает Двани у купцов. За него он оставляет им жизни и всё имущество. Они могут идти своим путем, а Двани остаётся на службе у вождя. Ещё вождь добавил, что за такого воина это не дорого. Двани много стоит.

Так Двани оказался в охране у вождя. Больше всего на него подействовали последние слова вождя. Кто же не любит, когда его так высоко ценят.

Двани замолчал. А потом, неожиданно для меня, сказал:

— Не верь вождю. Ни в чем.

Видел я у одного из амаликянских князей меч купца из того каравана. Был этот меч с купцом, когда отпустил вождь караван. Ещё раньше говорил купец мне, что фамильный это меч.

Не мог он этот меч ни продать, ни подарить. Если этот меч не с ним, то значит это, что нет купца в живых. Недалеко ушёл тогда тот караван.

Помолчали ещё. Двани продолжил:

— Прощай, Осия. Больше не увидимся. Я рад, что узнал тебя.

Вернусь к своему народу. Много времени прошло. Может, разрешат остаться. А нет, тогда пусть убивают.

Жить можно как угодно, но умирать надо по обычаям своего народа.

Мы встали, я обнял его, и он ушёл. Надо бы что-то сказать ему, предложить остаться с нами, с евреями. В конце концов, такой воин, как он, лишним не бывает.

Двани — ведь это вариант моей судьбы. Не встретить я Ора в свое время, была бы у меня судьба Двани.

Мне ведь тоже не было места у моего народа. И я слишком силён и опасен, чтобы жить среди людей.

Но я ничего не сказал. Сказать что-то — значит, пойти на конфликт с амаликиянами. Да и не остался бы он. А лишь бы словами кидаться — не мой стиль.

Всё правильно, но на душе как-то гадко сделалось. По большому счёту, идти то ему некуда. Может, и остался бы он. Если бы я предложил.

Но уж очень много проблем для меня за ним тащится. С Моисеем, с Кореём проблемы. С вождём. С тем же Ором. Некуда мне его девать.

Да ладно, не пропадет. Такие воины, как он, всем нужны.

Я вернулся в шатёр. Мои спутники сидели молча, приходили в себя после молитвы. Подсел к ним. Ещё помолчали, уже вместе.

Авидан очень осторожно приступил к теме, которая, как я понял, очень волновала

вениаминян.

— Вы говорите, что вождь сдал предателей.

Мы понимаем, Осия, у тебя сейчас дел невпроворот. Но всё равно, очень просим тебя, займись этими ублюдками. Так получилось, что ты сейчас последний и единственный мангуста. Вся надежда на тебя.

Должна эта мразь понести самое суровое наказание. Это очень важно. Важно для нас, важно для всех людей племени Вениамина. Мы заплатим любые деньги.

Предатели должны умереть, и умереть они должны лютой смертью. Иначе позор ляжет на наше племя. Мы все поклялись, что не будет нам покоя, пока живы эти мерзавцы.

Я ответил:

— Дядя Авидан, денег не надо. Я и сам обещал, что смерть предателей будет лютой. Будет так, не волнуйтесь.

Просто ситуация изменилась. Я теперь не мангуста. Нет больше школы палачей-мангуст.

Я думаю, будет лучше, если дядя Аарон Вам всё объяснит.

Аарон продолжил мою речь:

— Школы мангусты действительно нет, но палачи-мангусты есть.

С Моисеем к нам вернулся наш Бог. Бог наших предков. Бог Авраама, Исаака и Иакова.

Снова, как в старые времена, если нужно наказать предателя, Бог назначает палача-мангусту и даёт ему силу свершить казнь Божию.

Я назову того, кого избрал Бог, и вы всё сами поймёте.

Фалтий, ты помнишь Муши? Ты ведь, как и я, был с ним дружен. Так вот — это Муши. Бог нашёл и вернул Муши для того, чтобы свершил он эту казнь. Бог направил предателей в наши руки. Бог заставил амаликян отдать нам их, и Бог избрал палача — левита Муши.

Чудо это великое. Знак нам, евреям. Знак, что Бог не забыл нас.

Мы снова евреи, и снова с нами Бог.

Передайте эти слова людям Вениамина.

Скажите всем евреям: «Бог опять с нами».

Я добавил:

— Муши увёл предателей в пустыню. Сейчас они корчатся в смертных муках. Умирать будут долго. Долго и плохо. Муши своё дело знает. Не зря его выбрал Бог.

Я своё слово сдержал. Вы тоже. В этом нам Бог помог. И нет теперь позора на Вениаминовом племени.

Князья слушали нас затаив дыхание. Да и ребята тоже. Славно мы с Аароном спелись. Я как-то даже сам во всё это стал верить. И тут я вдруг понял, и Аарон в это верит. Искренне верит в то, что говорит.

А ведь если посмотреть со стороны, так мы и не ввали. Со стороны смотреть, так всё и было. Всё как-то вот так замысловато, как-то так как специально, гладко всё сложилось.

Амаликяне, ребята, предатели, Муши, я с Аароном. И уже весь Израиль поднялся. Весь Израиль как один народ. И исход евреев из Египта уже реальность, а не сумасшедший проект каких то умников-теоретиков из Академии.

Но если это специально, то тогда точно это Бога работа. Слишком много совпадений. Само по себе так не бывает. Чудо это. Как сказал Аарон, чудо великое.

Ну ладно, чудо, так чудо. Мне это без разницы. Бог на помощь тоже не ко всякому приходит.

Будь на месте ребят кто попроще, ещё не ясно, как бы всё повернулось. Да и мы с Аароном тоже сработали нехило.

Мы Бога о помощи не просили. Сам к нам в компанию напросился. А ничего удивительного: Бог любит компанию сильных и смелых. Отморозков. То есть нас.

Аарон рассказал, что он послал сообщение о наших событиях всем племенам через последнюю молитву, но он не уверен, что это сообщение дошло до отрядов иудеев и симеонов.

Они сейчас уже на марше. И, почти наверняка, не станут прерывать свое движение для молитвы. Надо их перехватить. Пока с пылу и с жару делов не наворотили.

Сделаю это я. Толку на пиру и в переговорах от меня мало, а драться с нашей стороны теперь, слава Богу, есть кому. Без меня обойдутся. Да и драки не предвидится.

Попросил князей вениаминовых, чтобы они выпили за меня мою порцию напитков, как сегодняшнюю, так и вчерашнюю. А то амаликяне что-то стали на нас с подозрением поглядывать: я не пью, ребята не пьют, Аарон почти не пьёт.

Сначала князья ничего не поняли. О способности (и готовности) вениамиян к выпивке давно ходят легенды среди остальных еврейских племён. Да и не только среди евреев. Весь Египет про это знает. Зато потом, когда разобрались, о чём я их прошу, то смеялись здорово.

Любой один из этого племени может свободно перепить как минимум трех любых других мужиков из любого другого племени. Хоть еврейского, хоть не еврейского.

Так что моя просьба попала в цель. Это моё задание им очень пришлось по душе. Сказали, чтобы я не волновался. Выполнят и перевыполнят.

С Двани я уже попрощался. С вождём прощаться не стал. Аарон взялся объяснить ему ситуацию. Не думаю, что вождь расстроится: у нас с ним чёткая взаимная антипатия. Он меня презирает: никак не может смириться с моими размерами. А я таких, как он, не перевариваю. Больших и наглых.

Вышел из шатра — и в бег. На перехват еврейских отрядов. С собой взял только бурдюк с водой. Бег — одно из моих любимых занятий. Третье, после крови и драки.

Пробегая через оазис, встретил старых знакомых — сторожевой отряд. Они, я думаю, долго смотрели мне вслед, ничего не понимая и прилично прибалдев. Опять им вроде как-то надо реагировать. Но вот как?

Ещё несколько таких встреч, и у командира точно крыша поедет. Долго ему этих издевательств не выдержать. Умею я пытаться людей. Талантливый, ничего не скажешь.

Теперь только бы не разминуться с иудеями. Но вроде не должен. Дорога хорошая тут одна. Даже и не дорога — какие могут быть дороги в пустыне? Направление кратчайшее между Мигдолом и оазисом.

Иудеи тоже должны будут держаться этого направления. Спешат и их много. Не промахнусь.

Бежал весь остаток дня и всю ночь. Практически без остановок. Я так могу бежать очень долго и с хорошей скоростью. Тут мне соперник может быть только Аарон. Или Двани. Да и то только в скорости. У них ноги длиннее. По выносливости, уверен, и их заделаю.

На рассвете почувствовал изменение в пустыне. Есть кто-то впереди. Наверняка, иудеи. Могут ещё быть отряды Симеона, но вряд ли: для них рановато.

Взбежал на бархан. По пустыне двигалась длинная лента, разбитая на четкие квадраты. Сотни иудейские. И опять то же ощущение единства. Опять передо мной единый, мощный и

страшный зверь в движении. Зрелище не для слабонервных.

Спустился с бархана и пошёл к ним навстречу. Меня заметили, и от первой сотни отделилась знакомая фигура. Размахивая руками, ко мне стремительно метнулся Халеф.

Обнял, сдавил так, что я от неожиданности даже поперхнулся. В воздух стал подбрасывать. Слон безмозглый. Я сейчас как никак лицо официальное. Но что с ним поделаешь? Разве этот придурок такие вещи может понять?

Отбиваюсь от Халефа, а самому так тепло стало, и даже в глазах запершило.

Подошёл Наасон, начальник войска иудейского. Классный мужик. Я с ним познакомился на презентации Моисея в совете старейшин племени Иуды.

Очень он мне понравился. Да и я ему. Как-то сразу симпатия обоюдная возникла, что в моей жизни, учитывая мои глазки мангустовские, событие крайне редкое.

Хотя, смотрю, люди стали реагировать на меня как-то попроще. Известность — дело хорошее.

Я им сказал, что война отменяется. Зверь иудейский без команды, но как по команде, превратился в отдельных отдыхающих людей. Какая-то структура продолжала сохраняться: люди по-прежнему держались своих десятков и сотен. Но это уже были самостоятельные люди, а не частицы единого организма.

Подожли ещё военачальники иудейские: Шела, Фарес и Зара. Я им рассказал о наших последних событиях. О ребятах и о том бое, который они дали амаликянам. О реакции вождя на этот бой. О том, как вождь сдал нам предателей.

Сказал, что было чудо великое. Бог предков снова с евреями. Рассказал о палаче-мангусте, избраннике Божьем.

Все знали, кто такой Муши, и его появление в нужный момент иудейские вожди восприняли как знак Божий. Как чудо, которое явил евреям Бог. Чудо в подтверждение полномочий Моисея как вестника Божьего. Чудо как приказ Бога евреям уйти из Египта, уйти на землю предков.

Ещё я рассказал об отрядах Вениамина, которые первыми пришли на помощь и были готовы без колебаний вступить в неравный бой за собратьев евреев. Амаликян в оазисе было намного больше, чем воинов Вениамина.

Это был весьма тонкий момент. Среди остальных еврейских племён разгорались серьёзные страсти по поводу вениаминян. Много претензий накопилось у евреев к этому племени. Со всех сторон шли призывы поднять Израиль на войну против них. Сначала разобраться с Амаликом, а потом покончить с Вениамином. За предательство и измену.

Теперь, после того как отряды Вениамина первыми бросились в бой, вся эта кутерьма прекращалась сама собой.

Мне оставалось перехватить отряды Симеона по дороге на оазис. Если, конечно, они ещё не получили сообщение, посланное Аароном через молитву.

Учитывая, что отряды составляли в основном из молодежи, способной к быстрому и продолжительному бегу, а умение слушать в молитве — это обычно способность людей старшего поколения, скорее всего среди этих отрядов не должно быть людей, умеющих общаться через молитву.

И ещё, учитывая ненависть купцов Симеона к амаликянам, молодежь эта сразу рванётся в драку при первом же контакте с заклятым врагом. Эти не будут разбираться, как князя Вениамина. Полежут в драку и получат.

Драться, как вениаминяне, они не умеют, а вождь амаликян со своим войском —

противник серьёзный. На крик и энтузиазм его не возьмешь.

Иудеи повернули и пошли назад, уже не спеша, более длинной, но удобной дорогой, где встречаются или оазисы, или просто колодцы с водой.

Я же с Халефом и его десятком рванули в бег по короткому пути навстречу симеонянам.

Встреча произошла незадолго до заката. Возглавляли отряды симеонян Цуришаддай, Аммиуд и его сын Самуил, совсем ещё молодой парень, может, чуть постарше меня и Халефа.

Ну и конечно, первым встретил и обнял нас Салех. Он хоть и не очень-то вписывался в это войско по возрасту, но я не сомневался, что он бросится нам на подмогу, не будет сидеть в стороне.

Я рассказал вожакам симеоновых отрядов о наших событиях. Они восприняли то, что случилось, двояко. С одной стороны, они, как просто люди, не очень-то обрадовались нашему замирению с амаликянами. С другой стороны, как люди деловые, не могли не оценить преимуществ такого мира.

Я опасался, что эмоции возьмут вверх над рассудком. Но, к счастью, этого не произошло. Такое случается только с такими придурками, как я. Когда клинит, и плевать на деньги и вообще на всё.

Да и выбора у них не было. Сами они против амаликян не потянули бы. Они же купцы, а не солдаты. Купцы дерутся только тогда, когда все остальные возможности исчерпаны.

Мир с амаликянами давал им большие преимущества перед купцами других племён. Сулил большую прибыль. Что-что, а прибыль считать они умеют.

Так что считай, что с радостью, повернули отряды Симеона к своим кочевьям, в сторону Мигдола.

Мы пошли с ними. Мне уже некуда было спешить. Халеф шёл к себе, в шатры Иуды. Мне тоже туда надо. Там должен был ждать нас Моисей, и туда же должен был вернуться Аарон.

Моисей действительно ждал нас у Иуды в стане. Мы дождались Аарона и вместе вернулись к Ору в таверну.

Оттуда от имени Моисея побежали гонцы по племенам с приглашением к знатным людям и вождям Израиля на общее собрание.

Как всё резко изменилось. Ещё недавно мы были счастливы, если старейшины какого-нибудь племени соглашались принять нас у себя. А теперь посылаем им приглашение на общее собрание у нас в штабе. И не сомневаемся, что это приглашение будет принято.

В назначенный срок потянулись по Египту из всех 12 племён Израиля караваны ослов с поклажей. С караванами прибывали знатные люди племён. Вожди складывали к ногам Моисея дорогие подношения — вклады племён в финансирование планируемого Исхода.

После Моисея люди шли к Аарону выразить ему свое почтение. Досталось и мне. Много связей накопил я за это время. Связей и друзей.

Нашли меня князь Нафанаил, отец Аззана, и князь Елицафан, отец Фарнака. Благодарили за сыновей. Нафанаил подарил дорожные разноцветные одежды работы ткачей Дана. Елицафан поднес тяжелый боевой посох красного дерева, откуда-то с верховьев Нила, и роскошный кубок для вина, украшенный резьбой и драгоценными камнями.

Вопрос только, что мне с этим делать. Одежды эти я носить не буду. Это точно. Посохом никогда не пользовался и пользоваться не буду: я же пальчиками работаю, живым телом по живому телу. Кубок мне тоже ни к чему: вино я не пью.

Но всё равно приятно. Люблю, когда уважают. Да и не дарили мне до сих пор никогда и ничего. Продам в случае чего. Деньги будут. Хотя продавать мне, наверное, нельзя. Как торговаться начнут, я тут их сразу и поубиваю.

Князя Вениаминовы домотались. Требовали, чтобы я с ними выпил, если я их уважаю. Еле отбился. Сказал, что уважаю, но пить не буду. Смеялись сильно, хотя сам я, в чем юмор, не понял.

Хорошо Салех подошёл, принял удар на себя. С ним ещё двое парней из симеонян. Он их привел со мной знакомить.

Сели за стол. Пили здорово. Много ели, много хохмили, много смеялись. Ор к нам подсел. Чуть позже подошли Наасон и Халеф. Халеф, кстати, на собрание приехал уже сотником. И сотня его элитная — на спецзаданиях.

Хорошая получилась компания. Все пивцы-выпивохи знатные. В результате боевая ничья. Вместе сели за стол, вместе встали. И все ушли на своих ногах, хотя и шатало сильно.

Лично мне не хватало только братьев рувимлян. Вот кого ещё я был бы рад видеть. Но их на собрании не было.

Хотя третий из их компании, Авиян, родственник братьев, здесь появился. Но ко мне не подошёл. Раскланялись издалека.

Он всё время держался поближе к Моисею. Да и Моисей его явно выделял среди других гостей.

Ор размещал гостей неподалёку от таверны, выделяя каждому место под шатры. Народу приехало много. Знатные люди всех племён. Да ещё охрана, да обслуга. Селение хорошего размера получилось. Но место всем нашлось. Обиженных нет. А есть праздник.

Люди решились и словно тяжесть с плеч своих сбросили. Так вроде незаметно, но обстановка в Египте душила народ Израиля. Обиды мелкие и большие. И невозможность на них ответить надлежащим образом.

Фараон убогий, чиновники обнаглевшие. С детьми проблемы. Умирание традиций. Умирание ощущения — *я еврей*. Умирание гордости, осознания, что это значит — быть евреем.

Понимание, что так дальше жить нельзя. Понимание, что рано или поздно что-то решать будет надо. Так продолжаться не может. Или исчезнет народ Израиля, или надо уходить.

Люди решились, и лица их просветлели. Ничего ещё не ясно. Что делать, как делать. И ясно, что ждут народ Израиля большие испытания. Нелёгкой будет эта дорога. Нелёгкой и опасной. Дорога сквозь кровь. Не все дойдут до конца. Не все увидят землю святую.

Но люди решились, и отпустило их удушье. Вздохнули полной грудью воздух. Свет и радость на их лицах.

А потом было собрание. Говорил Моисей. Говорил, как всегда, коряво и путано. Но никого это не трогало и не волновало. Каждый лозунг, каждое обращение к Богу вызывало бурю торжествующих криков. Ликовал народ Израиля. И все видели, что речь Моисея боговдохновенная. Бога это были слова. Истину видел народ в каждой фразе, в каждом слове. Хотел видеть и видел.

Поклялись евреи Моисею как пророку и вождю богоизбранному. Поклялись в верности и покорности.

Первыми принесли присягу старейшины левитских родов во главе с Аароном. Сбылась мечта Аарона — снова стал род Амрама старшим и первым среди левитов.

Подходили и присягали Моисею старейшины еврейских племён. Начали со знатных людей Рувима — старшего еврейского племени; закончили старейшинами Вениамина — младшим еврейским народом. Каждая клятва сопровождалась одобрительными криками людей собрания.

Потом был пир. Везде жарили мясо и рыбу, текли реки вина и крепких напитков, лежали горы фруктов, овощей и горьких трав от Иссахара. Люди ходили от одного костра к другому. Везде пели и танцевали.

Царили дети Неффалима: певцы, поэты и музыканты. На ходу сочинялись и исполнялись хвалебные песни в честь Бога и народа Израиля, в честь вождей Моисея и Аарона, песни и стихи о священной и желанной земле предков. Земле, где течёт мёд и молоко.

Моисей и Аарон всегда появлялись вместе. И всегда их встречали восторженные приветственные крики израильтян. Это был их триумф. И триумф заслуженный. Триумф народа Израиля и вождей Израилевых.

Ну а нам, мне и Ору, было хорошо. Поработали мы на этот триумф славно. Да и Бог не подкачал: всегда был под рукой. В самые тяжёлые моменты чувствовали мы его дыхание где-то слева и сзади. Дыхание и поддержку.

Только вот Корею и его команде, я не думаю, что теперь также хорошо. Теперь им ещё очень предстоит доказывать, кто они и зачем. Сами виноваты.

Если честно, меня это радует. Не люблю я Корея. Характер у меня такой: всё помню, никогда ничего не прощаю.

Но всё когда-то кончается. Кончился и праздник. Все стали разъезжаться. В первую очередь подходили к Моисею. Потом прощались с Аароном, с Ором.

Ну и меня не забывали. Как же такое забудешь. Многие явно хорошо ко мне относятся. Просто и хорошо. Но у всех есть и такой нюанс: с мангустой за одним столом сидели. Такое не каждый день случается, да и не каждому дано.

А мне это нравится. Действительно, ведь не с каждым за стол сяду. Честь это для любого. Правильно они это воспринимают.

Как только старейшины разъехались, Моисей и Аарон рванули к Корею. С докладом. Ор задержался в таверне. С хозяйственными делами. Надо всю эту кучу разгрести. Без хозяйского глаза это вряд ли правильно случится.

Меня к Корею не взяли. Тоже правильно. Я сейчас без вина и без крови одуревший. Могу под горячую руку делов натворить... Так мне Моисей заявил.

Хотя я вроде как в истории с амаликянами доказал, что просто так на рожон не лезу. И какой ни есть дурной, но в дипломатии тонкой никому ничего не порчу.

Но это как со званием хохмача. Попал в хохмачи или буяны — изволь соответствовать. А и не будешь соответствовать — всё равно от каждой фразы все будут угорать от смеха, если ты хохмач, или будут делать испуганные глаза в любой невинной ситуации, если записан в бешеные.

А ещё, случились на этом собрании очень интересные вещи. Например, никто и не вспомнил о нашем походе к амаликянам и что там произошло.

Все как-то разом забыли о колебаниях племён — признавать Моисея пророком богоизбранным или нет.

Получилось так, что все евреи сразу поняли, что этот человек принёс им весть от Бога. И все евреи сразу, с восторгом и без колебаний, восприняли долгожданный приказ Бога об

исходе из Египта.

Как будто не было наших тасканий по племенам, не было отчаянной схватки ребят с амаликянами, не было предателей-вениаминян.

Заодно забыли и героический марш-бросок воинов Вениамина нам на выручку. Никто не вспомнил о Муши, палаче-мангусте, избранном Богом.

Ну, хорошо, С Моисеем всё ясно. Он в такой ситуации как рыба в воде. Что надо, забыл, что надо, слегка подвернул в свою пользу. И вот уже у всех на виду мудрец и провидец, партнер и друг Бога.

Главное, такой поворот событий всех сразу устроил. Умеет Моисей с толпой работать. Толпа — это его стихия.

Но Аарон? Он-то как на это пошёл?

Ведь это тот самый Аарон, кто не колеблясь, с обнажённым мечом встал перед пацанами еврейскими, один против орды амаликян.

Это тот Аарон, кто блестяще провел тонкую дипломатическую игру против вождя амаликян в сложнейшей ситуации, в которую нас втравил тот же Моисей.

Мне что всё это приснилось? Да... Политика — дело тонкое. Не для таких отморожков, как я.

А с другой стороны, что это я развыпендривался так? Да ещё и сам перед собой?

Я ведь у амаликян тоже не сложа руки стоял. И всё дальнейшее себе как-то иначе представлял. Слова публичные всякие хорошие. Мол, молодец, герой, воин великий.

А оказывается, все эти места уже заняты. Вон он ходит. И молодец, и герой, и воин великий. А также мудрец, вождь, пророк и Богов личный друг. Моисеем его зовут.

Так что я от Аарона не так уже далеко ушёл. Сам-то я перед собой отчаянно выступаю. И на людях тоже храбро держу фигу в рукаве. Но так, чтобы никто этого не заметил, упаси Бог.

Да ладно, я чего-то лишнего нагнетаю. Мне грех плакаться. Мне доказывать никому, никогда и ничего не надо. Меня и так всегда видно. По делам отчаянным.

Это Моисею надо ловчить и выкручиваться. Себе чужие дела приписывать. За мной и так всегда много чего числится.

Я БОЛЬШИЕ ДЕЛА хотел? — хотел. И я их имею. А славы всенародной в моем заказе не было. Правильно надо свои желания формулировать. Сам виноват.

Ждут теперь и меня, и весь народ Израиля ОЧЕНЬ БОЛЬШИЕ ДЕЛА. И не когда-то там в будущем, а очень скоро. Вот они, уже в руках бьются.

Теперь точно и из Египта уйдем, и в земли заветные войдем. И пусть только попробует кто-нибудь нам помешать. Порвем на куски.

Лично я порву, Осия сын Нава, мангуста именем Божьим.

Послесловие к первой части. Оно же предисловие ко второй

*Нам глубь веков уже видна
неразличимую детально.
И лишь историку дана
возможность врать документально.*

Игорь Губерман

*Никто и никогда не начинает партнёрство с намерением
кинуть партнёров. Сначала все всегда намерены вести бизнес
честно. Идея кинуть партнёров почти всегда возникает позднее.*

Мой друг Илья Молдавский

*Убери это слово. Тогда так не говорили.
Советы первочитающих. Слова у каждого разные.
Иногда очень неожиданные.*

*Господа ковбои, не стреляйте в пианиста!
Он играет как умеет.*

Скорее всего это из Марк Твена.

Закончена первая часть этого не то боевика, не то детектива. Часть героическо-романтическая.

Подведём итоги: К этому моменту я определил почти всех главных героев моего детектива. Наметил основные связи между персонажами.

Есть ещё два супер-героя, на фоне которых идёт всё действие. Это Бог евреев и народ Израиля.

Повторюсь, первая часть книги романтическая и героическая. Пока ещё ни у кого (почти) нет идеи кинуть партнёров. Пока ещё все герои — это партнёры, которые намерены играть вместе и честно. Какая-то гнильца кое-где уже проступает, но главное — пока ещё ВСЕ хотят БОЛЬШИЕ ДЕЛА.

Все главные герои моей книги имеют библейские прототипы. Среди второстепенных есть и такие, чьи имена Вы в Библии не найдете. Я их придумываю по мере надобности, но всегда появление этих персонажей следует логике повествования: без чего-то такого гладко не состыкуешь некоторые библейские события.

Надо заметить, что в окончательном варианте первой части таких, выдуманных от начала и до конца, персонажей осталось не много. В первых вариантах их было значительно больше.

Хороший пример — трактирщик Ор. Сначала я его выдумал. Нужен был мне этот персонаж. Без него не связывалось.

Всегда, если где-то что-то происходит, есть там такой человек. Эти люди действуют из тени, их имена почти никогда не попадают в историю. Но без них ничего не случается. Без них остаются только умные разговоры и утопические прожекты.

Я и имя ему придумал — Ишом. Врядли еврейское — в Торе такого имени нет. Но красивое и хорошо в текст легло.

И только начав работу над второй частью книги, я вспомнил про совершенно загадочную личность из Торы — про человека по имени Ор.

Только в двух эпизодах Торы упоминается этот человек. Но в каких эпизодах! И как упоминается!

Когда во время сражения евреев с амаликянами у Моисея от страха началась паника, отказали ноги и опустились руки, его с двух сторон подхватили два человека. Это были Аарон, один из самых известных героев Торы, и Ор, личность до этого эпизода абсолютно не известная.

Есть ещё одно, второе и последнее, появление этого героя в Торе: уходя на гору Синая за скрижалями и законом Божьим Моисей скажет старейшинам Израилевым: «вот Аарон и Ор с вами; кто будет иметь дело, пусть приходит к ним».

Это всё. Всё, что мы знаем из Торы про этого человека. Есть только имя и масштаб личности. Но какой масштаб! Дух захватывает.

Пора начинать цитировать самого себя. Как сказал Осия про Ора в одной из глав моей книги: «Ясно, что крут, ясно, что не последний человек в этой тусовке. А вот откуда пришёл, что в жизни делал, как во всё это попал, — ничего. Пустота».

Эта пустота и есть самое чарующее и таинственное в этом образе, неясной тенью мелькнувшем перед нами в бездне времён. Это ведь Тора. А Тора умеет создавать впечатление не только через информацию, но и через отсутствие её.

Далее всё просто, контекстная замена имени Ишом на имя Ор и библейский Ор лёг в мой детектив так, как будто это так и было задумано с самого начала.

Загадка Ора породила настоящий вулкан идей и версий у евреев, исследователей и почитателей Торы, — начиная с Иосифа Флавия (родился в 37 году нашей эры) и заканчивая, естетственно, мной.

Иосиф Флавий, ссылаясь на некое древнее еврейское предание, записал Ора в мужья Мириам, сестры Моисея и Аарона. Пусть это будет на его совести. Как еврей еврею хочу ему сказать — смешно читать такую чушь.

Кто-то из христианских теологов (не помню точно кто именно) произвёл Ора в сыновья Халефа, соратника Иисуса Навина. Учитывая, что в начале исхода Халеф был совсем молодым человеком (иначе он ни как не мог бы пережить и 40 лет скитания по пустыням, и войны Иисуса в Ханаане), а Ор уже в начале исхода был очень солидным и уважаемым евреем (судя по всему где-то возраста Аарона), эта конструкция выглядит ещё загадочнее, чем сам Ор.

Источник самой идеи понятен. Есть в Торе ещё один Ор, сын Халефа и дед Веселиила, знаменитого художника. Моисей, следуя рекомендации Бога, назначил Веселиила главным начальником при создании Скинии и ковчега Завета.

Учитывая, что Веселиил во время исхода был известным мастером и, по всему видать, солидным и авторитетным человеком (иначе его бы начальником на такое серьёзное дело не поставили), его дед Ор чисто по возрасту не может быть нашим Ором. И уж тем более Халеф, соратник Иисуса Навина, не мог быть отцом Ора и, следовательно, прадедом

Веселиила. Наш Халеф и Халеф из генеалогического дерева Веселиила только тёзки. У них и отцы разные.

На фоне всей этой белиберды, моя версия Ора выглядит если и не убедительней, то, по крайней мере, намного интересней.

Тут будет уместно сделать одно замечание. У большинства читавших какие-то варианты моей книги возникало недоумение: почему я называю её детективом.

Это большинство составляют люди, которые никогда не читали Тору или читали её не очень внимательно. У читателей, которые изучали Тору внимательно и вдумчиво, такой вопрос не возникает. Им понятно, почему это детектив.

Тора это волшебный мир, полный тайн и загадок. Ни в одном детективе нет их столько. Появляются какие-то загадочные персонажи. Загадочно появляются и не менее загадочно исчезают. В процессе чтения постоянно приходится строить конструкции, объясняющие прочитанное.

Еврей-читатели знают: каждое прочтение Торы равноценно разработке очередной версии захватывающего и запутанного детектива.

Я не исключение. Эта книга и есть моя версия событий Исхода. Только я, в отличие от большинства других читателей, взял на себя смелость (или наглость) записать свой вариант.

Для того, чтобы обеспечить согласованность событий из еврейской истории в моей версии, мне пришлось ввести в повествование события, персонажи и конструкции, не существующие в Торе.

Одна из таких придуманных конструкций это школа мангуст, школа палачей и убийц. Школа Захри.

Касты, школы, секты — даже целые государства убийц. Без этого не обходилось ни одно развитое сообщество в древнем, да и не очень древнем, мире.

Государство ассасинов у мусульман, инквизиция у католиков, цеха палачей в средневековой Европе, касты убийц-душителй в древней Индии. Казнь 1001 куска в Китае: надо было отрезать кусок за куском от казнимого и умереть человек должен был на тысяча первом куске. Не раньше и не позже. Нинзя в Японии: целые семьи с врожденными сверхъестественными способностями к убийству. И это ещё не все примеры.

Обязательно было нечто такое и у евреев в Египте. В Торе ничего про это не сказано, но ведь надо же как-то объяснить библейский садизм Осии — Иисуса Навина, его тягу к крови. Отрезал он лично и прилюдно головы у пленных вождей. Есть это в Торе.

Принято объяснять это его поведение патологией того времени. Все, мол, тогда были садистами и палачами. Такова традиционная точка зрения. Я уже говорил в предисловии к первой части, что это не так. Не было это свойственно тому времени.

Можно объяснять эти черты характера личной патологией Иисуса Навина. Так бывает, но это неинтересно. А вот если Осия — ученик школы палачей-убийц, человек-мангуста, то тут всё сходится. Профессиональное у него это.

Ещё нам надо объяснить себе, как это не такой уж и знатный и очень уж зелёный юноша Осия (по Торе, изначально, мальчик на побегушках при Моисее), вдруг, вот так сразу, после боя евреев с амаликянами на выходе из Египта, становится Иисусом Навином, главным военачальником всех войск Израиля.

И это у евреев, с их традиционным почитанием и даже преклонением перед старшими. Причём, ни у кого из евреев не возникало даже тени сомнения в праве Иисуса Навина на эту высочайшую должность.

Не бывает такое просто так. Должен был Осия в том бою совершить какой-то удивительный подвиг. Иначе не связывается.

По Торе, победу евреев в эпизоде с амаликянами обеспечил Моисей с помощью Бога. Осия там тоже есть, но как-то вскользь — орудие Бога и только.

Такое мы знаем, видели не раз на всём протяжении письменной истории. Какая-нибудь Малая Земля, на которой решилась судьба Великой Войны. Или история Первой Конной Армии Будённого. На моей памяти три или четыре раза менялось имя её создателя. В зависимости от политических событий в стране. Теперь вроде бы устоялось — Будённый. Надолго ли?

Но это я забегаю вперёд. Яростный бой с амаликянами на выходе из Египта и подвиг Осии, решивший исход сражения, — событие и интрига из второй части книги.

После этого, на мой взгляд одного из ключевых событий в истории исхода евреев из Египта, в Торе появляется новый персонаж — Иисус Навин, военный начальник войск Израиля, вождь и герой еврейского народа. Появляется в Торе, значит появится и в моем детективе.

В первой части я описываю загадочный амок, священное безумие. Мне это явление нужно, чтобы объяснить некоторые технические детали, связанные с подвигом Иисуса Навина в бою с амаликянами.

Заметим только, что загадочность амока — это для европейца или американца. Для жителя какой-нибудь Малайзии нет тут ничего загадочного. Просто редкое и очень тяжёлое психическое заболевание.

Португалец Фернанд Мендес Пинто, пират, моряк и путешественник, автор книги «Странствий», живший в 16 веке, описывает удивительный способ ведения войны, имевший место у некоторых народов Юго-Восточной Азии.

Воины избранного отряда (следуя свидетельству Пинто, численность таких отрядов доходила до пяти тысяч человек) через медитацию вводили себя в амок — священное безумие. В таком состоянии они убивали всех вокруг, включая друг друга. Эту обезумевшую толпу выпускали на позиции противника.

Выйти из амока они не умели. Так что после операции оставшихся в живых добивали свои же. Смерть эта считалась очень почётной.

И для древних евреев ничего удивительного в таком состоянии не было. У царя Саула бывали приступы, когда он хватал меч или копьё и убивал всех, кто подвернётся ему под руку.

Такое же состояние умел вызывать у себя Самсон. Вспомним эпизод с убийством нескольких тысяч филистимлян ослиной челюстью. Так что амок явление редкое, но не загадочное.

Можно ещё о многом о чём поговорить: снова про Корея, про Академию Иосифа, про фараонов: про Фараона древнего, времен Иосифа, и про Фараона Исхода. Но где-то надо остановиться. Да и будет у нас ещё такая возможность.

Как факт: я закончил первую часть. Удалось! В смысле удалось закончить. Что получилось — это уже совсем другое дело.

Первая часть моей книги это только предыстория. Предыстория и Исхода, и героев моего детектива. Мы, вместе с ними, остановились на пороге, у входа в Историю.

Впереди у героев книги даль, сверкающая и прекрасная. У кого-то из них даль эта переполнена подвигами и свершениями. У других разрисована красками власти и богатства.

У Осии она кроваво-красная.

Пока ещё, у каждого, даль впереди такая, какая кому нравится.

Ну а у нас впереди вторая часть этого детектива — «Пустыня».

Название я в Агаде подсмотрел. Очень правильное. В этой истории пустыня — это не только географическое понятие. Слово «Пустыня» — это ещё некий, едва уловимый, психологический запах событий и Торы, и моего детектива. Каскад смутных полуабстрактных акварельных образов.

Кстати: о запахе, музыке и зрительных ассоциациях, которые я старался навеять читателям моей книги.

Не совсем корректное или даже совсем некорректное умышленное использование слов и конструкций русского языка, призванное обеспечить эти мои старания, породило целую серию яростных сражений между мной и моими корректорами.

Я смог выиграть эти бои только используя моё превосходство в занимаемой позиции. Автор я. И я клиент. А клиент всегда прав. Только так удалось победить.

Один из примеров: использование в тексте слова «мангуста» вместо «мангуст». В русском языке использование обоих вариантов допустимо. Но, поскольку у меня мангуста всегда мужского пола, то, наверное правильней было бы использовать более мужской вариант: «мангуст».

Тем не менее, я оставил вариант «мангуста». На мой взгляд (или нюх, или слух) слово «мангуста» порождает некую музыку, сочетающуюся с музыкой Торы. Есть у такой формы этого слова волшебный запах, запах древнего Востока.

Или слово «Фараон». В Торе, в Коране (и у меня) это почти всегда имя собственное. Соответственно пишется с большой буквы. Тут я совсем прав. Но для корректоров «Фараон» с большой буквы как красный цвет для быка.

Другой пример: использование мной слова «Вы» в прямой речи. Почти везде я пишу это слово с большой буквы, хотя в русском языке это не принято.

Но пишу я про евреев, людей восточных, и сам я прожил большую часть жизни на востоке среди узбеков. У узбеков, младший по возрасту или по положению всегда обращается к старшему на Вы. На «Вы» и явно с большой буквы.

И в русских деревнях в старые времена дети к родителям, жена к мужу, младший к старшему всегда обращались на Вы: на «Вы» с большой буквы.

Традиция использования в русском письменном языке в прямой речи слова «вы» с маленькой буквы на мой взгляд позаимствована из западно-европейских языков: французского, английского, немецкого.

В английском языке, например, слово «you» — «вы» пишется почти всегда с маленькой буквы, а слово «I» — «я» всегда с большой. Какой-то глубинный национальный смысл в этом есть наверняка.

Я же пишу о Востоке, а на Востоке это не так. У нас, на Востоке, «я» всегда пишется и произносится с маленькой буквы, а «Вы» всегда с большой.

И мне, в моей книге, хотелось, чтобы Вы во время чтения ощущали пряный запах узбекского плова, а не изысканные ароматы французской кухни.

Теперь о «некорректных» словах, используемых мною. Почти каждый, читающий

предварительные варианты книги, находил в тексте слова, которые, на его взгляд, не могут использоваться в письменной речи или вообще, или же в моей книге конкретно.

Но посмотрите, как изменился мир. Слова «хитрожопые» или «херово» ни у кого не вызвали отторжения. Слова как слова. Нормальные. Спасибо Игорю Мироновичу Губерману. Расширил русский письменный язык.

А вот «отморозок», или «достали», или «выпендриваться», или «наехали», или «резиденция» (почему-то) и многие другие подобные слова породили суровые обвинения в мой адрес в самых неожиданных грехах. Замечу, что обвинения эти хотя и суровые, но обычно вполне доброжелательные.

Речь идёт только об используемых словах. Об идеях того же сказать не могу. Что касается идей, то доброжелательностью как правило не пахнет. Если уж нападают, то нападают по полной.

Стандартных формулировок о проблемах со словами две: «так не говорят» или «так тогда не говорили». Есть ещё и нестандартные обвинения, но их все не перечислишь.

Ответ на первое стандартное замечание простой: я так говорю, и не я один так говорю. А это значит, что «так говорят». Это мой язык и язык моего окружения. Все люди образованные и нетривиальной культуры.

Ответ на второе стандартное обвинение ещё проще: я никогда не брался за идиотский труд восстановления того, как говорили люди 3-4-5 тысячелетий тому назад. То, что это просто невозможно, ещё и не самое главное. Важнее, что смысла нет.

Так что, как сказалось, так сказалось. Ничего с этим не поделаешь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

---

notes

От автора. Данная книга является первой книгой предполагаемой трилогии. Приключения, подвиги и деяния великого еврея Авраама излагаются в третьей книге трилогии «Авраам — отморозок из Ура. Становление Бога и Народа».

От автора. Если Вас не интересует Тора и история, если Вы просто любите боевики и детективы, то главы, помеченные *, можете пропустить. Останется то, что Вам надо — боевик.

И всё-таки я советую Вам начать читать эти главы. Станет скучно — тогда и пропустите. А может увлечётесь? Чего на свете не бывает. Всё-таки Тора, Книга всех книг. И история самая-самая древняя. Не интересно? Не верю.

Подсказка от автора для читателей, которые не интересуются историей и Торой.

Главы 5,6,7 можете пропустить. Продолжение детектива в главе 8, стр. 69. Вам туда.

От автора. Приключения и удивительные свершения великого еврея — Иосифа Прекрасного излагаются во второй книге трилогии «Иосиф и Фараон. История авантюриста и комбинатора».